

Книга и слово. Взгляд в будущее

Произведения лауреатов и участников Международного литературного конкурса молодых белорусских и российских литераторов Союзного государства «Мост дружбы» (2012-2020 гг.), учрежденного Постоянным Комитетом Союзного государства

Оглавление

ЧУПАКАБРА	2
ГРЕБЕНЬ В ЯЩИКЕ	7
ТУМАННОСТЬ МЁРТВОЙ ГОЛОВЫ	13
МЕТАМОРФОЗЫ	20
СОПРИЧАСТНОСТЬ	25
БАБА ДУСЯ УЕЗЖАЕТ В ГОРОД.....	31
«ЗАКОН ЖИЗНИ».....	33
ПУТЕШЕСТВИЕ СКВОЗЬ ПАМЯТЬ	36
СКАЗ О БРАТЬЯХ СЛАВНЫХ	45
ОБОРОТ	47
ШЕРСТЯНОЙ ЧЕЛОВЕКЪ	64
ДЕВИЦА МИРА.....	70
ЗАВЕТНОЕ ЖЕЛАНИЕ	77
ПОДРЕЗАЯ СОРНЯКИ	80

Чупакабра

Александр Москвин (Российская Федерация) родился 25 ноября 1990 году в посёлке Энергетик. В 2009 году с серебряной медалью окончил школу и переехал в Оренбург. В 2012 году стал лауреатом региональной премии имени П. И. Рычкова в номинации «Дебют». Победитель Международного литературного конкурса молодых белорусских и российских литераторов Союзного государства «Мост дружбы» (2012 г.)

Непроглядная тьма вгоняла притихший лес в подобие гипнотического транса. Полная луна, словно единственный глаз старого гипнотизёра, сверлила округу пронзительным взором. Извилистая тропинка уводила в самую чащу. По обе стороны от неё неприступными скалами возвышались могучие дубы, помнящие кровавую мясорубку гражданской войны. За бесконечной чередой деревьев скрывалась поляна, на которой расположился Свято-Даниловский скит - небольшая церквушка с парой приусадебных построек.

Много лет назад монах-отшельник решил уйти от суетного мира. Он забрался далеко в лес, где и построил небольшой скит. Отшельник давно умер. Церковь провозгласила его святым. С тех пор в скиту регулярно жили двое-трое монахов из ближайшего монастыря. Они следили за порядком, принимали многочисленных паломников, вели хозяйство.

По извилистой тропинке брели двое мужчин. Первый - грузный верзила с глубокой складкой на лбу и сутулой спиной. По паспорту его звали Артём Григорьевич Кабанов. В жизни ему чаще приходилось отзываться на кличку Секач. Он имел за плечами уже три ходки на зону. Завязывать с криминальным ремеслом он не собирался. Ничего другого, кроме как воровать всё, что под руку подвернётся, он не умел.

По пятам за Секачом следовал молоденький парнишка, тощий и бледный. Кличкой он обзавестись ещё не успел, а потому откликался на имя Антоха. В его криминальной биографии особых достижений не значилось. В основном он занимался мелочами: летом воровал магнитолы из автомобилей, а зимой обчищал пустующие дачи. Однажды он угодил на скамью подсудимых. Судья ограничился условным сроком.

Антоха и Секач держали путь в Свято-Даниловский скит. Шли они не за спасением души. Отпущение грехов и прикосновение к святыням их тоже не интересовало. Они шли на дело. Секач недавно разузнал, что в скиту полным-полно старых икон и дореволюционных богословских книг. В годы советской власти всю область охватила атеистическая лихорадка. Воинствующие безбожники разрушили сотни церквей, уничтожили множество реликвий. Разгул мракобесия не повредил скиту. Обитель, затерянная в непролазной чащобе, не привлекла внимания борцов с религиозным дурманом, поэтому там сохранилось множество старинных икон и книг. Всё это богатство почти не охраняется. Братия монастыря насчитывает три человека, один из которых немощный старец, а другой - неоперившийся юнец.

Антохе затея сразу не понравилась. Он недоумевал, кому нужны размалёванные доски и потрёпанные книжки. Секач сослался на знакомого барыгу, который готов отвалить за барахлишко кругленькую сумму. Сумма была настолько кругленькой, что у Антохи округлились глаза. Он согласился подсобить Секачу в нелёгком деле. В ночном лесу энтузиазм его испарился.

Вопросы веры Антоху не занимали. Бешеный ритм жизни не оставлял времени на размышления о боге. Антоха носил на шее крест; Рождество и Пасху воспринимал как очередные поводы выпить. А бог... есть он, нет его, какая разница!

В тёмном лесу Антоха впервые обратил взгляд в небеса: не шархнет ли молнией разгневанный господь по двум богохульникам, дерзнувшем обворовать обитель. На небосклоне не наблюдалось ни облачка. Хорошая погода не ослабила страх перед божьей карой.

Мало того, взвинченные нервы взялись играть с Антохой злую шутку. В лесу царил тишина, лишь страдающая бессонницей птица заводила печальную песню о неразделённой

птичьей любви. Стенания несчастной птицы тонули в море других, надуманных звуков. Антохе слышался громкий хруст веток. Парень оглядывался по сторонам. Он всматривался в темноту воспалённым взглядом. Ничего не видать, а чувство такое, будто по пятам идёт невидимый преследователь, готовый покарать злоумышленников за ещё не совершённое злодеяние. Треск сучьев сменялся протяжным чавканьем, сквозь которое пробивались жалобные стоны и дьявольский хохот. Фантазия прокручивала жуткую картину, в которой неведомые науке хищники кого-то с аппетитом пожирали. Антоха снова вглядывался во тьму. Зрение упиралось в темноту, за которой могло скрываться всё что угодно.

Антоха зажжёт фонарик. Луч света самурайским мечом вспорол брюхо темноте. Бесформенные страхи не отступали. Разгонять уральскую ночь светом фонарика занятие бессмысленное. Под ногами становится светлее, а вокруг мрак только сгущается.

— Фонарь выключи! - цыкнул Секач.

— Там кто-то есть! - мотнул головой Антоха. - Кто? - усмехнулся Секач.

- Не знаю, - повёл плечами парень. - Бабка из одной деревни недавно говорила, тут эта... как её... чупакабра водится!

- Какая такая чупакабра?

- Бабка говорила, эта тварь такая, она по ночам овец утаскивает, а потом кровь из них пьёт! Их сюда вроде американцы забросили!

- Скажешь тоже! Тут волки передохли давно, не то что эта твоя, сколопендра! Не кипишуй, Антоха! Всё ровно!

- Слушай, Секач! Ну его, этот монастырь! Пошли обратно!

- Ты чего, очканул, что ли?

- Да это.

- Что «это»?

- Вдруг бог накажет!

- Вот ему делать больше не фиг! И вообще, пословица есть: «Бог создал вора, чёрт - прокурора», так что не кипишуй, и всё пучком будет!

Секач отвернулся. Под его ногами снова захрустела листва. Антоха поплёлся за ним. Он старался унять докучливые страхи, но они всё равно хватили его за горло цепкими костлявыми пальцами. Антоха с завистью посмотрел на сутулую спину Секача. Старшему товарищу страх неведом. Идёт по ночному лесу на чёрное дело, как на обычную прогулку. Секач не боится ни темноты, ни шорохов, ни божьей кары. Антоха мечтал когда-нибудь стать столь же хладнокровным.

Даже самое длинное путешествие имеет свойство заканчиваться. Лес поредел. Сквозь сплетения ветвей показался купол церквушки. Удалось разглядеть сгорбленные крыши хозяйственных построек, ровные грядки небольшого огорода. Секач спрятался за раскидистым дубом. Антоха укрылся за широкой спиной товарища. Матёрый вор вглядывался в темноту. Всё тихо. Монахи спят. Никто не помешает двум злодеям провернуть чёрное дело.

- Пошли, - махнул рукой Секач. Они вышли из-за дерева и, крадучись, направились к церквушке. Сзади донёсся чуть слышный шорох. Антоха обернулся. Между деревьями метнулась чёрная тень.

- Там кто-то есть, - шепнул Антоха. Секач пробуравил темноту тяжёлым взглядом.

- Нет там никого, - рассудил он.

Расстояние до церквушки сокращалось. Шорохи не утихали. Антоха то и дело оборачивался. Ему мерещилась смутная тень, носившаяся между деревьями. До церквушки осталось чуть меньше десяти шагов. Шорохи сменились дробным топотом. Антоха снова оглянулся. Чёрная тень стремительно неслась на него. Антоха попятился. Тень замерла.

Перед Антохой стояло живое существо, какое не привидится ни в одном ночном кошмаре. Худое жилистое тело покрывали жёсткие волоски. Толстую шею венчала огромная голова с вытянутой мордой. От покатога лба и до плеч кучерявилась чёрная грива. Овальные ноздри со свистом втягивали прохладный воздух. Существо разинуло пасть.

Мертвечиной пахло так, будто на ужин чудовище слопало всех покойников с местного кладбища. Взору Антохи предстали острые клыки, каждый размером сантиметров по десять. - Э-э, - протянул Антоха. От страха он лишился дара речи, равно как и способности здраво мыслить. Он сумел лишь похлопать товарища по плечу. Он тоже узрел чудовище. Секач взвизгнул, как баба, которую незнакомые мужики застукали за справлением малой нужды.

Существо поднялось на задние лапы. Так оно стало на две головы выше Антохи. Чудовище взмахнуло правой лапой. На ней Антоха разглядел длинные когти. Медведь ударом лапы может снести незадачливому охотнику полголовы. Эта тварь лёгким движением когтей способна сделать из человека колбасную нарезку. Секач ополоумел от страха. Выпученные глаза едва не выпали из орбит. Ощутимо пахло дерьмом - бесстрашный уголовник наделал в штаны. Секач ткнул в существо указательным пальцем, словно хотел указать на него невидимым свидетелем.

- Бежим, - пролепетал Антоха непослушными губами. Секач лишь издал серию высоких звуков, отдалённо похожих на икоту. Антоха не стал дожидаться товарища. Он метнулся в сторону. Ставшие ватными ноги не удержали его. Антоха повалился на землю. Сдаваться он не собирался. Он пополз к лесу, извиваясь, как червяк, брошенный на раскалённую сковородку. Каждый удар запыхавшегося сердца обращался громовым раскатом.

Перед глазами зависла чернота. Антоха не знал, куда ползёт и где находится. Он просто двигался вперёд. Сквозь грохот обезумевшего сердца пробивалось тяжёлое дыхание чудовища и жуткая икота Секача. Желудок сжался. Рот обожгла нестерпимая горечь. Горячая рвота потекла по губам. Антоха долбанулся головой о дерево. Он сменил траекторию движения. Паническое бегство привело его в заросли кустарника. Острые иглы вонзились в кожу. Антоха не обращал на них внимания. Он полз сквозь темноту навстречу спасению. Он бился головой о незамеченные деревья. Он расцарапал морду о шершавую кору, занозил руки жгучими колючками. Остановиться Антоха не мог. Повсюду ему слышались смрадное дыхание монстра и отрывистые стоны Секача...

С тех пор минуло без малого пять лет.

По той же извилистой тропинке в Свято-Даниловский скит топал Антоха. Прожитые годы изменили его. На худосочном теле вздулись мышцы. Ровную осанку подпортила злобная сутулость. Походку изувечила лёгкая хромота. Лицо тонуло в густой бороде. Антоха зябко кутался в осеннюю куртку. Ласковое солнышко клонилось к закату. Нежно-розовые лучи указывали Антохе путь. Помыслы его были чисты, как руки хирурга перед операцией. Собственно говоря, в операции Антоха и нуждался. В операции, которая избавит его от груза прегрешений.

После той ночи десятилетней давности жизнь Антохи в корне изменилась. Жители ближайшей деревни нашли его утром - грязного, оборванного, перемазанного собственным дерьмом. Он неумело крестился и бормотал что-то о дьяволе, который бродит по лесу и собирает свежие души, как ягоды. Собирает и складывает в кузовок, в котором умещается вся преисподняя.

Об этих событиях Антоха знал со слов психиатра. Обезумевшего парня сразу же отправили в психушку. Жёлтый дом надолго стал приютом для Антохи. Первое время он пребывал в полубессознательном состоянии. Антоха не помнил своего имени, не понимал, где находится. Он круглые сутки порывался куда-то бежать. Его рот исторгал то рвоту, то бредни о гуляющем по лесу дьяволе.

Через пару месяцев бред прекратился. Антоха вспомнил своё имя и всю биографию, вплоть до мелочей. Образ дьявола его не отпускал. Чудовище, которое Антоха величал сатаной, являлось к нему каждой ночью. Даже обрывочная дрёма заканчивалась появлением чудовища. Никакие препараты не спасали от ночных кошмаров. Каждый раз

жуткие сновидения становились всё более кровавыми и изощрёнными. Антоха чувствовал приближение чудовища. Он орал, пугал соседей по палате. Вечно перебинтованной головой Антоха молотил по стене, стараясь пробить путь на волю. Беседы с равнодушным ко всему врачом, регулярные зуботычины от озлобленных жизнью санитаров, болезненные инъекции препарата со сложным названием... ничего не помогало.

Справиться с наваждением сумело лишь время. Оно, конечно, лекарь отвратительный, но зачастую работает гуманнее и эффективнее, чем персонал районной психушки. Пять лет непрерывной борьбы с наваждением привели к маломальскому результату. Кошмары прекратились. Вернее, они стали посещать Антоху гораздо реже, в среднем два-три раза в месяц.

После выписки из больницы Антоха отправился в Свято-Даниловский скит. Время исцелило его разум, а душа по-прежнему поражена безумием. Лишь в стенах обители Антоха обретёт покой и прощение, если, конечно, бог прощает тех, кто покушается на святых. Из-за деревьев показался тусклый купол крохотной церквушки. Забытый страх рвотным комком заворочался в горле. Когда-то здесь Антоха столкнулся с воплощённым злом... или не злом? Оно как-никак наставило его на путь истинный.

С каждым шагом ноги наливались свинцовой тяжестью. В ушах зашумело. Ожили звуки, краски и ощущения той давней ночи. Антохе захотелось поскорее убраться отсюда, припустить что есть мочи и вернуться в психушку, где дружелюбные санитары со звериными рылами вколют ему очередную инъекцию успокоительного. Наваждению Антоха не поддавался. Он сжал кулаки. Желтоватые зубы впились в нижнюю губу. Антоха шёл навстречу спасению. Лишь там, в скиту, он навсегда избавится от бесконечного кошмара. Трое монахов копошились на огороде, вели усердную борьбу с сорняками. Антоха, перебарывая робость, приблизился к ним. Смущение доселе ему было незнакомо. Он с лёгкостью завязывал разговор с кем угодно. Перед бородатыми мужчинами в чёрных рясах он спасовал. Было в них что-то необычное. Говорят, есть две категории - «мирское» и «священное». Антоха всю жизнь провёл в мирском. Священное ему неизвестно. А они - наоборот. Тела их пребывают на грешной земле, а души приблизились к небесам.

Монахи заметили Антоху. Двое (мужчина богатырского телосложения и худенький, как веточка, парнишка) продолжили работу. Седобородый старик подошёл к Антохе. Антоха вглядывался в его лицо и гадал, сколько монаху лет. Ему легко можно дать и пятьдесят, и восемьдесят. Не будь седой окладистой бороды, он бы сошёл и за сорокалетнего. В лучистых глазах таилась сокровенная мудрость. Не та заумная и недоступная простым смертным, которой кичатся университетские профессора, а житейская, человеческая, которая подбирает ключ к любому сердцу.

- Чего тебе, добрый человек? - спросил старик. Антоха замешкался с ответом. Он сам не определился, чего ему надо. Монах терпеливо ждал ответа. Покаяться я хочу, - сообразил он, наконец. - Вором я когда-то был. Даже эту вашу церковь обнести, ограбить в смысле хотел.

- Мы здесь грехи не отпускаем, - покачал головой монах. - Мы монахи, а исповедь - это таинство. Исповедать тебя может только священник. Ступай в любую церковь, там и покаешься.

- Нет, - упорствовал Антоха. - Мне сюда надо. Я когда грабить вас шёл, ночью тут самого дьявола увидел.

Его передёрнуло от жутких воспоминаний.

- Тогда-то я и понял, что живу неправильно, что меняться надо, - лопотал Антоха. Путаная речь волной всемирного потопа захлестнула монаха. Старик не перебивал. Он внимательно слушал заблудшего путника. Антоха говорил так искренне и эмоционально, словно не делился воспоминаниями, а оправдывался на Страшном Суде перед самим создателем. Он умолк, лишь когда сухость обожгла горло пустынным зноем.

- Пошли, покажу кое-что, - улыбнулся монах и пошёл к одной из подсобных построек. Антоха не тронулся с места. Он ждал совета, молитвы, короче, чего-нибудь такого, что

поставит крест на его прежней жизни и откроет путь к спасению души. Старик звал заглянуть в маленький домик. Двое других монахов с сочувствием смотрели на Антоху.

- Чего стоишь? - окликнул его старик. - Пошли, так надо.

Антоха последовал за ним. Они зашли в постройку. В углу сидело то самое существо, которое и свело Антоху с ума. Оно и днём выглядело чересчур уродливым, но порождением преисподней оно больше не казалось, так, заковыристый каприз матушки-природы. Рядом с существом возвышалась гора капусты. Оно ухватило крупный кочан и вонзило в него клыки. В его когтях уместнее смотрелась бы не сочная кочерыжка, а человеческая голова. Одним укусом существо оттяпало половину кочана и принялось с причмокиванием его жевать.

- Это чего? Это чего такое? - лопотал Антоха, не веря своим глазам.

- Чупакабра, - сказал старик самым обыденным тоном, будто речь шла о зайце или воробье.

- Кто? - уточнил Антоха.

- Я же тебе сказал, чупакабра! Расскажу я тебе, как дело было. Много лет назад жители окрестных деревень переполошились. Овцы начали исчезать. Поползли слухи, будто их какой-то зверь уносит. Как раз по округе какие-то странные следы появились. Никак не могли люди зверя изловить. Уж и охотники старались, а всё без толку. Только алкашу одному удалось разглядеть в темноте неясный силуэт и клыкастую морду. Зверя назвали чупакаброй. Как раз, одна популярная газета о такой чупакабре написала. Раз простыми средствами известить чупакабру не получилось, жители принялись всяким мракобесием заниматься. И экстрасенса сюда привозили, и уфологов. Они, знай себе, ходят, посмотрят, умных слов наговорят и уедут. Уж и в монастырь жители обращались, мол, освятите сараи наши, авось, тварь бесовская и уймётся. Настоятель, человек серьёзный, отказался. Сказал, мол, суеверие всё это. А мне интересно стало. Я ж до того, как монахом стать, учёным был. Зверей изучал. Однажды ночью пошёл я в деревню. Иду, тишина. И вдруг слышу, крадётся кто-то. Оборачиваюсь, а позади меня она, чупакабра, сидит...

Чупакабра смекнула, что речь идёт о ней, и энергично захлопала ушами, после чего продолжила истреблять капусту.

- Я перепугался, - продолжал старик, - а она рычит и зубы скалит. Я и не знаю, чего делать. Порвёт ведь. И тут Господь меня надоумил. Я руку протянул да и погладил её по загривку. Она заурчала, клыки спрятала. Я её за ушком почесал, как котёнка. Так она на задние лапы села и сморит на меня, а глаза такие умные-умные, преданные-преданные, у человека и то такого взгляда не бывает. Думаю, надо уходить, а она за мной увязалась. Пришли мы в скит. Я братии обо всём рассказал. Решили мы эту чупакабру тут у себя оставить. Всё-таки божья тварь. Оказалось, скотину не чупакабра уносила, травоядная она! Видишь, как на капустку налегает! А овец алкаши местные воровали... Чупакабру мы у себя поселили. Днём она тут, в сарае, сидит. По ночам мы её выпускаем. Пускай побегает, разомнётся.

- А если люди придут? - испугался Антоха.

- По ночам тут мало кто ходит, - объяснил старик. - А если и ходит, то ворьё одно. Узнают про наши иконы да книги, вот и лезут сюда, а чупакабра их отпугивает. Так-то она добрая. Плохого человеку не сделает, но напугать может до полусмерти. Вот товарища твоего она шибко испугала. Он тоже недавно приходил. Прощения просил.

- И вы простили?

- Сам Господь повелел нам прощать.

- А вы не боитесь, что о вашей чупакабре кто-нибудь ещё узнает?

- О ней многие знают, но все они никому о ней не расскажут. И ты молчать о ней будешь.

Старик подошёл к чупакабре. Его морщинистая рука легла на лобастую башку животного. Чупакабра зажмурилась и довольно зафыркала. Антоха смотрел на неё и удивлялся, как искренняя вера превратила безумие природы в домашнего питомца. Антоха

вышел на улицу. Двое монахов трудились на грядках. Они жили в непролазной глуши без телевизора, супермаркетов и прочих благ цивилизации. Каждый день они посвящали труду и молитвам. На их одухотворённых лицах не было той фальшивости, что свойственна горожанам. Никогда ещё Антоха не видел таких ярких, таких искренних улыбок.

Он перевёл затуманенный взгляд в небеса, где кровавой царапиной наливался закат. Впервые Антохе показалось, что мир - это нечто большее, чем он привык думать. Вокруг него проносился новогодний хоровод воспоминаний. Его прежняя жизнь не отличалась разнообразием. Кража, поножовщина, пьянка, секс с доступной давалкой и всё по новой. Такое чувство, будто это вовсе и не жизнь, а диск с отвратительным криминальным сериалом, который тупоголовый телезритель прокручивает по сотому разу. От этой круговерти никакой отдачи. Сплошная тоска. Она-то и привела Антоху прямо в лапы к дьяволу. Вернее, для него, для Антохи, это дьявол, а для монахов - лишь домашняя зверушка.

Солнце садилось. Монахи закончили работу и отправились на молитву. Из церквушки доносились их звучные голоса. В сарае завывала чупакабра. По щекам Антохи катились слёзы, горячие, как вулканическая лава.

Точно так же он будет плакать через три года, когда примет монашеский постриг.

ГРЕБЕНЬ В ЯЩИКЕ

Алена Беланожка (Республика Беларусь) – режиссер, поэтесса, драматург. Родилась 17 сентября 1985 года в г. Могилеве. Окончила Белорусский государственный университет культуры и искусств. Работала режиссёром Заслуженного любительского коллектива Республики Беларусь – детской эстрадной студии «Весёлые нотки», режиссёром Центра творчества детей и молодёжи «Виктория» партизанского района Минска, режиссёром Национального центра художественного творчества детей и молодёжи, сейчас работает редактором в Могилевском городском центре культуры и свободного времени. Театральные постановки по сценариям автора показаны на площадках Могилёва (Дворец Республики Могилёвской области) и Минска (Дворец Республики). Лауреат премии «Шанс» национального конкурса на создание литературного сценария полнометражной художественной ленты («Беларусьфильм», Минск, 2008); победитель конкурса на создание литературного сценария и мультипликационной ленты (Министерство культуры Республики Беларусь и «Беларусьфильм», Минск, 2011); финалистка конкурса «Экслибрис» (СПб, Минск, 2012). Печатается в государственных журналах и газетах. Победитель Международного литературного конкурса молодых белорусских и российских литераторов Союзного государства «Мост дружбы» (2012 г.)

Ветки старой берёзы покачнулись, словно от резкого порыва ветра. Однако информация, полученная с трёх метеозондов, свидетельствовала о том, что и сегодня ночью, и завтра днём над исследуемой местностью ожидается практически полный штиль.

Студентки задержали дыхание, опасливо переглянулись и уставились на своего научного руководителя - чернобородого мужчину, который с хитрым прищуром смотрел на берёзу.

- Василий Петрович! - прошептала в околугубной микрофончик рыжая девушка, откинув с лица длинную прядь волос, порядком взлохмаченных лозой и большими наушниками. - Берём?

- Пылаева, это белка... - чуть слышно ответил Василий Петрович.

- Белка? А чего ей не спится, ночь ведь? - спросила вторая девушка, коротко стриженная, с кольцом в правой брови.

- Потому что, Ханько, вы её своими глупыми вопросами разбудили. - всё так же, почти беззвучно, сказал научный руководитель, не отводя глаз от берёзы. Белка, ловко махнув точёными лапками, перепрыгнула на соседнее дерево, с него - на другое и исчезла в лесу.

Берёза шевельнулась. Пылаева и Ханько сверили атмосферные данные. Ошибки быть не могло: полное затишье.

Василий Петрович поднял вверх указательный палец, а потом присвистнул. Из соседних зарослей показалась голова молодого человека - третьего участника студенческой исследовательской группы. Парень кивнул, с тоской посмотрел в сторону берёзы и дотронулся до экрана планшета, который держал в руках. Сеть миниатюрных рентген-излучателей, которой были покрыты кусты вокруг берёзы, начала передавать на экран изображение.

На ветке берёзы сидело живое человекоподобное существо. «Живым» его можно было назвать только с большой условностью: существо не образовывало тепловое поле - его температура была такой же как и температура окружающей среды; к тому же существо не дышало, не было видимым в лунном свете и не отбрасывало тени. Несмотря на это, оно вело себя как живое: шевелилось, каталось на ветке, а через минуту даже начало петь - тихим, мелодичным женским голосом.

- Она ещё и поёт! - возмутилась Пылаева и раздвинула лозняк, выставив перед собой маленький розовый диктофон.

- А что ей грустить: сидит на своей берёзе в свой праздник! - прошептала Ханько.

- А вчера нашего Яника заманила в воду, насилу спасли его! - Пылаева поправила микрофон и тревожно посмотрела в том направлении, где прятался парень.

- Это потому, что Яник был без крестика. Двоечник! - Ханько тоже посмотрела в сторону парня.

- Д-давайте н-не буд-дем её т-трогать, - заикаясь, сказал Яник из зарослей.

- Как это не будем? - разозлилась Пылаева. - Мы на эту русалку четвёртые сутки охотимся!

- Да тише вы! - шикнул на студентов научный руководитель. - Ханько! Готовьте препарат!

Ханько взяла чёрный пневматический пистолетик с наклейкой-цветком на рукоятке и направила дуло на русалку. Раздался короткий хлопок. Невидимая русалка, наделав громкого шороху и треска, стекла с дерева со шприцем в левом бедре.

Василий Петрович кивнул и выпрямился. Яник отключил излучатели.

- Сейчас проявится. Сейчас.

Действительно, через несколько секунд на траве, как изображение на фотоплёнке, начал проступать силуэт русалки. Скоро под берёзой уже лежала удивительно красивая, но очень бледная девушка с волосами длиной по голень, в белой сорочке с длинными рукавами.

Василий Петрович подошёл к русалке. За ним настороженно подтянулись студенты.

- Только в глаза ей не смотрите. Крестики на всех есть? - спросил Василий Петрович.

- Да. Взяли в музее под роспись! - сказала Ханько.

- Только не забывайте, что наша официальная религия - универсология, а наши боги - Наука и Эксперимент. Утром чтобы сняли крестики и вернули их в музей, - предупредил студентов научный руководитель.

Пылаева осторожно дотронулась до русалки и прошептала:

- Какая холодная!

- Конечно! Она же мёртвая! - радостно объявила Ханько.

- Из-за препарата?

- Нет. Препарат её только обездвижил, проявил и сделал осязаемой. Она мёртвая сама по себе. Смотрите: след от верёвки на шее. Наверное, повесилась, когда человеком была. Ценный экземпляр.

Ханько знала в теории всю русальную традицию славян и могла рассказывать о русалках сутки напролёт.

- А разве не только утопленницы становятся русалками? - удивлённо спросила Пылаева.

- Пылаева! - раздосадованно протянул Василий Петрович, махая затёкшими от долгого сидения руками и ногами. - Я сейчас тебе поставлю «два» за знание предмета.

Ханько?

- Все девушки-самоубийцы, вне зависимости от того, как распрощались с жизнью, становятся русалками. Ну, ещё дети, которые умерли некрещёными или которых «приспали» невнимательные мамашки, - отчеканила Ханько.

- Интересно, она может чувствовать боль? - подумала вслух Пылаева, выдернув иглу из бедра русалки.

- Вот и выясните. Это ваш дипломный проект, а я - всего-навсего научный руководитель, - Василий Петрович попрыгал на левой ноге, сделал несколько приседаний, зевнул и лениво сказал: - Запаковывайте объект - и в лабораторию. А у меня ещё группа 514-с никак не может разобраться с банником - он им уже всю сауну перевернул кверху дном. Оревуар!

Научный руководитель направился к своему автомобилю, замаскированному «под кустик». Авто заурчало, сверкнуло под луной, подмигнуло фарами и исчезло в просеке, оставив за собой тонкую фату пыли.

Пылаева и Ханько развернули термосберегающий мешок.

- В сауну поехал! - с завистью сказала Пылаева. - Конечно, там Светочка Вербка в кашемировой сорочке ловит банника на голую грудь, он такое зрелище не пропустит.

- Ещё неизвестно, что она ловит, эта Светочка, и как она это потом будет лечить. Вот так весёлая вдова: года не прошло, как муж утонул! Помогите-ка, Яник! - обратилась Ханько к парню, ухватив русалку за ноги.

Но парень стоял неподвижно, тихо повторяя:

- Д-давайте оставим её т-тут. Д-давайте, а?

- Э-э, серьёзно она тебя зацепила! Ты вот что... прими-ка свои седативные пилюльки и иди спать.

Ханько ухватила русалку за волосы, но тотчас же одёрнула руку. Из волос торчали зубчики железного гребня.

- Гребень. Железный. Острый! - Ханько облизнула пораненную ладонь. Пылаева аккуратно вытянула гребень из волос русалки и взвесила в руке:

- О-о, тяжёлый! Интересный артефакт. Сдадим на экспертизу, результаты поместим в дополнение к работе!

Девушки запаковали русалку в мешок и потянули по земле к микроавтобусу, который стоял под ольхой в полукилометре от места поимки объекта. Парень молча последовал за ними.

Пылаева и Ханько исследовали объект в научной лаборатории. Пылаева возилась с цифрами в отделении статистики, Ханько в павильоне проводила опыты над русалкой, тестируя ту на устойчивость к разным веществам, звукам и средам. Русалка бегала внутри сферического электромагнитного вольера, силясь вырваться, но не могла преодолеть невидимый барьер, который искрил и больно бил её током.

- Дайте мне гребень! Верните мне гребень! - кричала она, тянула руки к исследователям, но тут же получала разряд, шипела и отпрыгивала назад.

- Электричество ей не по нраву, - констатировала Ханько, когда в павильон вошла Пылаева с электронным планшетом в руках.

- А она не вырвется? - испуганно спросила Пылаева, вводя в базу данных последние показатели с датчика, вживлённого русалке между лопаток, куда та не могла дотянуться своими длинными, гибкими пальцами.

- Никак. Высокое напряжение - раз, кодовые герметичные двери в лаборатории - два, постоянный надзор - три, - уверенно сказала Ханько.

- Добавь несколько единиц. Что-то мне неспокойно.

- Боишься?

- Интуиция.

- Интуиция, говоришь? Говорят, у рыжих она особенно сильно развита. Что ж, накину

десяточек.

Пылаева бросила взгляд на таймер:

- Сколько она уже не расчёсывалась?

- Двенадцать часов, - ответила Ханько.

- Датчик показывает высокий уровень тревожности и средний - боли. Подождём ещё.

- Давай, чтобы не терять время, проверим, как она реагирует на повышение и понижение температуры. Сейчас наступит зима-а-а-а...

Ханько несколько раз дотронулась до сенсорного экрана. Температура в вольере русалки начала быстро понижаться. Русалка забегала по кругу, но вскоре холод взял своё: она села, обхватив руками колени, закрыла глаза и стихла. Длинные волосы, наполненные водой, обернули её целиком - и застыли на морозе, превратившись в ледяной покров.

- Смотри, смотри: замерла! - обрадовалась Ханько и захлопала в ладоши.

- Наверное, по такой же схеме они замирают в озёрах на зиму. А сейчас переселим её в Африку...

Студентка снова дотронулась до планшета. Воздух начал прогреться. Ледяная корка на русалке обтаяла. Русалка дёрнулась и резко разомкнула веки. Однако через некоторое время ей стало нестерпимо жарко: она сбросила сорочку и замелькала по вольеру вдвое быстрее.

В павильон вошёл Яник. Пылаева заметила его и поправила причёску. Но парень увидел русалку, вокруг которой струились длинные волосы, и застыл, словно каменный, не в силах отвести глаза от объекта исследования. Пылаева наклонилась к Ханько и ревниво прошептала:

- Давай проверим, какой у неё самый низкий допустимый порог влажности. Ханько кивнула и снова изменила погоду в павильоне. Вскоре кожа русалки покрылась пятнами, а волосы скрутились, как водоросли, выброшенные на берег в самый солнцепёк. Русалка упала на пол и начала задыхаться.

- Хватит! Хватит! Вы же её убьёте! - закричал Яник, бросившись к приборной панели. Экстренным переключением климатической программы он вызвал над вольером тропический дождь.

Русалка лежала и ловила губами капли спасительного ливня. Яник смотрел на неё.

- Ну, ладно. Достаточно. Объявляю перерыв! - деловито сказала Ханько. Девушки направились в уборную. У выхода из павильона Пылаева обернулась и процедила сквозь зубы:

- Ты не получишь ни Яника, ни свой поганый гребень!

Девушки вышли.

Яник выключил дождь. Русалка тяжело встала, подошла к краю барьера, а подойдя, произнесла:

- Вода тянет волосы... Дай мне гребень... Дай мне его...

Непреодолимая сила заставила Яника посмотреть в глаза русалки - живые, большие, наполненные слезами, как два колодца. Яник забыл, что умеет дышать, а когда вспомнил, резко втянул воздух в лёгкие. На ощупь открыв шкафчик, он достал оттуда гребень и бросил его русалке.

Русалка схватила гребень и всадила его в волосы. С них потекли на пол мощные струи воды. Русалка с наслаждением застонала, засмеялась, но вдруг стала серьёзной и зашептала:

- Выпусти меня отсюда. Выпусти! Я сделаю тебе хорошо в ответ.

Парень окончательно провалился в бездну русалкиного взгляда. Он потянул руку к выключателю, чтобы снять с неё электромагнитный вольер, но вдруг в павильон вошёл Василий Петрович.

- Яник! Яник! - позвал он.

Голос руководителя вытянул парня из сладкого марева. Яник оглянулся.

— Иди домой, - сказал Василий Петрович.

— Я побуду. Подежурю.

— Я сказал - иди. Сегодня дежурит Пылаева.

— Я подменю Пылаеву.

Василий Петрович подошёл к Янику, проверил пульс на его шее, заглянул в расширенные зрачки.

- Вот что. У меня ощущение, что практическое изучение объекта представляет угрозу для твоего здоровья. Так бывает. С этой минуты я освобождаю тебя от непосредственного контакта с русалкой, в том числе и визуального. Понял? Пускай наблюдениями и опытами занимаются девушки. А ты будешь анализировать данные и работать над статистикой.

Василий Петрович силой вывел парня из павильона.

Утром Яник пришёл в лабораторию раньше остальных и, несмотря на запрет, сразу направился в павильон, чтобы навестить русалку. Но первой, кого увидел парень, была не русалка.

Пылаева висела под потолком в петле из перерубленных проводов и собственных волос. Электричества в павильоне не было, поэтому вольтер отсутствовал. Русалка исчезла. Кодовая дверь без электричества превратилась в кусок железа и свободно болталась на петлях. На полу павильона Яник нашёл датчик.

Ханько, войдя в павильон, охнула и упала на стул, схватившись за сердце. Следом вбежал Василий Петрович. Он увидел тело Пылаевой, которое покачивалось из стороны в сторону на сквозняке, обхватил голову руками и закричал:

Где она? Где?

Яник показал научному руководителю датчик.

- Далеко убежать не могла - обесточен только этот павильон. Она где-то на территории, - сказал Василий Петрович.

- Включим излучатели? - предложила Ханько.

- Их нельзя держать включёнными постоянно. Это же радиация в огромных дозах. Будем ловить «на живца». Нужна приманка.

- Гребень! - Ханько бросилась к шкафу, но, отомкнув его, растерянно сказала: - Исчез...

Василий Петрович вытер лоб носовым платком:

- Если гребень у неё, то теперь это не русалка, а чистый ангел смерти. Гребень придаёт ей силы. И за то, что мы с ней сделали, она вычесет нас этим гребнем из числа живых.

В исследовательской лаборатории было введено чрезвычайное положение. Преподавателям, студентам и лаборантам запрещалось ходить по одному и носить длинные волосы. Всем были выданы шприцы с препаратом, чтобы в случае встречи с русалкой моментально её обездвигить. На ночь все до одного обязались покинуть лабораторию.

На следующий день в холодильной комнате была найдена Ханько. В её сердце торчал шприц с препаратом.

Через день в соседнем павильоне погибла Света Верба: как будто оступилась и попала под сильный разряд электричества.

Это не те жертвы, - сказал Яник над телом Вербы. - Русалка хотела затянуть в воду меня. Она не успокоится, пока не получит своё.

Вечером Яник не оставил лабораторию вместе с остальными. Он сел на пол в центре павильона и стал ждать.

Как только электронные часы обнулили время на новые сутки, в павильон вошла русалка. Она поймала своими бездонными глазами взгляд Яника, мягко улыбнулась, подошла и села рядом.

- Вот и ты... - сказала она.

- Как ты выбралась из вольтера? - спросил Яник.

- Метнула гребень и перерубила им провода.

- Если тебе был нужен я - зачем столько жертв?

- Боль за боль. Кстати, те две не мучились так, как мучили меня.

- А третью за что?

Русалка провела гребнем по волосам и дотронулась до розового шрама от верёвки на своей шее. Шрам покраснел.

- Смерть за смерть, - прошептала она.

Парню нестерпимо захотелось коснуться русалки.

- Скажи, почему ты лишила себя жизни? - спросил Яник и провёл ладонью по её шее.

Русалка зажмурилась от удовольствия.

- Из-за парня. Он женился на другой, - ответила она, схватила ладонь Яника и поцеловала её.

- И где он сейчас?

- Он утонул год тому назад. Несчастный случай.

- А её... её вчера убило током!

Русалка засмеялась. Эхо её смеха покатилося по коридорам, несколько раз отразилось от приборной панели и вылетело в вентиляционную шахту.

- Ты пришла за мной. Убивай, - Яник лёг.

- Не хочу.

Яник встал и открыл двери лаборатории. Снаружи потянуло июньской свежестью.

- Тогда иди на волю, на свою берёзу.

Русалка грустно посмотрела на парня.

- Я не хочу идти. Я жить хочу. С тобой жить! - тут она заговорила быстро и сбивчиво:

- Если священник набросит на меня крестик и окрестит новым именем, я стану человеком - живым человеком и не буду помнить, что делали со мной и что делала я! И я проживу свой век среди людей! Тебе же нравятся мои глаза, руки, моё тело? Найди священника!

- Где же я его найду? Уже целое столетие наша официальная религия - универсология.

- Я знаю, я при жизни была универсалкой. Наука не умеет воскрешать, воскрешает только вера! Ты знаешь, куда идти. Я буду ждать тебя здесь. Отнеси ему мой гребень.

Русалка воткнула гребень в волосы Яника и исчезла.

Яник подошёл к маленькой церкви, которая носила статус архитектурного памятника и поэтому не была уничтожена одержимыми чиновниками-универсологами. Теперь здесь был организован «Музей христианства». В нём постоянно жил заведующий, сторож и экскурсовод - триединый профессионально и целостный духовно музейник Мирослав, о котором ходили слухи, что по ночам он тайно служит молебны и даже крестит детей.

Яник поднялся по каменным ступеням и, немного помедлив, постучал в дверь.

- Кто такой? Зачем пришёл? - раздалось изнутри.

- Мне... я студент. Из лаборатории.

- Молодой универсолог. За крестиком или как?

- Нет, я. по личному вопросу.

Дверь открылась. Лысый музейник в чёрном балахоне прищурился, оценивая Яника, а после сделал два шага назад, пропуская парня:

- Входи.

Яник переступил порог и вошёл в музей, ходить в который без научного повода у универсологов считалось страшным пороком.

Парень осмотрелся. В свете лампад за ним наблюдали изображения сосредоточенных святых. От их взглядов у Яника похолодели руки.

Тем временем Мирослав достал из-под подола зелёную стеклянную бутылку.

- Кагор. Христова кровь! - сказал он, наливая вино в музейный экспонат - серебряную чашу, и протянул чашу Янику. - Держи.

- Я не пью.

- Я не сказал - пей, я сказал - держи, - музейник закрыл бутылку, поставил её на пол и взял чашу с вином из руки Яника. - Я знаю: вы, учёные-универсологи, кровь не пьёте. Вы её рассматриваете в микроскоп. Вы всё рассматриваете под микроскопом, а что не помещается на стёклышко, за тем наблюдаете в телескоп! Как там у вас... «причинно-следственные отношения отдельных частей пространства, которые развиваются во

времени.» Яник кивнул. Мирослав отпил из кубка.

- Вы не любите Жизнь, - сказал он, - вы её препарируете. Сначала разобрали материю на частицы. Потом ткань пространства и времени размотали, поделили. Теперь вот в параллельные измерения тычетесь, как будто открываете консервы тупым ножом. Чистый бандитизм! Вас пустили в этот мир немного пожить, а вы сразу - ломать, рвать, шкодить. И называется это всё у вас - «изучение законов существования». Вот тебя разорвать на части - ты долго просуществоешь?

Яник пожал плечами.

- А я знаю! - не дожидаясь ответа, сказал музейник. - Будет твоё тело существовать по частям, руки-ноги, пока не сгниёт, а сам ты бестелесным духом будешь блуждать в пространстве, полуживой. пока тебя не поймает какой-нибудь молодой учёный-универсал и не истерзает, как твою русалку-универсалку.

Мирослав осушил чашу, вытер губы рукавом и произнёс:

- Кстати, она вчера была тут. Сидела во-он на той берёзке, а в храм не вошла - конечно, куда ей, закладной! Благодать не пустит. Ждала, пока я выйду сам и без креста. Так вот, жаловалась на вас. Про тебя говорила, что придёшь.

Яник достал из кармана гребень и протянул музейнику.

Мирослав вытер чашу подолом и поставил её на место. Потом он открыл большой ящик, который стоял у алтаря. Ящик почти доверху был набит гребнями - железными, серебряными, медными. Музейник положил гребень в ящик и закрыл его.

Потом Мирослав прошёлся у стенда с крестами, внимательно рассматривая их, и, наконец, вынул из-под стекла один крестик - маленький, на золотой цепочке. Музейник покрутил его в руках, повернулся к парню и спросил:

- Ты мне скажи: будешь её беречь? Потому что зачем существо очеловечивать, если оно никому не нужно?

- Буду беречь! - сказал Яник.

- Как хочешь, чтобы её звали? Может, Марией?

- Можно и Марией. Красиво.

Священник улыбнулся:

- Вот и хорошо! Разучим тебя и её заниматься убийствами, научим дарить жизнь... а сына вашего первого окрестим Мирославом!

ТУМАННОСТЬ МЁРТВОЙ ГОЛОВЫ

Маргарита Латышкевич (Республика Беларусь) – прозаик и поэт. Родилась 19 января 1989 года в г. Бресте. Окончила филфак и магистратуру БГУ (по специальности «Литературоведение»). Сейчас работает в университетской лаборатории фольклора, готовится поступать в аспирантуру. В 2011 году стала лауреатом конкурса «Новая белорусская фантастика». Пишет на белорусском, русском, английском языках. Победитель Международного литературного конкурса молодых белорусских и российских литераторов Союзного государства «Мост дружбы» (2012 г.)

Он говорит:

- Ты не волнуйся, Клёник.

Это он так меня называет - Клёник.

Он говорит:

- Всё будет хорошо. Правда.

И глаза у него такие честные, и такая уверенность в голосе, что мне только одно и остаётся - не верить ему ни на йоту.

- Нет, - говорю ему. - Не блажи, Гиз.

А он смеётся. На щеках прорезываются ямочки, и кажется, что этому здоровому лбу еле-еле годиков шесть сровнялось.

Но я легко не сдаюсь.

- Гиз, - говорю. - Ты ведь знаешь, что рядовую туманность Туманностью Мёртвой

Головы не назовут. Нечисто там, Гиз.

Только у него на всё один ответ:

- Ты не волнуйся, Клёник.

Это я-то - Клёник. Я ворчу под нос на древнем языке, что достукаемся мы так в конце-то концов, что лучше б мне было летать на обычном транспортнике вторым пилотом, потому что, понимаете, и зарплата стандартная, и спокойно, и почёт с уважением. А ему - хоть бы хны: закинул ножищи на панель управления, руки за голову заложил и насвистывает себе.

- Клёник, - говорит и зеваает. - Чаю сделаешь, а?

И как его прикажете выносить?

- Вы, - говорю ему, - вы, земляне, все чокнутые. И электрочайник у нас сломался. Третьего дня, между прочим.

- Не, - отвечает Гиз. - Нормальный землянин, Клёник, сидит в офисе перед сенсорным экраном и работает на благо родной планеты. Ну, или, скажем, на Луне водоросли разводит на океаферме.

Болтает он так, а сам усмехается. Вот и поди пойми, шутит это чучело двухметровое или правду-матку режет. Довелось мне читать как-то книжонку одного нашего учёного, так там как раз и написано было: никак нельзя понять существо, возвращённое другой цивилизацией. Это уж точно. Никак не понять.

- А ты, значит, ненормальный?

Это я-то у него спрашиваю, чтобы, конечно, поддеть.

- И ещё какой, - Гиз только улыбается, он прямо-таки непрошибаемый. - Дай чайник, что ли. Починю.

- Иди ты, - говорю ему. - Не твоими же лапищами.

Пилот он, может, и хороший, но с бытовой техникой не дружит. Дотронется, бывает, только - а чайничку уже и хана. Этот вот, альдебаранский, у нас пятый.

- Ну и ладно, - хмыкает Гиз и снова насвистывает.

Я морщу лоб и соплю. Не знаю я, как чинить чайники. Я вообще-то дипломированный пилот межзвёздных перелётов В-класса, так что, простите, какого чёрта мне уметь чинить какие-то чайники?

А Гизу наплевать. Он вон вообще дремлет, дубина землянская. И не берёт его ничего. Когда везли с ним экспедицию каких-то учёных лбов с Эритеи, все животом страдали. Пока дошло, что это один из эритеевских гадов жутко ядовитый и от его яда, стало быть, резь в животе, рвота и галлюцинации, чуть жизни не лишились. Один Гиз и в ус не дул и даже эту клятую ящерицу сахаром с руки прикармливал.

- Клёник, - говорит Гиз. Он и не спит вовсе. - Ты брось этот чайник. Сейчас пояс астероидов будет.

Я соплю громче. Сам потащил нас в эту дурацкую туманность и командует ещё.

- Крупный астероид по левому борту, - бормочет Гиз. Он уж и усесться за штурвал как положено успел. - Обходной манёвр через три... два... один... У него даже голос другой, будто подменили. Если где Гиз и серьёзен, так это за штурвалом. И то - если астероидов вокруг немеряно.

- Обошли, - говорю я, боязливо косясь на радар. Но там чисто.

А теперь ещё туманность эта. У моих предков, конечно, обоняние атрофировалось, только вот чую я здесь неладное. И что это за заказ такой, спрашивается? Транспортных маршрутов здесь нет, потому как зона астероидоопасная. Только шваль всякая, небось, отирается.

- Гиз, - меня прямо-таки озаряет. - А если пираты. а?

- Подумаешь, - Гиз только хмыкает. Из пояса астероидов мы вышли, так что... Он снова закинул ноги на приборную панель. - Что с нас взять-то? Чайник твой сломанный? Или редкого синего сирианина для зоопарка? Злой он всё-таки. Все они, земляне, такие. До того как их приняли в Галактическую федерацию, всё твердили, что хотят с другими

планетами контакт установить. А когда приняли, да ссуды на развитие организовали, да кучу всяких там гуманистических конвенций подписали, сразу наплевать им стало на мир и дружбу в Галактике.

Я задыхаюсь от сострадания к себе и потихоньку ковыряю отвёрткой глупый чайник. Сколько он у нас пережил - это ж невообразимо. Вон и бок у него мятый, и крышка поцарапана. Старый, проверенный боевой товарищ, а не чайник это, вот что. Я потягиваю носом. Землянам на товарищевой наплевать. Им вообще на всё наплевать.

- Автопилот включён, - говорит бортовой компьютер. Это Гиз соизволил сползти со своего кресла.

- Ты чего, Клёник? - он присаживается передо мной на корточки. - Новый чайник купим.

- Не хочу новый, - еле выдавливаю я. - Мне этот... потому что товарищ... Гиз скидывает брови. Я вытираю нос рукавом комбинезона.

- Товарищ, - усмехается Гиз и шарит в своей походной сумке. Огромная такая пятнистая сумка, вся в молниях и кармашках. Гиз говорит, что когда-то с ней на Эльбрус восходил, на Земле ещё. Я не знаю, что такое «Эльбрус», но каждый раз представляю себе что-то вроде огромного белого облака. И Гиз - лениво, не торопясь, со своей тяжелой сумкой за плечами - идёт по этому облаку.

- Вот, - он показывает мне какой-то стальной завиток. - Это, Клёник, кипятильник обыкновенный. Вымирающий вид.

Я опасливо поглядываю на странную вещь. По-моему, эта штука совсем не живая.

- Чай-то будешь, Клёник? - кричит Гиз из кухонного отсека. Ему лень щёлкнуть кнопкой переговорного устройства.

На моей родной планете правила хорошего тона детям прививают с детства. Потому что на моей родной планете никто не пытается докричаться до собеседника через три перегородки. Я включаю переговорник и говорю мстительно:

- Ты орёшь, как зверь кулда-нку во время спаривания.

Гиз - там, на кухне, - хохочет. Судя по грохоту, обрушиваются полки.

В рубке появляется Гиз с двумя чашками коричневой бурды, которую он называет «чаем». Одну отдаёт мне и садится в своё кресло.

- Зверь кулда-нку, - шепчет он, улыбаясь, и отхлёбывает чай.

Я тоже отпиваю. Сначала мне непонятно было: какой смысл пить отвар из сухих листьев какой-то травы? А потом ничего, даже понравилось.

- Мёртвая Голова, - произносит Гиз, отставляя пустую чашку. Не знаю, как у него выходит пить настолько огненную жидкость. Я еле глоток сделать могу, а он залпом всю чашку выдул.

- Курс проложил-то? - спрашиваю я сварливо. Гиз кивает.

- Погляди, Клёник. Мёртвая Голова.

Я подхожу и, цепляясь за подлокотник его кресла, встаю на цыпочки. Никакой головы вокруг не видно, обычное содержимое рядовой туманности: звёзды поближе, звёзды подальше, скопления газа и пыли, мелкие астероиды и подозрительный - явно не натурального происхождения - космический мусор.

- Сам ты голова, - говорю я.

И неожиданно вижу её.

В центре, сверкающая, как ограненный камень с гор Аркмаранн, как светлое озеро, возле которого я вырос, пульсирующая, как живое и трепетное сердце... - Звезда? - удивляюсь я.

В стороны от искрящегося фиолетового тела расходятся, все в языках холодного пламени, два нежно-лиловых щупальца. Я прищуриваюсь. Нет, это не похоже на щупальца. Это скорее крылья, почти как у нашего корабля. Два треугольника, дальняя сторона каждого из которых мерно вспыхивает волнами свечения и растаёт в бесконечности.

- Мёртвая Голова, - повторяет Гиз. Он смотрит на звезду, чуть склонив голову, и

улыбается.

- Какая же это голова? - возмущаюсь я. - У вас, землян, воображение на уровне эрштейнского полосатого слизня.

Гиз смеётся. Он ведь непрошибаемый.

- Всё может быть, - говорит. - Только ты, Клёник, не понял. На земле есть насекомое, бабочка. Мёртвая голова называется.

Он лезет в карман и вытаскивает оттуда потрёпанный блокнот и механический карандаш. Долго чиркает кнопкой, извлекая грифель, и чертит на бумаге, закусив губу.

- Вот, - Гиз показывает рисунок мне. - Они примерно такие, понимаешь?

На листке изображено крылатое чучело с длиннющими усами.

- Страшно у вас на Земле, наверное, - холодно отзываюсь я.

- Это да, - соглашается Гиз. Лицо у него мрачнеет.

Мне неловко. Я хочу говорить про странную звезду и земных крылатых чудовищ, а этот глупый землянин почему-то молчит и смотрит в потолок. Наконец я не выдерживаю.

- Гиз, - окликаю я жалобно. - Гиз. Он улыбается и треплет меня по голове.

— Ничего, Клёник, - болтает Гиз весело. - Облетим вокруг этой красотки, вышлем пару зондов, запишем данные и бешеные деньжищи загребём. Купим тебе десять чайников.

Я хмурюсь.

— Зачем мне столько чайников, - ворчу я и усаживаюсь на своё место. На всякий случай проверяю маршрут, проложенный Гизом. Маршрут, в общем-то, скучный: всего-то несколько витков вокруг звезды и сразу назад.

Гиз поднимается на ноги.

— Ты подремли пока, что ли, - это он мне. - А я в отсеке выгрузки зонды подготавливаю.

— Подремлешь тут с тобой, - замечаю я надменно. Но лиловатые всполохи в самом деле навевают сон, так что мне даже не слышно, как Гиз уходит из рубки.

И сон какой-то дурацкий.

Будто в Гизовом кресле сидит какая-то землянская девчонка и тихонько насвистывает его любимый мотивчик.

— Эй, - говорит. - Ты не спи на работе, Клёник.

Только я напыжился ей ответить, что вовсе и не сплю, что не её это дело и что её-то здесь и быть не должно, как проснулся.

Мёртвая Голова теперь больше, свечение от неё - ярче. Мы, видно, подлетели ближе. Я зеваю и тру рукой глаза. Гиза в рубке нет - или всё ещё отлаживает зонды, или втихую гоняет в кухонном отсеке чай.

На панели мигает красным лампочка активации люка выхода. Это странно. Гиз, уж на что лентяй и недотёпа, люки всегда до старта проверяет. Ещё разгерметизации нам не хватало.

Я почти что опускаю рычаг закупорки, но тут боковым зрением вижу, что на стенде со скафандрами остался только меньший - мой.

Нет, я не волнуюсь. С чего бы? Только странно это. Незачем Гизу лезть в открытый космос, разве что поломка какая-то. Так ведь всё, вроде бы, благополучно.

«А ведь мог бы летать вторым пилотом на транспортнике, - с тоской думаю я, упаковываясь в скафандр. - Почёт, уважение. Стандартная зарплата и никаких сумасшедших землян. Так нет же, ввязался вот...»

Пока насос откачивает из кабины воздух, я вдавливаю кнопку вызова на рации.

- Гиз, ты придурок, - кричу я в микрофон. - С чего ты полез за борт, не сказавшись? Вот закупорился бы я, так и болтался бы там, пока не посинел.

Гиз молчит. Вечно он молчит, когда виноват.

В узком коридорчике темно, только в конце маячит лиловый просвет - полумесяцем. Я цепляюсь за поручень. Мне страшно. В конце концов, я дипломированный пилот. Я не

должен лазить в космос за сбрендившими землянами, моё дело - корабль вести.

- Гиз, - шепчу я. И вспоминаю, что если я упаду с корабля, то падать придётся долго-долго, до самой звезды. Даже пояс, пристёгнутый к поручню, и магнитные подошвы ботинок не особенно обнадёживают.

Гиз обнаруживается почти сразу за люком. Свой пояс он зачем-то отстегнул и торчит, замороженно уставившись на эту чёртову звезду, шагах в десяти от меня.

И рацию он, конечно, не слышит, гад землянский. Меня начинает подташнивать, потому что я понимаю: с пристёгнутым поясом мне до Гиза не добраться.

Звезда нависает над нашими головами, волны сияния отражаются в металлической обшивке корабля. Вернее, это мы с Гизом нависаем над звездой - примагнитченные вверх тормашками к металлу. Я с трудом отцепляюсь от поручня и, растопырив руки, медленно ползу к Гизу.

Подползаю - и вцепляюсь в него, дёргаю за рукав.

- Гиз, - хриплю я в микрофон.

А он будто только-только меня услышал.

- Клёник, - говорит. - Ты же вроде спал?

Тут я не выдерживаю. Меня колотит крупная дрожь, а перед глазами плывут разноцветные круги.

- Пойдём-ка назад, Клёник, - говорит Гиз. - Ты не волнуйся. Всё будет хорошо.

Вечно он так говорит. И ничего хорошего никогда не выходит.

Потихоньку, по крошечному шагочку - назад. И такое чувство, будто это я осрамился, вылез полюбоваться на просторы Вселенной, понимаешь ли. Пока я, лязгая зубами, прихожу в себя, Гиз хлопчет в кухонном отсеке.

- Не буду я твой дурацкий чай, - кричу я ему, забывая все приличия. - Сам его пей, гад землянский! Напейся и ныряй себе в открытый космос, понял?.. Гиз входит с двумя чашками, над которыми вьётся пар.

- Ладно, ладно, - Гиз машет на меня рукой. - Пора первый зонд спускать, Клёник.

Я молчу. Я кручу в руках сломанный чайник и делаю вид, что больше ничто меня не интересует. Гиз, поминутно отпивая из своей чашки, щёлкает клавиатурой.

- Вот, - он откидывается в кресле. - Первый пошёл.

Иллюминатор перечёркивает серебряная искра - это выстреливает зонд. Я щурюсь на Мёртвую Голову. Что-то с ней не так, что-то в ней новое.

- Ты видишь, Гиз? - я даже забываю, что обижен на эту орясину. - На ней же...

На теле лиловой звезды появились пятна - три тёмных жирных точки: две пустые глазницы и оскаленный беззубый рот. Я сглатываю сухой комок в горле и перевожу взгляд на Гиза. Тот смотрит в потолок.

- Гиз, - говорю я. - Ты это видел?

- Что видел, малыш? - отзывается он, а сам всё так же в потолок пялится. Я морщусь. Он, конечно, раза в два меня выше, только по годам - даже и по землянским - я постарше буду. Но Гиз этого в расчёт никогда не берёт - «малыш» и «малыш».

- Пятна, - я тыкаю пальцем в иллюминатор.

- Подумаешь, пятна, - Гиз зевает. - Нам только два витка осталось, Клёник. И второй зонд выпустить. Потерпи уж.

Я бы ему ответил, только с оппонентом, который уже похрапывает, сложно спорить.

Покряхтывая, иду в кухонный отсек: после Гизовой бурды хочется настоящего сирийского гаккер-ткла. Но у нас на корабле стандартная кухонная механика, и максимум, на что она способна, - это соевый бульон, обогащённый витаминами.

Бульона мне не хочется. Я подставляю стремянку, поднимаюсь и ставлю сломанный чайник на полку.

- Решил не чинить, а, Клёник?

Оборачиваюсь я - а рядом та самая землянская девчонка стоит. Платье белое. И глаза вроде как у Гиза - светлые, дикие. Жуть, в общем.

- Уйди, - шепчу. А сам чувствую, что все поджилки трясутся.
- Это вам уходить надо, - говорит девчонка и прядку рыжеватых волос на палец накручивает. - Ясно, Клёник?

Я зажмуриваюсь. Мне мучительно хочется проснуться в своём кресле в рубке. Когда я открываю глаза, девчонки больше нет. Я прыгаю на пол и бегу к Гизу.

Тот не спит уже - листает прошлогодний выпуск «Звёздного пилота» и тихонько насвистывает.

- Гиз, - говорю я, пытаюсь отдышаться. - Уходить надо. Дурное здесь место. - Ну? - рассеянно переспрашивает он.

- Гиз, - я сажусь рядом с ним. - Я в своём уме. Но здесь я вижу странные вещи. Надо уходить, Гиз. Ну их, эти деньги.

Гиз поднимает голову. Если уж речь о деньгах, он непременно услышит.

- Глупости, Клёник, - усмехается он. - Не трусь, отважный сирианин.

- Ты чуть не свалился в космос, - мрачно замечаю я. - Это глупости?

Ответить Гиз не успевает: вернулся первый зонд.

- Ладно, Клёник, - кивает Гиз. - Проверим сейчас, есть там что опасное или нет.

Сканер крикает и пищит, из него лезет длинная полоса бумаги. Я пробегаю глазами по вереницам букв и цифр. Ничего опасного на самом деле нет.

- Ого, - тут же присвистывает Гиз, который, нависая сверху, заглядывает мне через плечо. - Глянь-ка, Клёник.

Он указывает на один повторяющийся символ.

- Арконий, - еле-еле выдавливаю я.

Редчайший и очень радиоактивный химический элемент, универсальное топливо. По нынешним-то временам, учитывая топливный кризис, за координаты месторождения аркония можно получить баснословную сумму. А тут целая звезда - это сколько же тонн?..

И - больше никаких полётов, никаких разведывательных экспедиций или перевоза контрабанды, никаких ядовитых эритеевских ящеров. Своё поместье у морского залива, дымящийся гаккер-ткля в высоком бокале, созерцание природы и - а почему бы и нет? - литературная работа.

Пока я обдумываю свою блестящую будущность, Гиз глядит на звезду.

- А ведь ты прав, Клёник, - задумчиво говорит он. - Надо уходить.

Я вздрагиваю. Душой я уже на берегу залива.

- Что? - изумляюсь я. - Ты подумай, Гиз, сколько нам отвалят за эти координаты.

Особенно какая-нибудь межпланетная корпорация.

Гиз улыбается и качает головой.

- Все земляне чокнутые, - уверенно говорю я. - Ты забыл, сколько стоит арконий?

- Погляди, Клёник, - Гиз указывает на звезду. - Внимательно погляди. Что ты видишь?

- Арконий, - отвечаю я. - Не блажи, Гиз. Я хочу заработать на безбедную старость.

Звезда всюю полыхает лиловым. Отсветы ползут по рубке, по лицу Гиза.

- Она ведь красивая, - сообщает мне этот землянский дурень. Притом таким тоном, будто я не замечаю очевидного.

- Ты представь, - продолжает Гиз. - Вот приедет сюда эта твоя корпорация...

- У меня нету корпорации, - угрюмо вставляю я. - Если б была, я бы с тобой по Галактике не мотался.

- Приедет корпорация, - Гиз не обращает на меня внимания. - И всё испоганит, понимаешь, Клёник?

Я негодуяюще соплю. Мне очень не хочется понимать вещи, которые не сулят ровным счётом никакой выгоды.

- Там, где я вырос, - Гиз всё треплется, а пальцы у самого так и бегают по клавиатуре. - Был старый-престарый лес. Деревья огромные, в три обхвата, а то и больше. Озеро синее-синее, а на дне, в водорослях, спят мидии с ладонь. Берега заболоченные, аисты ходят, высоко поднимая ноги. В траве лягушки с золотыми глазами. Тихо так, спокойно.

- Лягушки? - переспрашиваю я.

- У меня там был любимый дуб, - Гиз вздыхает. - Старый раскидистый дуб. Кора морщинистая, с цепочками муравьёв и очень тёплая, нагретая солнцем. Хороший был дуб, замечательный дуб, понимаешь?

Он говорит, а я в иллюминатор гляжу - и глазам не верю. Нет там ни космоса, ни проклятой лиловой звезды, а есть странное синее - не сирианское алое - небо, зелёные травы и чистое синее озеро. Деревья, действительно, в три обхвата. И большое дерево - видимо, дуб, - на высоком берегу. А подальше, ближе к кромке леса, идут, высоко поднимая красные (от холода, что ли?) ноги, невиданные чёрно-белые существа.

- А потом, - говорит Гиз, - этот лес выкупила одна корпорация. На вырубку, понимаешь? И ничего не стало: ни мидий, ни лягушек, ни аистов. Ни моего дуба. Ничего у меня не осталось.

Скажу честно: я, Клёан Иккоро А-Бейрис, трёхсот восьми сирианских лет, дипломированный пилот межзвёздных перелётов В-класса, никогда не считал себя эстетом. Наплевать мне на всю эту бесполезную красоту, особенно если за её координаты мне отвалят солидный куш. И всё-таки...

Я морщу нос и ввожу в компьютер новый курс.

- Всё будет хорошо, Клёник. Правда, - улыбается Гиз. - Вот увидишь.

- Да ну тебя, - ворчу я. - Плакала моя обеспеченная старость. Небось, и этот вылет нам не оплатят? Мол, провалили задание?

Гиз молчит. Он всегда молчит, если виноват.

Звезда, вся в волнах лилового сверкания, медленно уходит вниз. Я, чертыхаясь под нос, обхожу Мёртвую Голову и укладываю корабль на обратный курс. Гиз поднимается и, шаркая по полу, выходит из рубки.

- Починю твоего боевого товарища, - весело бросает Гиз на ходу. Я вздыхаю. Надо будет прикупить шестой электрочайник, раз уж этот всё-таки обречён.

Вокруг снова только скопления межзвёздной пыли и подозрительного космического мусора. Радар взвизгивает, и я рву штурвал вбок. Мимо, постепенно проявившись из тумана, дрейфует корабль без опознавательных знаков и без огней, с отключённым двигателем. Радар замолкает на мгновение, точно раздумывая, а потом верещит, как бешеный.

Если верить показаниям аппаратуры, вокруг сотни таких вот мёртвых кораблей.

- Вы правильно поступили, - говорит уже знакомый мне голос.

Я кошу глаза вбок. Девчонка в белом платье стоит, прислонившись к креслу Гиза, и улыбается.

- Всё будет хорошо, Клёник, - прибавляет она, и я почему-то ей верю. В её исполнении эта вечная Гизова присказка звучит как-то убедительнее.

- Клёник? - это уже голос Гиза. Я поворачиваюсь.

Гиз, с нашим старым чайником под мышкой, изумлённо глядит перед собой. - Могу поклясться, - шепчет он. - Что за...

Девчонка, конечно, уже куда-то подевалась.

- Чертовщина, - бормочет Гиз, усаживаясь в своё кресло, и с грохотом ставит чайник на пол рядом. - Радиация, видимо.

- Чего? - переспрашиваю я. Гиз проверяет курс и включает автопилот.

- Так, показалось, - говорит Гиз. - Ты не волнуйся. Всё будет хорошо, Клёник.

- Это уж точно, - хмыкаю я. - С такими-то нашими успехами.

Гиз улыбается. Ему что, он непрошибаемый.

- Всё равно купим тебе новый чайник, - обещает он. - Или лучше церемониальный набор для гаккер-ткла на двенадцать персон?

Я устраиваюсь поудобнее, опускаю веки и постепенно засыпаю под Гизову болтовню.

И снится мне Эльбрус - огромное, белое облако.

И мы с Гизом идём по нему вверх, туда, где видно странное синее небо.

На плече у Гиза его походная сумка, вокруг которой вьётся крылатое земное существо - бабочка.

И я знаю: если добраться до вершины и посмотреть вниз, можно будет увидеть маленькое синее озеро, и старое дерево на его берегу, и чёрнобелых аистов с красными клювами, которые бредут по траве, высоко поднимая ноги.

Я знаю это - и во сне улыбаюсь.

МЕТАМОРФОЗЫ

Виктор Чигир (Российская Федерация) родился 15 ноября 1988 года. Живет во Владикавказе. Художник. Участник Совещания молодых писателей СП Москвы (2012), участник Совещания молодых писателей Северного Кавказа, а также Всероссийского Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья (2017), участник Совещания молодых писателей Северного Кавказа (2018). Публиковался в журналах «Урал», «Октябрь», «Дарьял», «Меридиан», «День и ночь», «Кольцо «А», «Студия», в альманахах «Литеры» и «Добрая лира», а также в литературном приложении журнала «Знание — сила». Победитель Международного литературного конкурса молодых белорусских и российских литераторов Союзного государства «Мост дружбы» (2018 г.)

Вместо того чтобы просто забросать гранатами, они пытались выкурить нас газом, но безуспешно — их «подарочки» один за другим летели обратно на улицу. Кто-то очень хриплый и нудный подолгу бубнил что-то в неисправный мегафон: побуждал сдаться. Мы пытались подстрелить его, но он сидел в укрытии и не высовывался, и все бубнил и бубнил как заведенный. А если он вдруг замолкал, включался пулемет. Тогда мы отскакивали от окон и вжимались в стены. С потолка начинала лететь штукатурка и крупная бетонная крошка, а пыль, пахнувшая горелым порохом, принималась разъедать глаза и горло не хуже газа. И когда пулемет наконец стихал, мы, отхаркиваясь, почти вслепую, начинали отстреливаться короткими неточными очередями.

Очередь к гадалке была длинная, на полкоридора. От духоты темнело в глазах и чесалось под мышками. Некоторые не выдерживали, выходили и не возвращались. Сначала Ваня радовался, что так мы быстрее попадем к гадалке, но ближе к полудню загрустил. Я пыталась всячески его отвлечь: брала за рукав, клала его ладонь себе на живот, невинно заглядывая в глаза, спрашивала: «Как на-зовем?» — но он быстро понял, что его водят за нос. Дважды отпрашивался покурить — я не отпускала. Тогда он принялся допытываться, сколько раз я здесь была. Честно соврала, что ни разу, хотя на самом деле это был мой третий поход к госпоже Альбене. Немолодой типчик в кургузом пиджачке, сидящий на стуле у окна, оживился, услышав наш разговор, и принялся не к месту поддакивать. Тут дверь приемной распахнулась, и в коридор стремительно влетела высокая плотная дама с фантастической прической. «Шура! Шура! — взволнованно крикнула она немолодому типчику. — Знаешь, что сказала сейчас госпожа Альбе-я буду только во втором браке, представляешь?!» Шура мигнул несколько раз подряд, потом сказал совершенно серьезно: «Отлично. Я тебя отпускаю», — и весь коридор повалился со смеху...

Смешного тут было мало. Он перелезал через забор, когда ему оторвало ступню: был резкий короткий свист, от которого все внутри сжимается, и ступни как не бывало — исчезла вместе с ботинком. Он вздрогнул, словно его кто-то напугал, и, несмотря на то, что обеими руками держался за забор, его тело начало медленно заваливаться набок. Но он не упал, а только развернулся и, опершись плечом о забор, стал тупо разглядывать свое ранение. Боли он, наверное, не чувствовал. Мы кричали: «Ложись! Ползи обратно!» — но он не обращал на нас внимания, и его совершенно не интересовал снайпер, снесший ему ступню. На его молодом небритом лице, как на маске, застыло выражение мучительной, почти детской досады, словно он никак не мог поверить, что сегодня пуля нашла именно его, самого тихого, самого незаметного и самого везучего из всех. Снайпер долго не добивал его — все надеялся подстрелить кого-нибудь еще.

Еще в школе он пытался пригласить меня в кино. Скорее всего, я бы пошла, но уж больно жалко он выглядел, когда что-нибудь просил. Если бы подружки увидели меня с ним — заклевали бы. Так что я просто называла его своим добрым другом, улыбалась ему «улыбкой номер три», целовала в щечку, когда он, потный от смущения, подносил мне дешевенькие валентинки, и — иногда — позволяла брать себя под руку, если по дороге домой оказывалась в настроении. Мы жили в одном подъезде, на одной площадке, и я точно знаю, что наши отцы не раз по пьяному делу обсуждали мое с ним будущее замужество. Наверное, поэтому я еще в отрочестве зареклась сблизиться с ним. Хотя позже, уже в универе, он стал очень видным юношей. Поговаривали даже, что у него роман с аспиранткой. Не знаю, правда ли. Разок не выдержала и, сгорая от стыда, спросила, но он очень тактично увел разговор в другую сторону. Помню, проревела я тогда весь вечер и впервые, наверное, осознала, что совсем не железная...

Железо, колеса, гусеницы, пушки, люки, смотровые окошки, башни, пулеметы, кузова, антенны, фары, бронированные кабины, бронированные бензобаки, бронированные рожи в касках, десятки, сотни касок, надвинутых на несытые волчьи глаза, — каски с отметками сержанта, каски без отметок, каски простреленные, каски облупленные и в следах сажи, каски на броне, на башнях, в люках, в смотровых окошках, в бронированных кабинах, в кузовах, за пулеметами, и все движется в пыли, поднимает пыль, тянет пыль за собой, растягивает ее в длинный вязкий частокол, из которого доносится надтреснутый механический гул, и ругань, и треск раций, и вой сигналов, и еще что-то, а иногда и выстрелы — одиночные, хлесткие, навскидку, и, если попадают, — визжит собака или звонко сыплется стекло, и обязательно ржание, молодецкое ржание довольного победителя, который замолкает, если за холмом начинает греметь глухая канонада.

Канонадный грохот приводил в восторг и пугал одновременно. Я прижималась к Кириллу, вдыхала солоноватый запах его пота и смотрела в окно, где в черном небе разрывались красно-желто-зеленые фейерверки. Было хорошо. Было так, как надо. Я пыталась во всех деталях запомнить это ощущение абсолютного счастья, но ничего не получалось. Картинка разваливалась, как карточный домик, а я засыпала. И тут я поняла, что не нужно ничего запоминать — гораздо важнее просто лежать без движения и оттягивать момент перехода ко сну как можно дольше. В темноте, словно сквозь вату, я слышала голос: Кирилл говорил что-то — долго, красиво, убаюкивающе. Кажется, он признавался мне в чем-то. Я уже спала, когда он вдруг спросил: «Ты меня слушаешь?» Я утвердительно мякнула. «И что же я сказал?» — поинтересовался он. — «Ты сказал, что если целовать меня долго, я начинаю задыхаться». Некоторое время Кирилл молчал. Я спросила, правда ли, что я задыхаюсь, а он ответил: «Не будем больше об этом...»

Об этом человеке рассказывали, что он трижды горел в бронетранспортере, но это была неправда — горел он единожды, а потом только проскакивал через самодельные мины. Лицо его было обезображено гладкими изжелта-коричневыми ожогами, а кисти рук, когда-то большие и сильные, ссохлись и скрючились, как мертвые пауки. Его самого запросто можно было посчитать мертвым, если, сидя на привале, он вдруг закрывал глаза. У него был тяжелый взгляд и тяжелые, тоже обожженные, веки без ресниц. Он никогда не смотрел ни на кого долго, а если все же приходилось с кем-то объясняться, он старался общаться вполоборота — той стороной, где огонь его пощадил. Иногда он вскрикивал по ночам и начинал сбивать с себя воображаемое пламя, а наутро, мертвенно-бледный и несчастный, литрами вливал в себя воду и никак не мог напиться. Мы называли его Водяной.

Водные аттракционы в то лето были закрыты на ремонт, но я нисколько не расстроилась, потому что мы поехали на месяц к бабушке в деревню. Это был самый лучший месяц в моей жизни. Ничего более яркого я не переживала. Бабушкин дом стоял у самой речки, деревенские называли такое расположение «по-над обрывом». Мне очень нравилось это выражение, и я пользовалась им при любом удобном случае: «Мам, можно погулять по-над обрывом?», «Пап, там по-над обрывом такая вкусная малина!» Я часто

стояла на краю этого обрыва и смотрела вниз, где у реки росли огромные-преогромные ивы, но не такие, как в городе, а другие — изящные, плавные, похожие на мокрые волосы. И было очень весело и необычно, потому что разрешалось прыгать по лужам и брызгаться на друзей из бутылки. Бабушка втайне от всех разобрала свой единственный зонтик и сшила мне платьице из зонтичной ткани. Какое это было платьице! Я бегала по деревне и всем хвасталась: смотрите, смотрите, какое у меня платьице! И думала: вот пойдет сейчас дождь, а я не промокну. Потом промокла, конечно, но это уже неважно...

«Не важно, что он здесь забыл, — произнес Ян лениво. — Важно, что у него в карманах». Он стоял над убитым и задумчиво жевал грязную зубочистку. Глаза мертвеца остекленело смотрели в потолок, где снарядом пробило огромную дыру. Из дыры хлестал дождь. Мы оттащили убитого обратно к костру, и Ян начал ловко его обыскивать. В котелке над костром вкусно булькала каша, рядом на газете лежали ломтики вяленого мяса, хлеб и фляга с вином. Пока Ян занимался своим делом, мы пили чужое вино, отогревались и на разный лад повторяли, как нам все же повезло застать его врасплох. Хотя на самом деле врасплох застали нас, а мы просто оказались более расторопными. Вскоре Ян закончил возиться и попросил вина. У его ног небольшой кучкой валялись вещи убитого: швейцарский нож, часы, компас, пакетик с анашой, сигареты, зажигалка, деньги, два презерватива, аспирин, карта города с какими-то пометками, записная книжка и опасная бритва. Все добро мы рассовали по карманам, потом перевернули уже начавшее коченеть тело на живот, и Ян подложил под него гранату. Он немного окосел от вина, и поэтому движения его были неосторожны: он долго вертел гранату, устанавливая ее в нужном положении, ругался, сопел, потом лениво, явно напоказ, выдернул чеку, поднялся и не глядя бросил ее в котелок с кашей.

Кашеварить он не умел, но свято верил, что умеет. Я не переубеждала. Незадолго до готовности обнаружилось, что в доме нет приправ, и он побежал в магазин. Каша, естественно, подгорела, и я проснулась от чудовищного запаха гари. Проклиная его на чем свет стоит, в течение получаса проветривала квартиру всеми доступными способами. Его кулинарное творение спустила в мусоропровод. Думала, придет — устройю ему основательную взбучку. Потом увидела на журнальном столике конвертик. Раскрыла, а там — то самое кольцо, что видела в ювелирном. Сразу ему все и простила. Вымыла кастрюльку, сварила новую кашу. Он прибежал — ничего даже не заметил. Приправил совсем не теми приправами, накрыл на стол. Позавтракали, потом долго и вдумчиво пили кофе со сливками — я себе губы искусала в ожидании. А он, представляешь, решил только вечером, часам к семи...

В семь утра нас построили возле колонны. Начальник колонны речитативом, словно читая псалмы, озвучивал приказ, в большей степени предназначенный водителям. Им приказывалось ехать с определенной скоростью, не останавливаться и не обгонять друг друга. Опухшие со сна водители слушали вполуха и все поглядывали на свои машины. Машины их напоминали истерзанных животных, не раз кусанных и не раз стрелянных. Кузов ближайшего КамАЗа, например, был вогнут внутрь, словно по нему стукнули огромным тараном, каким в древности вышибали крепостные ворота. Начальник колонны говорил, что в случае нападения на колонну водители должны увеличить скорость до максимальной и не останавливаться ни при каких обстоятельствах. Слова «не останавливаться» он повторял очень часто. Это, видно, был его ночной кошмар — отставшая от колонны машина. Один водитель не выдержал и сладко, с отяжкой зевнул.

Зевнула я намеренно громко. Храп его тут же оборвался, и огромная лапища принялась шарить под одеялом, выискивая меня. Я втиснула между нами остывшую грелку, и лапища уползла восвояси. Потом мы долго смотрели на бязевый потолок палатки, провисший почти до лица. Это означало, что ночью снег все же выпал. Я примерно представляла, что сейчас творится снаружи, и от этого становилось очень тоскливо. Хотелось выговориться или, в крайнем случае, буркнуть традиционное: «Я же говорила!» Но я молчала и ждала, когда он первый начнет. Хотя я уже знала, что он скажет: что никто

меня силком сюда не тянул, что снег ни перед кем не отчитывается и что природа прекрасна во всех своих проявлениях. Ага, прекрасна! Прекрасна, как насморк, как грипп и катар дыхательных путей! Ужасно не хотелось ссориться, но ничего другого не оставалось. Я подождала еще немного, и, когда уже была готова высказать все, что думаю об этих так называемых турпоходах, он вдруг предложил: «А давай начнем все с начала...»

Сначала мы чудом вытащили его из-под гусениц, потом долго выносили из-под пулеметного огня, нас дважды засыпало землей, а он все не успокаивался. В конце концов мы просто связали ему руки и потащили за ноги. Он отчаянно брыкался и требовал, чтобы ему дали гранаты. Вместо гранат я дал ему прикладом в переносицу, и некоторое время он молчал, и пока он молчал, в нас почему-то не стреляли. Мы благополучно дотащили его до бульвара, перекинули через баррикаду, когда он снова принялся орать. Он крыл нас, наших матерей и наших сестер и все требовал дать ему гранаты. Нам и без него было несладко, мы уже потеряли две улицы и вот-вот должны были потерять и бульвар, а он все орал у нас под носом, отвлекал и действовал на нервы. Даже не верилось, что это тот самый тихоня, вечно таскающий чужие тяжести и коротающий чужие дежурства. Позже, когда нам наконец разрешили оставить бульвар, из него извлекли пятнадцать осколков и еще несколько оставили внутри, потому что они были слишком маленькими и сидели очень глубоко...

«Глубоко тут», — проговорил он с опаской. Я с интересом пригляделась к нему и сначала не поверила. Сашка, сильнейший и умнейший Сашка, опора моя и помощь, не умел плавать! Я с трудом сдержала усмешку. Мне показалось, я предам его, если засмеюсь. Но он на меня даже не смотрел. Он смотрел вниз на воду и с каким-то неестественно окаменевшим выражением все ближе пододвигался к краю уступа. Я поняла, что сейчас он прыгнет. Прыгнет назло себе и во имя меня. Дура! Зачем я его сюда потащила? Я раскрыла рот, чтобы остановить его, но он уже летел вниз. Меня обдало жаром от ужаса. Вода оглушительно лопнула, когда он вонзился в нее ногами. Через несколько секунд стало ясно, что он не всплывет. Я решила прыгнуть следом, но вовремя поняла, что могу задеть его. Тогда я кинулась вниз по тропинке, бессмысленно бормоча себе под нос: «Что же я его родителям скажу? Что же я его родителям скажу?» В голове не укладывалось, как можно прийти к тетя Гале и дядь Коле и объявить, что их сын утонул. Лучше бы я утонула! Лучше бы мы оба утонули! Не помня себя, я выбежала на берег и тут столкнулась с ним нос к носу. Он как раз вылезал из воды: вода стекала с его костлявого тела, трусы сползли до колен, а кожа страшно побледнела.

Бледный худой мальчишка лет семи стоял на обочине возле выгоревшего скелета машины, кутался в бесцветные лохмотья и смотрел на проезжающую мимо колонну. Пыль от колонны накрывала его с головой, кружилась около него косыми вихрями, набегала волнами, разбивалась, словно вода о скалу, и снова набегала. За этой плотной, вязкой, непрерывно движущейся стеной колонна почти не различалась — лишь стремительные угловатые тени, короткие промежутки мутного света и снова тени, припорошенные пылью. И рев — густой механический рев десятков надрывающихся двигателей. Мальчишка стоял в нескольких шагах от этого движения и не шевелился. Он не шевелился, даже когда в него из-под гусениц летели камни, и не вздрагивал, когда какой-нибудь остряк нажимал на сигнал или поддавал газу, отчего его железный зверь вставал на дыбы. Правая рука мальчишки время от времени вытягивалась ладошкой кверху в совершенно недвусмысленном жесте. Иногда на жест откликались. Тогда колонна выплевывала из своих бронированных недр упаковки паштета, плавленого сырка и галет — всего того, что не доели и чего было не жалко. Все падало мальчишке под ноги, как цветы на сцену. Мальчишка ждал, пока колонна проедет вся, и только потом принимался собирать нажитое...

Нажить с ним удалось немного: тридцатидюймовый телевизор, шкаф-сервант с зеркальными дверцами да допотопный холодильник. Если бы не дети, семь лет замужества, считай, коту под хвост. Кот, кстати, убежал год назад. Нюра, соседка моя, как-то проговорила, что сбила его машина, но потом отнекивалась. Видно, и впрямь попал мой

Матроскин под колеса, и лежат его бедненькие косточки в какой-нибудь канаве. Ненавижу Ньюру. Да и муж хорош: поискал-поискал да и принес домой котенка. Разругалась с ним вконец, заставила унести обратно. А через неделю принес нового, серо-полосатого, глаза — прям как у Матроскина, зеленые-зеленые. Я сначала расплакалась, потом разозлилась. Поднялась со стула и процедила: «Чтобы ни одного больше, слышишь? Ни одного!..»

В одном дворике на нас кинулась собака с обломанными клыками. Глаза ее были одновременно испуганны и ослеплены яростью. Она громко, с надрывом хрипела, повисая на толстой цепи, прикрепленной к низенькой будке. Цепь как раз доставала до ворот, так что обойти собаку не было никакой возможности. Мы принялись звать хозяина, и, как всегда, никто не отозвался: двери были заперты, окна — заколочены, водоразборная колонка — разобрана. Но собака явно кого-то охраняла. Она была слишком обозлена для собаки, оставленной умирать на цепи. И когда я направил на нее ствол автомата, она замолкла, поджала хвост и, прихрамывая, медленно попятилась к будке. На боку у нее краснела едва затянувшаяся рана от пули...

Пулей он выскочил из дома, прыгнул в такси и за двойную плату полетел ко мне. Через час он уже стоял под окнами роддома с букетом роз и кошелкой с апельсинами. Я наблюдала его с окна четвертого этажа. Таким счастливым он был, пожалуй, только когда поступил в аспирантуру. Я очень смеялась, пыталась объяснить ему это жестами, но ничего не получалось. Он орал, страшно довольный: «Мальчик? Мальчик?» — будто не знал, что да, конечно, мальчик. Я кивала и все поглядывала на дверь — медсестра почему-то не торопилась. А он вдруг принялся приплясывать, да так нелепо, что вскоре поскользнулся и упал в снег. Апельсины весело посыпались из кошелки. Тут появилась недовольная спросонья медсестра, передала мне сына и, покосившись в окно, пробурчала: «Ишь, развалился.»

Развалившись на заднем дворике сгоревшей автомастерской, мы спорили о героизме и его проявлениях в природе и обществе. Те, кто был постарше, считали героизм бредом: для них имели место лишь умелость командира и подготовленность солдата или, наоборот, — бездарность командира и неподготовленность солдата. Молодые не соглашались, утверждая, что героизм есть — его только нужно пробудить соответствующими обстоятельствами. Два лейтенанта, старший и младший, не имели собственного мнения, но ухитрились так повторить слова молодых, что получилось что-то новое и даже оригинальное. Парни из дозоров, которых почти не бывало в роте, заявили, что героизм — это та же самая удача, только выставленная на обозрение публики, и чем удачи меньше, тем героизм бестолковее. Два лейтенанта решили было поспорить о бестолковости героизма, но их перебил старшина. «Герои, — сказал он презрительно, — самый бесполезный народ. Был у меня один герой — решил как-то разобрать патрон от пэтээрки. И что вы думаете? Оторвало ему мошонку и несколько пальцев. “Героя” ему, конечно, дали, да кому такой герой нужен?..»

Нужными вещами мы обзавелись не сразу. Первое время стелили матрас прямо на пол и спали так. Сначала думала, нас крысы поедят, но как-то обошлось. Потом появилась тахта о трех ножках. Вместо четвертой мы подкладывали не-полное собрание сочинений Джека Лондона. Очень удобно, кстати, спалось, когда тебя поддерживала «Маленькая хозяйка большого дома». Часто ночами мы лежали, прижавшись друг к другу, смотрели на облупленный потолок и вслух мечтали о будущих удобствах, хотя на самом-то деле действительно удобно нам было, пожалуй, только тогда. Позже, когда Юрка завершил исследование и получил свой долгожданный грант, я все уговаривала его попробовать как-нибудь вернуть то наше сладкое время. А что? Не такими уж старыми мы были. Я, например, насчитывала до пяти ухажеров одновременно — и это в сорок-то лет! Нет, можно было попробовать. Я вот до сих пор жалею, что так и не уговорила Юрку. Старый упрямец все твердил как заведенный: «Поздно, дорогая, поздно...»

Поздно вечером, когда все поутихло, мы принялись искать его в том месте, где нас накрыло. От перекрестка до самой площади был лишь развороченный асфальт, гильзы и

бесформенный дымящийся мусор. Запах стоял как в прачечной. Рискуя быть подстреленными в любой момент, мы бегали от одной воронки к другой и мельком светили на дно умирающим фонариком. Тусклый луч выхватывал из темноты комья черной, обожженной земли, фрагменты асфальта и поребрика, но ничего больше там не было — будто и не существовало такого человека. Мы успели проверить девятнадцать воронок, прежде чем нас заметили и открыли огонь...

Огни города. Визг шин по асфальту. Лязг последних трамваев, освещенных изнутри, как закрытые на ночь универмаги. Переключка мерзнущих дворняг. Недвижная серо-синяя туча в небе. Вместо грома — река, ворчит недовольно, укрощенная бетонной набережной. Клены и лиственницы шелестят на ветру. В воздухе пахнет озоном. Свежесть и сырость. Хочется дышать полной грудью и не возвращаться этой ночью домой. В такие моменты отчетливо понимаешь, что никогда не умрешь.

СОПРИЧАСТНОСТЬ

Яна Павлова (Российская Федерация) родилась 25 мая 1993 года. Студентка Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола). С 2015 года регулярно публикуется в литературно-художественном журнале Марий Эл «Литера» с короткой прозой. Лауреат Международного творческого конкурса «Медицинские истории» (2015), дипломант IV Международного конкурса прозаических миниатюр «Колибри-2016», лауреат Международного творческого конкурса «Не в деньгах счастье» (2017), победитель (1-е место) Всероссийского конкурса «Золотое перо» в номинации «Проза» (г. Саранск, 2018), победитель конкурса «Творческие инициативы молодежи» (2018) в номинации «История и литература» с проектом «Пушкин в VK». Победитель Международного литературного конкурса молодых белорусских и российских литераторов Союзного государства «Мост дружбы» (2018 г.)

1.

Письмо пришло во вторник: огромный конверт не поместился в почтовый ящик, и почтальон свернула его надвое. Осторожно выудив надутый пакет, Михаил и не подумал взглянуть на строчку «Отправитель», заполненную круглым бисерным почерком, а сразу занервничал; казалось, внутри кроется что-то опасное, угрожающее, быть может, задолженности по счетам, или штрафы, или что-то другое, не менее неприятное. Однако содержимое письма, к удивлению Миши, который никогда не был любимчиком фортуны, заключало в себе не что иное, как сообщение о выигранном конкурсе.

— Я выиграл гра-а-ант! Гра-ант! — трубка кричала так громко, что даже старый дед встрепенулся.

— Чёво? — трескуче спрашивал он. — Чёво случилось, что ли?

— Умница, милый! — мать перекрикивала и деда, и телевизор, который он смотрел. — Давай я выйду на улицу, ладно? Тут ничего не слышно!

Захлебываясь детским, наивным счастьем, Миша рассказывал матери о громовой победе на конкурсе молодежных проектов: это был первый в его жизни самостоятельный грант, и заявку на него он писал тоже сам, и ни одна живая душа не знала о ней, потому что в Мише внезапно проснулись языческие предрассудки, нашептывающие, что лучше раньше времени ничего никому не говорить, чтобы не сглазили.

Проект у Михаила был исторический: он хотел рассказать всему миру о военной блокаде Ленинграда, потому что никто из его окружения (а это были люди

интеллигентные и уважаемые) особо ничего о ней не знал, кроме сухих цифр (в лучшем случае), и это раздражало, ведь умирали-то не цифры, а люди, настоящие, из крови и плоти, с чувствами и мыслями.

Сама идея родилась полгода назад, когда он вечером, по обыкновению, открыл первую попавшуюся книгу, которая оказалась дневником старого солдата, прошедшего блокаду и погибшего где-то в недрах Европы, и, читая, проникся до того, что чуть не заплакал. Записи были очень пронзительными и при этом фактографическими, что добавляло им еще больше пронзительности. Не сумев остановиться, Миша копнул дальше, и услужливый Гугл подкинул ему несколько похожих изданий. Утром Михаил, пересилив себя и с трудом оторвавшись от «Детской книги войны», отправился на работу и в перерыве дежурно заглянул на преподавательскую кафедру. Именно этот момент он считал началом своего головокружительного взлета.

— Напиши заявку, на вот тебе, читай, — на ходу бросила заведующая, — чтоб послезавтра была готова.

Она сунула ему в руки Положение о конкурсе молодежных проектов. Вчитываясь в буквы, плывущие перед усталыми глазами, Миша продирался сквозь дебри бюрократического языка и ничего не понимал, потому что в словах «цель», «задачи», «аудитория», «методы», «реализация» не было ни намека на живую материю. Буквы были глуповато выпуклыми, без засечек, что оскорбляло взгляд любителя изящной типографики. «Наверное, так читать проще, но ведь некрасиво», — некстати мелькнуло в голове Михаила. Он был устроен так, что отзывался только на зов жизни; черствый язык, на котором писали документы, не обладал свойством живого, но что-то внутри Миши зашевелилось, и он упорно перечитывал Положение, пока его смысл не стал прозрачным и ясным, и тогда тесный, маленький мирок Миши настигла великая, едва помещающаяся в нем идея.

2.

«Сегодня важный день, важный день», — бормотал Миша и старательно сбривал редкие волосы над верхней губой. «Очень-очень важный», — нервно продолжал бубнить он, пока завтракал и одевался в темные джинсы и белую рубашку поло, чтобы выглядеть одновременно представительно и неформально. Встав перед зеркалом, Михаил на мгновение испугался: ему показалось, будто оттуда глядит на него незнакомый изможденный парень с красными кроличьими глазами, какие он часто видел у студентов, но это было лишь отражение самого Миши, который снова не спал; он читал дневник маленькой девочки, которая то ли от страха, то ли от безысходности во время голодной блокады в Ленинграде начала на обрывках бумаги со скрупулезностью товароведа записывать, что ела семья. Он пришел на полчаса раньше и подкрался к читальному залу, борясь с диким желанием сбежать — и пусть они тут разбираются как хотят, а он скажет, что трубы дома прорвало или матери в деревне срочно понадобилась помощь; но, покачав головой в знак величайшей глупости этой мысли, он сделал десять глубоких вдохов — таких, что голова закружилась, — и потянул дверь на себя.

— В общем, в чем суть... — начал Миша неуклюже, забыв поздороваться.

Он всегда волновался, когда говорил перед публикой, а сегодня особенно, потому что перед ним сидела вся кафедра и две или три группки перешептывающихся студентов. Михаил никогда в жизни не говорил перед таким количеством людей; его рекордным числом слушателей были пятнадцать бледных, не желающих получать знания первокурсников, к которым он так привык, что больше их не боялся.

Нервозности прибавлял тот факт, что молодому преподавателю чрезвычайно трудно было передать гениальность замысла, которую он чувствовал, но не мог облечь в правильные слова и страдал от этой несовершенности.

— Проект «Блокада» — это своего рода социальная сеть, только ненастоящая, ее имитация. Внешне все выглядит так же, как в известной всем «ВКонтакте». В «Блокаде» создано около пятидесяти аккаунтов людей, живших в Ленинграде во время военной блокады и оставивших нам какие-то записи: дневники, стихи, заметки, все что угодно. Ежедневно каждый из этих людей как будто делает пост (на самом деле это делает админ,

конечно, то есть я), — Михаил робко улыбнулся, но никто не поддержал его — только заведующая, которая коротко кивнула и, поглядывая на дверь, явно собиралась куда-то уйти. — Например, девочка Света в своем дневнике двенадцатого апреля сорок второго года пишет, что на обед она ела половину картошки и стакан чая, и именно двенадцатого апреля в социальной сети появится эта запись. Понимаете? — Миша торжественно обвел взглядом не подающий признаков жизни зал, — ощущение причастности... Вот вы просыпаетесь двадцать второго июня, заходите на сайт, а там мама Светы пишет, что артобстрел начался, и аудиозапись воющих снарядов прикрепляет. У вас разве сердце от этого не болит?

Скудные аплодисменты раздались только после неловкого: «Ну, вот, в общем-то, и все», — и студенты, загомонив, понеслись к выходу.

— Я бездарь, — жаловался Миша начальнице, — некоторые так говорят. Так. А я. Да меня даже никто не слушал!

— Студентам всегда все равно, и ты это знаешь. Их просто сняли с пары, чтобы набрать людей. А преподаватели тебя внимательно выслушали, и я тоже, — спокойно ответила заведующая. — Не расстраивайся, проект — это не жизнь. Надо просто поставить птицегалку, понимаешь? И сделать так, чтобы все показатели в отчете совпали с теми, которые ты напланировал. Как у тебя, кстати, с отчетом?

— Ну, нормально, сделал уже.

— Вот и правильно, — она встала и, положив руку на плечо Михаила, повела его к двери, — если что, обращайся. Чем смогу.

Выпроводив воспитанника, она тут же забыла о нем: из кабинета раздавался ее деловой, звонкий не по годам голос, решающий какие-то кафедральные проблемы, которые без ее участия превратились бы в настоящие катастрофы. Поняв, что она переключилась на свои дела, Миша снова ощутил себя одиноким, и от этого острее почувствовал лихорадочное желание завершить проект с блеском и сделать так, чтобы все узнали о нем, прониклись и пожелали сделать что-то столь же прекрасное и простое, полезное. «Телевидение, разговоры с политиками... Как вы придумали идею? Кто помогал вам в реализации? О, это было озарение, проблеск гениальности, если позволите. И никто не помогал, я все придумал и сделал сам. И оглушительные аплодисменты. Почему они не обращают внимания на НЕГО? Почему они не печатают новости про НЕГО? Как же это обидно. Неправильно.»

3.

Он читал до самого рассвета, пока тяжелая голова не упала на подушку и не закрыла опухшие от усталости веки, погружая хозяина в беспокойное состояние сна, в котором он ощущал себя все менее и менее причастным к реальности.

Михаил лежал на полу в теплом, наполненном солнцем доме, сладко поджав колени к животу и положив руки под голову. Дом был деревянным, пах смолой и свеженарубленными дровами. Миша огляделся и увидел уютные светящиеся столбы пыли, напомнившие ему о собственном доме, в котором он вырос. Нарушив ностальгическую магию момента, в эту сонную действительность прорвался детский восторженный крик, далекий, как вопли чайки над морем, слышные с берега:

— Мама! Мама! Папа хлеб принес! Четыреста граммов! Мама! — в комнату впрорхнула девчушка лет семи или даже шести, худенькая, костистая, с двумя косичками, прыгающими на спине.

На ней было серое платье из жесткой ткани, очевидно, хлопковое; на косичках болтались куцые бантики; лицо было широким, с ярко выраженными скулами. Подскакивая, девчушка бежала прямо на Мишу, а приблизившись, проскочила сквозь незваного гостя, будто его там и не было.

4.

Потрясение было настолько сильным, что настоящий Миша, а вернее, его тело опасно подвинулось на край кровати и, не удержавшись, с грохотом обрушилось на пол. Сновидец вскочил и бросился напрямиком на кухню греть чайник и успокаивать руки, трясущиеся после удивительно осознанного ночного видения.

— Надо меньше читать дневников, — шепнул он, умываясь, своему отражению. Отпив себя чаем до вполне вменяемого состояния, Миша решил, что это к лучшему — поможет быстрее и гармоничнее слиться с тем временем, опробовать его на себе, а значит, сумеет передать остальным. Определившись с чувствами по поводу сна, он снова принялся за чтение, которое занимало теперь почти все его время, свободное от работы.

Только настойчивый звонок начальницы вывел Мишу из состояния транса, в который он впал, пытаясь одушевить в собственной фантазии мир, описанный в дневнике маленькой девочки и виденный во сне. Первая пара давно началась, а студенты, честно прождав преподавателя пятнадцать минут, отправились в деканат. Скоро начнется вторая, к которой Миша явно уже не успеет. Трубка долго и возмущенно говорила об ответственности и безответственности, что сама она ни разу в жизни не опоздала на занятия, даже в то время, когда ее сын был таким маленьким, что не умел ходить.

— А мне нельзя отпуск? — виновато попросил Миша, стоя уже перед самой заведующей. — На пару недель хотя бы.

— Нельзя, — снова начала заводиться она, — нельзя! Начало года, кто будет вести твоих студентов? Все заняты!

По дороге домой Миша с едва заметным чувством вины думал о том, что прогул и выговор сейчас не особенно его волнуют, хотя он всегда гордился гипертрофированным чувством ответственности. За время учебы Михаил не пропустил ни одного занятия, даже когда серьезно грипповал, да и в течение первого года работы, до этой осени, на каждую пару приходил раньше студентов. Теперь это качество незаметно для своего обладателя растворилось в чем-то более значительном, хранящемся глубоко в подсознании и вырывавшемся наружу, позволяя себя разглядеть лишь во сне, и все его существо, забыв о жизни, к которой он никогда не имел особых претензий, стремилось к ночи, когда, закрыв глаза, Михаил погружался в ту ленинградскую реальность, вычитанную в книжке.

5.

Семейство собралось за квадратным деревянным столом, все держали в руках большие столовые ложки. Наконец вошла мать, неся в руках дымящуюся кастрюлю. Сначала она разлила по маленькому половнику двум своим детям, потом — мужу и себе. Бабушка, бывшая при них, смущенно улыбалась: ей не наливали суп; вместо этого на ее тарелочке лежала ложка вареной крупы, приправленная небольшим количеством масла.

— Гера, — сказала мать и убрала за ухо прядку волос, спадающую на лицо, открыв торчащие скулы, обтянутые кожей, — сегодня идешь за хлебом, я дам карточки. Стой сколько сможешь.

— Угу, — кивнул большой, на вид совершенно здоровый парень.

Миша тяжело встал с деревянного облитого солнечным светом пола и прошел на кухню, не имея больше сил глядеть на этот обед. Увидев кастрюльку побольше, он наклонился над ней и ощутил тянущий, кислый запах клейстера, который еще мама в детстве разводила, и они потом обои на него сажали.

— Чаю дают двенадцать грамм в месяц на одного, — говорила мать как будто никому, уставясь в одну ей ведомую точку где-то напротив окна, — яиц не дают. Что дают, там очередь, человек по сто, я вчера с четырех утра стояла до вечера и ничего не достала...

6.

Кафедра отмечала День учителя: на столе стояли тарелки с колбасой, сыром, вяленым мясом, овощами и фруктами. Между тарелок, лавируя, аккуратно вмещались бутылки спиртного. Вокруг стола толпились люди, громко и весело переговариваясь.

— О, заходи, дорогой! — заведующая подбежала к Михаилу, стремительно приобняла его и потащила к столу. — Давай посиди с нами!

Миша, упираясь, вспомнил семейство, которое ело по три ложки супа, и не смог проглотить досаду:

— Спасибо, я не ем такую еду. А вам советую вспомнить голодную блокаду или африканских детей, если прошлое вас не интересует.

Недоуменные лица обратились к нему, и в комнате установилась почтительная тишина. Некоторые женщины едва заметно улыбались, одна откровенно хихикала, уткнувшись носом в бокал «Советского шампанского», а заведующая нахмурилась и, положив на плечо Миши тяжелую руку, властно направила его в сторону пустого кабинета.

— Что с тобой происходит? — устало спросила она, когда они остались одни.

— Я готовлю проект...

— Проект уже готов, — с нажимом на слово «уже» сказала она.

— Вы не понимаете, они же суп из клея ели.

— Да, это впечатляет, но не означает, что мы должны голодать, — раздраженно заметила начальница. — Знаешь что? Отдохни неделю, я попрошу кого-нибудь заменить тебя.

Миша пришел домой опустошенный, с почти неуловимым ощущением совершенной ошибки. Сунувшись в ящик письменного стола, где хранилась огромная черная папка, предназначенная для отчета по гранту, он внезапно обнаружил, что папка пуста, хотя вплоть до настоящей минуты был искренне убежден, что отчет — всеобъемлющий, страниц так на сто — был готов еще пару месяцев назад.

«Приснилось, что ли? Может, и сейчас сплю? А вдруг весь этот грант — сон? Просто меня машина сбила, и я в коме лежу...» Миша отупело смотрел на сиротливую папку, которая способна была вместить в себя целую диссертацию.

«Я идиот, — обреченно шептал он, — полный, конченный идиот. Интересно, если я не сдам отчет, что будет — суд? Деньги заставят вернуть, это понятно, а еще? Напишут везде, что вот такой-то взял деньги и облажался? Интересно, с работы уволят или нет? И куда я тогда пойду? На кассу? Грузчиком?»

Миша крепко задумался: подготовить полновесный отчет за неделю, а тем более во время отпуска, было ему вполне по силам, однако какая-то часть Михаила знала, что он не сделает этого. Увидев на столе брошенную книгу, эта часть ощутила страстное, непреодолимое желание открыть ее, прочесть хоть строчку, и Миша застонал от бессильного гнева.

— Это не я, не тот я, который я, а какой-то другой, которому на все плевать, и он только пялится в свой компьютер, чтобы сделать очередной пост от имени маленькой Светы, и читает книгу про Свету, одну и ту же книгу каждую ночь.

Миша глядел в глаза изможденному, бледному парню и жевал корку черного хлеба, специально, чтобы понять, а смог бы он выжить в голодном, обстреливаемом городе или нет, назло всем этим преподавателям, пирующим на кафедре, и назло всему миру, который не заметил Мишин проект и продолжал вертеться, как прежде. Хлеб был черствый, невкусный, и живот урчал, требуя нормальной еды, но Михаил был непреклонен.

7.

Света бегала по дому и кого-то звала. «Фимка! Фимка!» — кричала девочка и начала плакать, поняв, что Фимка не отзовется. Миша догадался, что речь о животном, но он не

видел раньше в этом доме ни кошки, ни собаки.

Вышел из спальни опухший Герка и, едва шевеля толстыми ногами, потащился в сторону кухни. Поглядывая на хныкающую Свету, Миша не без сожаления пошел за ним. В кухне мать, вытирая слезы, орудовала ножом. Миша видел ее со спины и подумал, что она где-то достала лук.

— Мам? — негромко спросил Герка, но ответа не дождался. — Не плачь, мам.

Может, нас тоже эвакуируют, ведь Герасимовых увозят, уже послезавтра...

Женщина, с сутулой, но решительной спиной, нервно шмыгнула носом и бросила ему страшным голосом, не поворачиваясь:

— Уйди!

8.

— Конференция! Финальная! — шепеляво скандировал Миша перед зеркалом, стоя с зубной щеткой во рту. — Я расскажу всем про Свету, и ее маму, и ее кошку, и брата!

— Я должен быть первоклассным оратором! — громко, чеканно, будто стихи Маяковского, звучали в омертвевшей квартире слова Михаила. — Надо написать речь — вдохновляющую! яркую! чтобы прям до дна достала! — и выучить ее наизусть, так, чтобы, разбуди меня кто среди ночи, я бы ка-ак выдал ее! Без запинки! Надо договориться с Большой библиотекой, чтобы они разрешили провести конференцию у них. Надо принести книги с собой и зачитать несколько самых пронзительных мест. Обязательно взять цитаты из Светинога дневника, а еще можно для контраста зачитать дневник мальчика, чтобы не только женский взгляд...

Долгие часы он сидел за столом и выводил карандашом на белых альбомных листах план своей речи. Выходило не так гладко, пронзительно и сопричастно. Речь была похожа на жалкие потуги глупого мальчишки поведать миру истину, которой он в жизни никогда не видел. Этот мальчишка, который писал речь, напоминал Мише пластиковую фигурку, точную копию мраморного изваяния, которая думает, что она настоящая. Злясь на себя и провидение, не давшее ему таланта вдохновлять людей, Миша грыз корку черного хлеба и упрямо писал, прерываемый лишь урчанием собственного живота.

Он остановился, только когда безумная голова упала на стол, и в реальность проникло сновидение. Миша, вопреки своему ожиданию, не увидел ни полюбившегося ему залитого солнцем дома, ни пыли, играющей в столбах света, ни семьи, которая успела стать ему родной. Только плачущие глаза маленькой девочки, пронзительно глядящие на него из черноты ночи. Казалось, они о чем-то говорили, но Миша не мог догадаться, что хотела сказать ему Света.

Сон оставил после себя тяжелое ощущение беспокойства. Снедаемый страхом и предчувствием неотвратимой катастрофы, дрожа, Миша позвонил в библиотеку и договорился об аренде большого читального зала.

9.

— Мы собрались здесь сегодня, чтобы почтить память ленинградцев, оказавшихся в кольце вражеских войск в период с сорок первого по сорок четвертый год. Я разработал исторический проект, который позволит каждому из вас погрузиться в то время.

Он говорил долго и красочно, взмахивая руками, вскакивая со стула, начиная возбужденно ходить по сцене. Выученные строки так прочно въелись в его память, что ни одна случайность не могла заставить его забыть хоть слово.

— К сожалению, мое поколение ничего не знает о той эпохе, разве что простые факты. В сорок первом блокада началась, а в сорок четвертом она закончилась. Люди умирали от голода. Вот, пожалуй, и все. Но разве этого достаточно? — проревел он, и зал ответил эхом. — Разве это раскрывает всю суть той страшной национальной катастрофы? Нет! —

оглушительно громко крикнул Миша.

На крик возникли, будто из ниоткуда, служащие библиотеки и робко встали у дверей, не решаясь пройти.

— У вас Михаил Правдин работает? — начальница библиотеки опасливо шептала в трубку. — Приезжайте скорей, он, кажется, с ума сошел, я «скорую» и милицию уже вызвала.

Миша кланялся и повторял: «Да! Именно так! Мой проект — настоящая гордость страны! Никто так, как я, не смог показать людям всю горькую правду той страшной национальной катастрофы! Спасибо! Спасибо, что вы пришли!»

— Что случилось? — тихо спросила застывшая в дверях запыхавшаяся женщина. — Он снял зал для конференции. Сказал, народу будет человек сто. Ну, мы тоже пришли, а тут... — начальница библиотеки развела руками, — по сцене скачет, руками машет, кричит, а в зале-то никого нет.

БАБА ДУСЯ УЕЗЖАЕТ В ГОРОД

Артёмова Александра Валерьевна (Российская Федерация) родилась в г. Северодвинске, проживает в Санкт-Петербурге, 30 лет. По образованию - медсестра. Прошла курсы для детских писателей Анны Никольской, "Мастер текста" от издательства Астрель-СПб. Заняла 3 место во всероссийском литературном конкурсе "Хрустальный родник"-2020. Вошла в шорт-лист в международном литературном фестивале "Славянские традиции"-2020. Участник Международного литературного конкурса молодых белорусских и российских литераторов Союзного государства «Мост дружбы» (2020 г.).

— И чтобы рта не открывал, ясно тебе, болтун блохастый? — баба Дуся потрепала чёрного котяру за ухо.

— Не буду, — басовито мурлыкнул тот, — если меня с собой в город возьмёшь.

Они сидели на скамейке у старенького, но такого милого сердцу деревенского дома. Осенние листья кружились на холодном ветру.

— Он не согласится, — старушка поправила выбившиеся волосы из-под платка и одёрнула цветастый передник. Встала.

К дому подъехал автомобиль.

— Ну, пеняй на себя, — котяра хитро прищурился и шмыгнул в палисадник.

— Здравствуй, мамуля! — пробасил здоровенный усатый дядя, вылезая из машины. Которую он даже не попытался припарковать. Да и зачем? Из семи жилых домов только в одном всё ещё теплилась печка.

— Ну что, собрала чемоданы? — мужчина бережно обнял старушку.

— Собрала, милый, собрала!

Давно дети уговаривали её переехать в город. Детей она не слушалась — яйца курицу не учат. Но старые кости заныли о комфорте. Долго бабуля не соглашалась, но как можно отказать собственным костям? Они-то ей никогда не отказывали в опоре и поддержке. Так все вместе и уговорили. Но только до весны.

— Пойдём, чайку выпьем. Поди устал с дороги.

Василий прошёл в калитку. Убедившись, что сын не видит, бабуля погрозила пальцем коту, высунувшему из палисадника язык. И, строго посмотрев на чердачное окно, потрясла кулаком.

— Мамуля, ты идёшь?

— Иду-иду, сынок! — и заковыляла в сторону крыльца.

Скрип! — сказала табуретка под васиным задом. Оказавшись на кухне, он понял, что совершил ошибку. «Попить чай» значило: принести дрова, растопить печь, принести из колодца воды, вскипятить, заварить. Ну, и наконец, «попить».

Скрип! — табуретка вздохнула от облегчения. Вася махнул от досады рукой и пошёл в сарай за дровами. Бабуля только посмотрела вслед.

Вдруг дверца в подпол приоткрылась и оттуда выглянули два грустных жёлтых глаза.

— Останься с нами, а? Мы больше не будем шалить!

— Ничего, поживёте до весны без меня, ума наберётесь.

— Нам без тебя грустно! Уууу!

— Без пирогов моих тебе грустно, Барабыка! Ничего, не пропадёте, большие уже домовята. А меня там ванна с горячей водой ждёт, и туалет прямо в доме.

— Фуууу! — домовый скривил нос.

— Ничего и не фу! Не пахнет он. Цивилизация! Всё, кыш, Вася идёт! — и бабуля прихлопнула дверцу ногой.

Василий сложил дрова в печку, а бабуля стояла на дверце подпола и улыбалась:

— Помощник мой! И малым был всегда помогал.

— Да ладно тебе. Сколько ты нас кормила-поила, теперь мы о тебе заботиться будем.

Где-то сверху заскрипело. Вася покосился на потолок.

— Это ветер дует, — быстро пояснила бабушка.

Василий недоверчиво поднял бровь:

— Точно ветер?

Нет, конечно же, он не верил в домовых, привидений и прочую чушь. Но зато он верил в шизофрению. То, что его мама постоянно говорит с котом, его беспокоило лишь слегка. Но то, что она разговаривает с пустотой, беспокоило сильнее. А однажды, когда мама пироги для домовых в подпол потащила, чуть не увез лечиться в особые места. С тех пор бабуля стала предельно осторожной. И всю нечисть держала в строгости — чтобы никто показываться не смел.

— Знаешь мама, — пробасил сын. Он уже поставил греться воду и снова обидел табуретку, — я помню твои сказки. Ты нам много рассказывала про леших и русалок, про то, что всё вокруг живое, и всё имеет имя.

— Надо же было вас маленьких чем-то отвлекать, чтобы кашу ели, — баба Дуся забегала глазками.

— Нет-нет, я не придираюсь. Я хочу сказать, что мы с братьями жили как в сказке. Мы верили в это вот всё, и нам было жутко интересно. У нас было чудесное детство.

Действительно, её сорванцы верили, что на чердаке живёт шиш, в лесу гуляет добрый лесовичок, а их кот всё понимает. И даже домовых видели, если глаза прищурить и смотреть сквозь луч солнца. А потом в школу пошли, пионерами стали, и всё — сказка закончилась.

С чердака послышался топот.

— Это я кота, наверное, там заперла. Пойду проведаю. — И быстрее, пока сын не отправился следом, добавила: — Ты пока чаю завари.

Когда баба Дуся подошла к чердачной лестнице, можно было подумать, что там топчется целое стадо.

— Вы что чудите, окаянные? — гневно ворвалась она на чердак. Но резко осеклась.

На полу лежал красный клубок, размером с куриное яйцо. Вокруг него столпились домовята, лесавки, и кот. Он тыкал носом клубок, тот слабо колыхался.

— Сова принесла. Я её к тебе не пустил, сюда отнёс, — сказал кот, выплёвывая перья.

— Это что ещё за чудо-юдо?

— О, это, наверное, последний во всём мире. Скоро зачудит.

Клубок колыхнулся снова.

— Ой, бедняга. Зачах совсем... И как же я тебя одного на этих оставлю?

Она взяла корзинку, положила в него тряпья. Осторожно, чуть дыша, взяла клубочек. Он был мягкий и тёплый, и уже начал немного светиться.

— Принесло ж тебя на мою голову. Ну ничего, выходим. — Бабуля положила клубок в корзинку и закрыла плетёной крышкой.

Пора возвращаться к сыну.

Василий уже был на улице и таскал чемоданы в машину.

— Сына, ты это, погодь чемоданы-то нести. Я тебе вот что скажу.

Бабуля вздохнула, сжала в руках платочек. Глянула на машину — та подмигнула ей бликом уходящего солнца. Обернулась на дом — тот позвал к себе, скрипнув дверью.

— Не поеду я, Васенька.

Ой как тяжело давались эти слова. Но всё-таки пришлось сказать то единственное, что было понятно сыну:

— Не могу я дом оставить. Здесь я выросла, здесь и помру. Старая я для перемен. Это мой дом. Приросла я к нему корнями. Поезжай один.

"Всё, прощайте мечты о горячей ванне и тёплом туалете. Не покататься мне никогда на эскалаторе, и даже на трамвае. И, что там ещё внуки рассказывали? А, на гироскутере не покататься тоже. И не попробовать эту их пиццу. И домов до неба не видеть" — с тоскою думала бабуля.

— Уверена?

— Да.

— Ой, мама... — вздохнул Василий и понёс чемоданы обратно. Уже в пятый раз. — Всё, в следующий раз Светка пусть тебя забирает. Может хоть младшенькая уговорит.

А бабуля стояла и смотрела на могучую спину сына. Смотрела с благодарностью. За то, что в такой горе мышц уместилась гора понимания. И принятия. Бабуля отчётливо видела весь его скепсис, но то, что сын оставлял ей право жить так, как хочет она было достойно уважения.

Они попрощались. Бабуля погладила сына по грубой щеке. Он улыбнулся и сказал:

— Мы с братьями поговорили. Проведём тебе в дом воду, сделаем тёплый туалет. И батареи. Теперь не надо будет печку топить. И баню. Ты не будешь против?

— Золотые вы мои! — бабуля прослезилась. — А баню мы к вашему приезду топить будем! И жён ваших напарим, и внуков!

Машина уехала, взметнув ворох красно-жёлтых листьев.

Тишина. Она не давит на уши тем, кто к ней привык. Она обнимает.

— Мррр, — котяра уже тут как тут, трётся о ноги.

— Ну, чертёнок блохастый, остаёмся мы дома.

— А коты вообще к дому привыкают. Так что я не против.

— Да какой из тебя кот, одно название.

— Такой же, какая из тебя бабушка.

Было холодно, но в лучах закатного солнца ещё можно было уловить касание лета. Было спокойно и уютно в забытом людьми краю.

«Закон жизни»

Самкова Анна (Российская Федерация) родилась в Калуге, заканчивает школу, мечтает стать писателем. Участник Международного литературного конкурса молодых белорусских и российских литераторов Союзного государства «Мост дружбы» (2020 г.).

Каждый раз, когда в город после пронизывающих зимних ветров заглядывала весна, старый грек говорил: «Она вернулась к матери...».

Марина уже три года была соседкой старика, ей нравилось наблюдать за тем, как тот возился в огороде или просто сидел на ступеньках, подставив выдубленное лицо со следами вечного загара по-весеннему теплому февральскому солнцу. Со старым греком дружила ее дочь – семилетняя Анфиса. Очень часто старик усаживал девочку к себе на колени и певучим голосом рассказывал ей странные сказки о древних богах с Олимпа.

В один из таких дней любопытная Анфиса задала старику вопрос: «Кто вернулся?». И тот рассказал ей очередную сказку о прекрасной богине, делавшей землю богатой и плодородной. Ее звали Деметрой. Марине понравилось имя богини - его приятно было гонять во рту, как карамельку, повторяя снова и снова.

- Расскажи, что же случилось с Деметрой, - попросила Марина Анфису вечером, когда та, не желая засыпать, возилась в постели.

- Ага, - обрадовалась дочь, - ну слушай! У Деметры была дочь. Ее звали Персефона. И Деметра очень ее любила.

- Так же, как я тебя? – улыбнулась Марина.

- Сильнее. Потому что Персефона была красивая. – отрезала Анфиса.

- Ты тоже... - попыталась возразить задетая за живое Марина, но встретив суровый Анфискин взгляд, умолкла.

- Так вот! Персефона была настолько красивой, что в нее влюбился подземный бог и похитил ее у матери. Вот как ты думаешь, что чувствовала Деметра, когда она проснулась утром и не нашла дочку в кровати? – прищурилась Анфиса.

- Наверное, она очень переживала.

- Да. Насколько, что в мире началась вечная зима. И люди начали мерзнуть и голодать. А Деметра все искала свою дочку, искала... - голос Анфиски становился все тише. Марина чмокнула спящую дочь в висок.

Надо же, насколько зацепила ребенка история Деметры. Жаль, не удалось узнать, что же было в конце. Марина открыла ноутбук и набрала в поисковой строке имя богини. На экране замелькали мраморные изображения. В идеально красивом лице каменной Деметры не было ни искры страдания или любви.

- Истукан! – припечатала Марина, закрывая вкладку. Старинная легенда перестала казаться притягательной – слишком велика казалась разница между страданиями матери и холодной красотой древней скульптуры.

Февральские окна в этом году затянулись. Казалось, весна пришла окончательно, почувствовала себя хозяйкой в городе. Марина любила Феодосию. Время здесь текло медленно, как свежий пчелиный мед, который старый грек летом наливал в деревянную чашку, чтобы угостить Анфиску. В Феодосии вообще легко было потерять счет времени, потому что древняя история была здесь на каждом шагу. Иногда достаточно было пройти всего несколько метров, чтобы почувствовать себя совсем в другой эпохе. И сегодня Марина зашла в скверик возле могилы Айвазовского. «Место силы» - так она мысленно его называла. Тут вечно царил какой-то мистический покой, даже ветер никогда не тревожил спящего вечным сном художника. В этом уголке хорошо думалось о главном и важные решения иногда приходили сами собой.

Но сегодня тревога не отпускала Марину даже здесь. Побродив пару минут по скверу, она заторопилась домой.

Дом встретил открытой настежь дверью. Анфисы не было. Не было ее школьного портфеля, любимого плюшевого медведя и даже резиновых сапожек, которые она специально выбрала себе, чтобы прыгать по весенним лужам.

Марина вбежала во двор старого грека и замолотила кулаками в дверь. Перепуганный старик, путаясь и заикаясь, рассказал ей, как пару часов назад к ее дому подъехала машина. Водителя Анфиска встретила радостным воплем: «Папа!». Старик ушел в дом, чтобы не мешать встрече. Больше он ничего не видел.

Старый грек рассказывал все это, с опаской глядя на Марину – та сидела на ступеньках, обхватив голову руками и раскачивалась из стороны в сторону. Вадим! Как же

он их нашел? Сколько сил и нервов было потрачено на то, чтобы скрыться навсегда. Как он умудрился отыскать ее? Как осмелился забрать дочь? Где сейчас Анфиска? Трясущимися руками Марина набрала дочь – телефон оказался вне зоны доступа. Звонок Вадиму – тот же результат. Марина уронила телефон на клумбу с петуниями и завyla раненым зверем.

Старый грек гладил ее по плечам, брызгал в лицо водой – Марина ничего не слышала. Она понимала одно – Вадим забрал Анфиску, он увез ее.

Небо над головой вдруг затянуло серые тучи, Вихрем взвился над городом ледяной порывистый ветер, захлопывая теплое февральское окно. Старый грек довел Марину до пустого дома и остался у порога, не смея шагнуть в эту черную дыру отчаяния.

Сколько дней прошло с пропажи Анфиски, Марина не считала. Она просыпалась каждое утро на мокрой от слез подушке и с ужасом понимала, что вот он – еще один день без дочери. Она механически пила чай и жевала что-то, принесенное старым греком, не чувствуя вкуса. Она шла на работу и работала, как автомат, ничего не видя и не чувствуя. Она возвращалась в пустой и холодный дом, чтобы сидеть часами, глядя на телефон.

Когда-то давно Марина читала легенду про царя Мидаса, который обращал в золото все, к чему прикасался. Сейчас она превращала все вокруг в холодный шершавый камень, серый и мрачный, сродни погребальному. Словно боясь заразиться, от нее шарахались коллеги, ее обходили стороной прохожие и только старый грек приходил каждый день к ней, приносил нехитрую еду и говорил теплые обнадеживающие слова, которых она не слышала.

Однажды она взглянула на себя в зеркало и была потрясена увиденным. На каменном лице нельзя было прочесть ни одного живого чувства, и лишь глаза семафорили болью. «Деметра!» - произнесли непослушные губы.

Марина кинулась к ноутбуку и открыла страницу с изображениями богини. Как же слепа она была раньше! Как могла не заметить силу материнского горя и ужас отчаяния в мраморных глазах Деметры. В эту ночь Марине впервые со дня похищения Анфиски приснился сон. Мраморная богиня сидела на песке у самой кромки моря.

- Помоги мне, - простонала Марина. – Ты же сама мать. Помоги мне.

Деметра оглянулась. Мрамор начал шелухой осыпаться с ее тела, обнажая загорелую кожу. Через минуту перед Мариной стояла стройная черноволосая женщина с огромными серыми глазами. Марина окунулась в дымчатый мрак глаз олимпийки и услышала тихое:

- Она вернется. Они всегда возвращаются. Таков закон жизни.

Марина проснулась от телефонного звонка. Она нажала на кнопку и услышала голос Вадима.

- Анфиска заболела. Я везу ее к тебе.

Марина встала у зеркала и молча наблюдала, как отчаяние гаснет в ее глазах.

Анфиска действительно была больна. Причем, ни Марина, ни Вадим, ни приглашенный ими детский психолог не представляли, что делать с ребенком дальше. Анфиска молчала. Если ее о чем-то спрашивали, она открывала рот и сдавленно хрипела. А потом начинала беззвучно плакать. Вадим клялся, что все было хорошо до тех пор, пока девочка не поняла, что возвращать ее к маме отец не собирается. Вот тогда Вадим и услышал с заднего сиденья тот самый страшный хрип.

Марина взяла отпуск на работе и все время проводила с дочерью. Она таскала Анфиску по врачам, водила гулять к морю, засыпала подарками – все было тщетно. И тогда в дом пришел старый грек. Он долго топтался на пороге, что-то пряча за спиной, а потом, поманив к себе девочку, протянул ей толстого рыжего щенка. Анфиска, не веря глазам, медленно потянулась к подарку. И испуганно посмотрела на мать – та кивнула и улыбнулась. Анфиска вдруг рассмеялась – весело и звонко, совсем как раньше. И нежно прижала рыжего щенка к груди.

Этой ночью, прижимая к себе сладко посапывающую дочь, Марина думала о том, как же она счастлива. И ей снова приснился сон. Ее дочь и смешной рыжий щенок играли на

пляже у моря. А недалеко от них на песке у самой воды сидела мраморная Деметра. Марина села рядом с богиней и увидела тихую боль в каменных глазах.

Марина уткнулась лицом в обжигающе холодный мрамор плеча Деметры и прошептала:

- Она вернется. Они всегда возвращаются...

И почувствовала, как каменная поверхность сменяется живым теплом.

Прорвавшись через мартовскую непогоду, в Феодосию окончательно и бесповоротно пришла весна. Она принесла с собой оглушительный птичий щебет, громкий детский смех и залиvistый собачий лай, одуряющий аромат сирени и жасмина и счастливое ожидание чего-то необыкновенного.

- Она вернулась к матери... - сказал старый грек, сидя на ступеньках своего дома.

Путешествие сквозь память

Вальков Роман (Российская Федерация) родился в Москве, проживает в г. Щёлково, 21 год. Студент Российского Государственного Социального Университета. Участник Международного литературного конкурса молодых белорусских и российских литераторов Союзного государства «Мост дружбы» (2020 г.).

Уже почти два десятка лет прошло, как российско-белорусские учёные разработали Механизм Объединения Самообучаемых Технологий – сокращённо М.О.С.Т. Этот механизм позволяет объединить различные программные технологии, создавая полноценный искусственный интеллект.

Очень быстро система прошла тестирование, и с её применением удалось достигнуть большого научного скачка в разных областях. Последним этапом стало планирование развития на государственном уровне. В этот момент две страны объединились. Использование технологий плавно вернуло управление к плановой экономике, однако коммунизмом это не было. Понимая разницу в управлении между человеком и машиной, искусственный интеллект стал помощником, анализируя состояние страны и моделируя варианты решения проблем. Другие страны тоже стремились к созданию собственного искусственного интеллекта, отказываясь от принятия зарубежной технологии.

М.О.С.Т. помог завершить создание действующей робототехники, автоматизировал производство, особенно производство тяжёлого труда. Заметно выросло качество жизни, и представления светлого будущего стали воплощаться в жизнь...

6:59

Солнце ещё не сумело пробиться сквозь завесу облаков, однако заняло своё законное место на небе. День набирал силу, а удачливый лучик, находя прореху в облачной пелене, наполнял комнаты квартир светом.

Первые прохожие ёжились от утренней прохлады, навеянной ночным дождём. Несмотря на это, одеты они были легко – в сегодняшнем прогнозе стоял очередной изнуряющий жарой день, так, что многие с радостью будут вспоминать утреннюю свежесть.

7:20

Будильник разогнал тишину комнаты заиграв первую сюиту Иоганна Баха. Андрей неловко потянулся на звук, но отключать его не стал. Полежав пару мгновений, он открыл глаза и начал подниматься под мелодию классика. Недавние исследования показали, что просыпаться полезнее под плавные мелодии, тогда организм легче переносит резкое пробуждение и быстрее входит в рабочий ритм.

Натянув тапочки, Андрей прибавил громкости разыгравшейся композиции и отправился на кухню ставить чайник. Кухня была наполнена утренней свежестью, забравшейся через приоткрытое окно. «Зябко», – подумал Андрей, включая конфорку на которой стоял чайник. Помедлив, он включил и соседнюю, а после направился к окну. «Хоть вода не попала, – осмотрев подоконник заключил парень и стал разглядывать улицу, – а дождь был видимо сильный, раз такие лужи собрал».

С четвёртого этажа открывался вид на небольшой дворик, проглядывавший среди зелёной заросли. На асфальте, покрывая рябью отражавшиеся в них деревья, были разбросаны лужицы разных размеров. Кто-то пропрыгал к выходу из двора. В остальном двор представлял полную спокойствия картину.

Когда мелодия перестала доноситься из комнаты, Андрей обернулся к настенным часам, висящим над столом – до выхода оставалось чуть больше часа. Особо не спеша парень направился собираться на занятия. Торопиться было незачем, вещей при переезде он взял немного, а однокомнатную квартиру, располагавшуюся в старой пятиэтажке, высокий человек, вроде Андрея, мог пройти за пару широких шагов. Но несмотря на размер, комната была просторной: небольшая кровать, шкаф, телепанель, письменный столик – всё располагалось вдоль стен, оставляя место в середине для пушистого ковра. Обстановку довершал свежий ремонт.

Просто и удобно. Такое жильё и искал Андрей десять месяцев назад, когда, закончив физическую и техническую подготовку в тренировочном лагере, его направили для дальнейшего обучения в Центр подготовки космонавтов. Центр располагался в городе Королёв, и, чтобы не тратить время на дорогу, он решил снять там квартиру.

В последнее время рынок недвижимости развивался и становился более доступным. Национальная программа по реконструкции устаревшего жилья, в которую переросла московская программа реновации, включала капитальный ремонт старых домов, замену коммуникаций, ремонт подвалов, утепление помещений, внешнюю отделку, дезинсекцию, а также помощь в ремонте в квартирах. Вначале программа заработала в московской и минской областях, а позже охватила другие регионы страны. Кто-то воспользовался возможностью льготного обмена старых квартир на жильё в новостройках. Другие стали сдавать отремонтированные квартиры. Особенно спросом пользовались те, что располагались рядом с центром. Такую квартиру и нашёл Андрей. Она располагалась в пятнадцати минутах ходьбы от городской площади, но, что более важно, в десяти минутах от места учёбы.

Сам Андрей родился и вырос в Восточном районе Москвы. До школы любил часто бывать в деревне. С бабушкой ходил в лес по грибы, рыбачил с дедом, а в конце лета все вместе собирали ягоды с овощами, что росли в огороде. Конечно, особо красные собирались сразу в рот, но и оставшихся хватало на несколько корзинок.

С тех пор Андрей полюбил природу. В школе, увлекался природоведением, биологией, а с появлением химии стал отличником и по этом уроке. В остальном ничем не выделялся от сверстников, за четверть успевал и двойку получить, и форму порвать, и пятёрку заработать. Всё это он делал вместе со своим одноклассником, другом и соседом по двору – Стасом. В шестом классе к ним присоединился Денис, семья которого переехала из Витебска в Москву, в связи с переводом главы семейства в новый отдел НИИ, занимавшейся разработкой и курирующий запуск спутника дальней межпланетной связи. Этой компанией они проводили всё свободное время, пока их ряды не пополнили сначала Павел – парень с другой школы, но все вместе ходили в футбольную секцию, а потом и Дима.

После школы друзья поступили в вузы. Денис вернулся в Витебск, и пошёл по стопам отца. Паша обучался на механика. Стас и Дима стали программистами, а Андрей в противовес друзьям-технарям поступил на агронома.

Уже в год их поступления была обновлена космическая программа, она продолжала активное развитие внеземной деятельности. На прошлых этапах, после освоения

околорунного пространства, и создания Лунной Космической Станции, люди отправились на Марс и создали вначале Первую Внеземную Колонию, состоящую из представителей международного научного сообщества. А после сильные сверхдержавы построили собственные колонии и научные станции. Китай преуспел в этом больше прочих, однако космическая гонка всё ещё была на своём старте.

Последующим этапом стала разработка корабля длительного полёта, в планах было исследование внешней области Солнечной системы, и планет с их спутниками. Началась разработка мероприятий по подготовке. Строительство корабля планировалось завершить за пять-семь лет. Попутно разрабатывались научные планы, и планы по подготовке соответствующих специалистов. По сути специалисты привлекались из всех областей, однако к ним предъявлялись жёсткие требования, в связи с особой важностью миссии и высоким уровнем опасности.

Андрей подал заявку на третьем курсе. Благодаря любви к предмету, физической подготовке, которой он специально занялся, и относительно не большим количеством желающих отправится в опасное приключение, молодой человек попал в список кандидатов, которых отправили для дальнейшего обучения в тренировочный лагерь.

Обучение заключалось в освоении первостепенных специальностей – базовые технические навыки, навыки медицинской помощи, общая теория физики и химии, которые могут пригодиться в космосе. Также продолжалось узкопрофильное обучение, в связи с возможным влиянием безвоздушного пространства.

После завершения институтов все собрались в Москве, друзья устроились по специальностям, но часто проводили время в командировках или разъездах, в основном из-за развития промышленности и роста высокотехнологичных подразделений компаний в отдалённых районах страны. Хотя дружбу никто не забыл, всякий раз, когда оказывались свободными выходные, ребята старались встретиться...

Андрей как всегда собрался за рассчитано, успев позавтракать, и направился на свои рутинные лекции. Внутренний двор встретил его зеленью кустов. По новой программе озеленения кусты сажали чуть ли не на каждом шагу. Некоторые улицы стали похожи на зелёные лабиринты, что порой раздражало спешившего путника. Однако по весне, когда цветы покрывали эти кустарники, раздражались ещё и аллергики. С другой стороны, воздух в городе стал куда лучше, а неказистость кирпичных и панельных стен домов была надёжна сокрыта зеленью.

За те десять месяцев, что он пробыл в этом городе, изменения были заметны даже ему. Сократились дорожные полосы, преобразились пешеходные части. Фасады домов, выходящие к дорогам, украсили лепниной или же рисунками художников. На месте лавочек поставили небольшие беседки. А уличные фонари приобрели разные размеры и формы, некоторые похожие на зонты, другие на шесты, переливающиеся вечером стекающим потоком света. В парках стояли как бы пенки от деревьев, которые служили как скамейкой, так и неплохо подсвечивали дороги в сумерках. Но большая часть городских улиц освещали убирающиеся под тротуар фонари. Вечером они восставали из земли рядами на метр и давали мягкий, но достаточный свет. После одиннадцати часов, часть фонарей отключалась, а оставшиеся разгорались для освещения опустевших улиц. В сей час свет не требовался и фонари были скрыты от глаз прохожий.

Лёгкий ветерок провожал остатки грозового фронта на юг. Освободившееся солнце уже высушило поверхности до которых успело добраться, и теперь его лучи приветливо грели прохожих. Воздух был все ещё достаточно свеж и приятен, поэтому торопиться совсем не хотелось. Андрей решил пройти через парк, всё равно дорога занимала двадцать минут, а в запасе имелось полчаса. В такой час прогуливающих людей было мало, и можно было насладиться концертом птиц, которые чирикали в разных тонах и с разным ритмом, но с общим настроением. Так начинался новый, хоть и рутинный, день.

Андрей дошёл до ЦПК. Огороженная невысоким забором территория, приветственно открытые ворота. Миновав проходную, приложив пропуск, Андрей пошёл к учебному

корпусу. С первого взгляда, охранная система была в плохой форме, но на самом деле за всем внимательно следил искусственный интеллект, а в соседнем отделе полиции была специальная группа реагирования, на случай попытки проникновения.

Сегодня было три лекции о космическом сопротивлении, физических силах в вакууме, и химические элементы для растений. Всё это уже проходило в той или иной форме, но в некоторые лекции внедряя новые знания снова подавались для лучшего закрепления.

Вечером, по пятничному обычаю, Андрей отправился в Москву, пока ещё столицу страны. Разговоры о переносе столицы шли уже порядка двух лет, но дальше примерного списка из двадцати городов-кандидатов не продвинулись. Но работа по изменению Москвы от столицы к городу не прекращалась. Распределение офисов крупных компаний по городам-соседям завершилось. Построенные дорожные хорды предназначались для транзита транспорта, остальные же дороги, как и в прочих городах сократили число полос. Также был введён запрет на свободное движение механического транспорта по городу, теперь гости столицы могли воспользоваться огромными подземными стоянками и пересечь на общественный транспорт. В результате город расстался с пробками и стал намного тише. Построенные системы очистки и аэрации воздуха заметно улучшили экологию. А строительство приобрело скорее декоративную цель.

Сравнивая с прошлым обликом города, казалось, что попадаешь в музей современного искусства, вышедшего из выставочного зала прямо на улицы. Конечно такие изменения понесли все города, но Москва, будучи столицей и просто крупнее своих собратьев, превосходила их по красоте в разы. Одно голографическое освещение удивляло и завораживало, заставляя смотреть небольшие световые сценки в вечерние часы.

Андрей вышел из электробуса и направился к знакомому кафе, где часто собирался с друзьями по выходным и праздникам. Город уже окунулся в выходную атмосферу, звучала музыка, где-то давали представления, группки людей тянулись в сторону парка «Сокольники». Вдоль их пути выступали профессиональные музыкальные коллективы. Поначалу такие выступления проходили в рамках городских сезонов, посвящённых музыке, а позже официально закрепили профессию городской музыкант. И теперь, согласно графику выступлений, на улицах можно найти и послушать полюбившихся исполнителей.

Но успев привыкнуть к выступлениям, Андрей не стал задерживаться и направился к двухэтажному зданию, в котором сосредоточилось множество общественно-питательных мест. Искать приятелей не пришлось, поскольку система заказа столов, позволила определиться с местом на полгода вперед. Как всегда, они сидели в отдельной комнатке, стенами которой служили растения, ниспадающие с потолка, и декорированные полки, на который находилась множество предметов от книг и 3D театра до настольных игр и VR фильмов.

– Всем салют! – Андрей протянул руку и поздоровался с каждым из четырёх собравшихся.

Ближе всех сидел Стас, бывший одноклассник Андрея, плотный, коротко подстриженный, атлетической формы и в сером рабочем комбинезоне, походил на солдата, чем на программиста информационно-аналитических компонентов.

– Ты вовремя, мы только заказали, можешь успеть добавить к нашему, что б долго не ждать.

Андрей сел на против друга и потянулся к центру стола, где в небольшом выступе размещалась панель с выбором блюд. Дима вернулся к своим VR очкам, а Паша продолжил читать что-то в планшете. Пока Андрей выбирал десерт, Денис и Стас продолжили прерванный разговор.

– ... Это на земле ваши программы работают, а как только выйдут из области досягаемости М.О.С.Т. и толку от них не будет. Взять глубину. Стоит уйти с мелководья

или дальше в океан и сигнал уже тормозит. Про космос вообще молчу, дальше околоземной орбиты не ловит.

– А усилители сигнала зачем изобрели? В море банально оптоволокну протянуть, и поставить локальную антенну. Ловить без задержки будет. А в космосе у нас тарелка летает так, что связь с Марсом есть.

Обычно спор затевали только Денис со Стасом, первый, недовольный закрытием проекта по строительству на Луне Солнечно-системной Станции Связи, где он мечтал работать, а второй, выступавший за активное развитие Марса, и больше всего возмущавшись отставанием от Китая. «Всё наше объединение Белоруссии, Казахстана и России под наблюдением М.О.С.Т. построили какие-то две с половиной станции, и то, одна технико-промышленная. А КНР уже седьмую закончила, а пять вообще получили статус жилых». В остальном мнения ребят сходились и к беседе присоединялись остальные, занятые до того своими делами.

– Ну не с Марсом, а с Марсианской Орбитальной Станцией. И то с перебоями из-за их вращения. А планета все также открытки шлёт. Да и сигнал Космической Антенны Связи только с одной точкой устанавливается за раз.

– Зато практически без задержки при трансляции, а лет семь назад с космонавтами по почте только общались.

К столику подъехал разносчик еды и передвинул подносы на стол. Ребята разобрали свои тарелки, а разносчик, высказав пожелания приятного аппетита, удалился.

– Даа, прогресс. А на дно Марианской впадины тоже кабель оптоволоконный тянуть?

– А там-то тебе сигнал зачем? Туда хотя бы свет провести для начала. Тем более ты прибрежными районами занимаешься. Там и кабель не нужен.

– Это пока прибрежными. В следующем году в компании откроют отдел Глубоководного строительства. Вот, я решил туда перевестись.

Все за столом взглянули на Дениса. Высокий светловолосый он устроился в одну из самых перспективных отраслей – подводное строительство.

В мире существовало только три таких компании. Первая – европейская, возникла в основном для жилого строительства, в связи с затоплением прибрежных городов по всей Европе из-за глобального потепления. Вторая – отечественная. С подразделением на Дальнем Востоке занималась промышленностью: переносом атомных станций и заводов под воду. Но недавно начала строительство новых прибрежных поселений на Севере. И последняя компания принадлежала Африканскому Союзу, успевшая построить город между континентом и Мадагаскаром. Но никто ещё не занимался Глубоководьем из-за сопутствующих сложностей.

– А разве на побережье место закончилось? Европейцы для экономии строят подводные города прямо на берегу – всё равно прибрежные районы затапливает, и уйдут под воду. А вы? – Высказал общую мысль Дмитрий, сменив VR очки на обычные.

Он влился в компанию после турнира по полярной онлайн-игре, где выступил за команду одноклассников, после распада своей собственной. Обычно проводил всё время в виртуальности, работая администратором одного из Мира-сервера, куда устроился после турнира, и редко участвовал в обсуждениях. «Вот откроете под водой сервер, тогда я с вами о чём-нибудь поспорю», - говорил он.

– Не я решаю. – ответил Денис, – Но это большой рывок для всей отрасли. А строительство по сути прежнее. Объекты будут по-прежнему спускать с барж, а собирать их дронам-строителям. Проще говоря, испытание для технологий, сам процесс меняется не сильно. Людей на глубину отправят не много, только операторы, и бригадиры в батискафе. Кстати батискаф тоже специальный – палуба, говорят, как на научном будет, везде экраны, и обзор на 360°. Передовая штука.

Все замолчали. Лидирующие позиции здорово, но стоит ли увлекаться? Андрей загляделся в экран телепанели, висящей над столом. По Информационному каналу ведущий

жестикулировал, а гости что-то ему отвечали. После картину студии сменила видео нарезка, заинтересовавшая парня ещё больше.

– Ребят, а включите звук, кто ближе сидит. – Дима, обернувшись, нажал на экран и провёл пальцем для увеличения звука.

Но передача уже прервалась на рекламу. В ролике кругами катались беспилотные автомобили, пока у всех, кроме одного, не садился аккумулятор, и тогда он подъезжал к человеку и открывал перед ним дверь, предлагая проехать более долгий маршрут.

– Интересная новинка этот аккумулятор, физики постарались. Но покупать всё равно нет смысла, тебе столько ехать не надо, а если надо, то на поезде быстрее выйдет, – пояснил Стас, купивший год назад подобную машину, но внутри которой его никто не увидел.

– Мы и не собирались, в отличие от тебя, – улыбнулся Денис.

– Машины – это интересно, но я новости хотел, сейчас какие-то кадры показали с пожаром, до рекламы.

Дима снова обернулся и начал листать каналы.

– Нулевой включу, там М.О.С.Т. всегда рассказывает о важном.

– ... конфликт между западными и восточными штатами сегодня стал ближе к разрешению. Стороны, в составе которых присутствовал премьер Федерации и Совет Республики, обсудили ряд экономических вопросов на встрече в Торонто. Уже пять месяцев прошло с момента последнего вооружённого столкновения, однако встречу на таком высоком уровне удалось организовать лишь сегодня. Обе стороны озвучили свои позиции по ключевым вопросам на пресс-конференциях, однако во многом их мнения расходятся. Политологи оценивают ситуацию, как сложную, и предупреждают, что в ближайшее время продвижения к разрешению ситуации не ожидается...

– Это тоже не то. Я пожар видел. А эти так четыре года воюют, одной встречи не хватит.

– Республика в выгодном положении, у них все морские пути в Европу. Восток экономически проиграл.

– Зато армия у востока лучше. И граница с Мексикой доступ к Атлантике даёт. Они тоже просто так не уступят.

– ... к событиям в Саудовской Аравии. По обновлённым данным, протестами охвачено около сорока процентов страны. Крупные города оказались пока не затронуты восстанием, однако атакам подверглись военные части, склады боеприпасов, химических и продуктовых запасов. Военной полиции удаётся сдерживать натиск протестующих, однако проблему локализовать пока не удаётся.

Напомню, что позавчера была предпринята хакерская атака на сеть, тестирующую аналог искусственного интеллекта для автономного управления роботизированными технологиями. По заверениям правительства, атака не нанесла ущерба и была отбита. Однако, сегодня утром, часть тестируемых роботов вышла из-под контроля и устроила беспорядки. Позднее к ним стали присоединяться другие. Сеть перешла в автономный режим, не позволяя себя отключить. В больницы уже обратилось несколько десятков пострадавших, кроме того насчитывается около семи очагов пожара, не считая сожжённые автомобили. Наше правительство предложило помощь, в том числе попытку взлома Автономной Системы Управления и её отключение. Ответа пока не последовало...

Добавлю, что АСУ является программой и не может самостоятельно принимать решения. Искусственный интеллект не имеет подобных уязвимостей и его применение абсолютно безопасно....

Все снова замолчали и задумались.

– Тревожно. Такой пожар ты видел?

– Да, похоже. И правда как-то тревожно.

– Всё будет хорошо. Наш интеллект наверняка её взломает, и порядок восстановлен.

Интересно, кто за эти стоит?

– Не знаю, но это похоже на террористический акт. Ситуация может легко выйти из-под контроля. Тем более, эта АСУ загружает себя на новые платформы. Это может и на соседние страны распространиться.

– Не допустят. Если она так может, то это угроза для миропорядка. Другие страны быстро подключатся и угрозу ликвидируют.

– А помните прошлый теракт? Когда частный космический шаттл перепрограммировали и направили на лунную станцию. Никто ничего не мог сделать.

– Вроде бы всех эвакуировать успели. Но, кажется, тогда американцы взяли за частные космические компании и в итоге получили раскол.

– У них и так проблем много было. Там причин для раскола уже давно накопилось. А в Аравию наши или Китай не могли хакеров послать? Для борьбы с конкурентами?

– Нет. Это плохо скажется на робототехнике, а мы и так лидируем в этой области. Другое дело, если будет создан новый искусственный интеллект, интересно что тогда будет.

– Ты думаешь о противостоянии? Сверхдержавы и ядерные державы заменят на ... Интеллектуальные державы? Ну, искусственные державы звучит ещё хуже.

– Возможно наш интеллект не позволит создать аналог. А если будет два, это же конкуренция какая. И риски. Скорее всего один взломает и поглотит другой. Так будет проще, чем управление двумя системами. Это как на один компьютер две операционки поставить.

– Если они не будут мешать друг-другу, то можно и не взламывать. Установить границы и хоть пять интеллектов. Тогда они будут сдерживаться. И если один сойдёт с ума, то второй поможет.

– Если один сойдёт с ума, то второй будет виноват.

– Давайте послушаем новости, пока никто не создал второй такой системы.

– Когда создаст, уже поздно будет говорить, мы же можем оказаться пешками на шахматной доске, размером с планету.

– Ничего подобного не случится, не переживай.

– ... По только что поступившем данным, протестующие захватили полицейский участок, получив доступ к оружию и хранившемуся там уликам, среди которых есть конфискованные взрывчатые вещества. Турция, Египет и Иран перевели войска на границе в боевое положение...

– Вот тебе, Дима, и под контролем.

– ... Правительство Саудовской Аравии приняло предложение о помощи от ряда стран. Мы будем следить за ситуацией. А теперь к новостям о ремонте дорог в Брестской области...

Дима собрался ответить, что сейчас будет под контролем, но Денис опередил.

– А заразить мостик нельзя?

Дима покачал головой.

– Не-а, там целый комплекс программ, мы на лекциях разбирали подобные системы, пока их нельзя взломать, нужен совсем новый подход.

Стас приподнялся к Андрею.

– Ты слышал, что Полёт-3 потерпел крушение?

– Как потерпел, когда его ещё не запустили?

– Ты что-то путаешь, он столкнулся с чем-то и разбился.

– ... Взлом АСУ прошёл успешно, совместно с Европейским Коллективом по Кибербезопасности, удалось обойти защиту и перевести систему на ручное управление, после чего она была отключена. Все вышедшие из-под контроля программы были отключены или переведены в безопасных режим. Пожарные бригады взяли под контроль, возникшие очаги огня. Ситуация больше не представляет угрозы. Теперь остаётся восстановить повреждённые здания и разобраться в уязвимостях...

– Всё хорошо, что хорошо заканчивается.

Дима убавил громкость.

– Так и случилось бы. Ситуация локальная. Хотя задуматься стоит. Ваш подводный город наверняка перепланируют.

Денис глянул на часы.

– Поздно уже, я с понедельника еду в Астрахань на неделю. А постройки изначально обладают внутренней сетью. И система контроля хорошая, просто так в технические зоны не пройти.

Дальше друзья обсудили планы на ближайший месяц и стали расходиться. Денис со Стасом выглядели уставшими, да Андрей уже начинал зевать. Неделя выдалась душевной и утомительной. А месяц ещё был богат на события.

Какой-то низкий гул мешал спать, постоянно выдёргивая из глубокого сна. Но и просыпаться не хотелось. Гул казалось был всегда, каждую ночь и каждый день, маскируясь он обычно оставался не заметным. Сейчас же порядком поднадоел, и Андрей решил разобраться с ним, но, когда проснётся. Сон всё ещё не отпускал...

Андрей проснулся в своей каюте. Уже по привычке. Даже будильник не приходилось заводить. Вообще в космосе время было довольно относительным понятием. Приходилось больше прислушиваться к внутренним часам, они точнее говорили, когда обед, когда вечер, а когда подъём. В остальном график был составлен точно. Утром дежурство в рубке, потом проверка оборудования, обед, обход участков и, если ничего не случилось, свободные часы.

Андрей подошёл к раковине умыться. В углу зеркала, висевшего над раковиной, появилась модель женской головы.

– Доброе утро, Андрей Викторович. Как спалось?

– Всё хорошо, Марина. Какие новости?

– В первой столовой лампочка перегорела, Анна Сергеевна просила заменить. В остальном на корабле порядок. Погода сухая, температура около двадцати трёх градусов.

– Как будто бывает дождливо.

Андрей надел рабочий комбинезон.

– Пришли новости с Земли. Я анализировала категории, которые вы выбрали. Локомотив вышел в финал. Противник Zenit, игра состоится через две недели. Желаю им победы.

– Спасибо. А когда почту пришлют?

– Следующий грузовой челнок ожидается по графику, через пять месяцев и тринадцать дней. Ещё у вас одно полученное сообщение от Павла. Он просит Вас зайти во время обеда.

– Спасибо, можешь выслать ремонтного дрона сразу в столовую, перед завтраком замену лампу.

– Разумеется, Андрей Викторович.

Андрей ещё раз глянул в зеркало и, одёрнув куртку, вышел в коридор. Что же ему сегодня снилось. Сон ещё бродил по закоулкам памяти, но картину целиком было не вспомнить. Он кажется был на Земле, куда-то ехал, но куда? И он ли это был? И что он хотел сделать?

Каюты располагались в самом центре корабля. Севернее, то есть выше на плане, размещалась рубка с основными техническими комнатами. По бокам были столовые. На юге чередовались помещения научных лабораторий. Над каютами социальные зоны, всё то, где можно провести свободное время. На нижней палубе располагалась теплица, в которой выращивали овощи и злаковые культуры, а также некоторые плодородные деревья. За этой небольшой фермой были грузовые склады и доки для стыковки с челноками. Сам корабль походил больше на станцию, цилиндрической формы, с боков отходили ветки к трём двигателям, включаемым только для манёвров на орбите. А нос судна опоясывала защитная дуга, которая должна была предотвратить повреждения важных зон.

Корабль Полёт-4 уже полгода летал во внешней области Солнечной системы. Маршрут проходил между Ураном и Нептуном, позволяя детально изучить это пространство. Были разосланы дроны-спутники, для сбора информации о планетах, астероидах, межзвёздном пространстве. Научным уже отделом передано на Землю много новых данных. Также в миссию входит изучение пребывания человека в космосе, при дальних перелётах, и оптимизация будущих полётов.

В команду вошло пятьдесят специалистов: обслуживающих корабль, занимающихся научной деятельностью, медицинских работников, а в дополнение один кот и две собаки, для психологической разрядки экипажа и изучения поведения животных.

В столовой сидело всего три человека. Борис и Игорь из отдела метеорологии и Стас – хирург широкого профиля. Он напоминал кого-то Андрею, но тот не мог вспомнить, где его видел. Для себя же Андрей решил, что они вместе проходили обучение в Центре подготовки.

В стороне уже стоял дрон РЕМ-3. Модель включала в себя базу знаний о ремонте, детальные схемы, навыки работы и помощи, а также широкий набор инструментов, размещенный в теле бота.

Заменяв лампу, Андрей позавтракал в одиночестве, остальные посетители столовой разошлись, и направился на дежурство в комнату наблюдения за состоянием корабля, где размещалось несколько специалистов, и практически все данные с корабельных приборов выводились тут на экраны и панели. Просидев до обеда, наблюдая за датчиками, Андрей думал, что: «Космос захватывает только с Земли, здесь же всё превращается в рутину за какой-то месяц».

Завершив дежурство, он заглянул к Паше – сменщику и хорошему другу, с которым они были знакомы ещё с института.

– Привет, хотел увидаться?

Павел сидел в своей каюте и моделировал небольшого робота в качестве хобби.

– Да, привет. Хотел тебя на выходных позвать в кинозал, – он отложил инструмент и развернулся на стуле, – будут Лигу Европы показывать.

– Так, счёт давно известен – каждый день обновляют турнирную таблицу.

– Я её специально не смотрел, хочу посмотреть чемпионат не по таблице, а как бы живую. У тебя смен нет, вот я и решил тоже позвать.

– Да, я приду, планов всё равно не было, тут особо некуда ходить.

– Вот и замечательно.

После обеда Андрей обошёл ключевые отсеки, сверив приборы, заглянул ещё раз в рубку и оставив дальнейшее наблюдение за машиной, отправился в читальный зал. Библиотека была небольшой, всего около двадцати бумажных книг, всё остальное хранилось в информационной среде. Но большую популярность имели как раз бумажные книги. Возможно потому, что они напоминали о доме. Проведя пару часов за книгой, Андрей отправился в спортзал для пробежки. Гравитация на корабле поддерживается искусственно, однако она слабее земной и ближе к лунной, так что тренировки всё ещё остаются неотъемлемыми для космонавтов.

День был рутинным. Ложась спать Андрей снова вспоминал Землю и дом, родной город и места, в которых он побывал. Завтра его ждёт очередной день.

Гул снова перешёл на первый план, противно жужжа над ухом. «Ещё немного, и встаю», – решил Андрей. Но в этот раз сон не шёл. Сегодня точно надо разобраться откуда этот шум. Нет, сейчас. И Андрей открыл глаза.

Свет, яркий для раннего утра. А было ли утро? Что вообще творилось за окном? И где было окно? Где был Андрей? Зрение постепенно сфокусировалось на белом потолке. Яркая

лампа слепила глаза. К слуху пробился ритмичный писк. Думать было ещё сложно. Где это? Андрей решил немного собраться с мыслями и закрыл глаза.

Сложно сказать сколько прошло времени, но теперь мысли путались уже меньше. Он снова открыл глаза. Белый потолок, яркая лампа. Приподнявшись на локте, Андрей осмотрел палату. Справа стоял аппарат, от которого щупальцами тянулись к парню какие-то датчики. Дальше в стене было занавешенное окно. На против кровати стояла двойная дверь, слева андроид.

Сил ещё было не много, Андрей поспешно опустил обратно.

– С пробуждением! Вы наконец пришли в себя.

Молодой человек чуть повернул голову к андроиду.

– Я сообщил вашему лечащему врачу, он скоро подойдёт, а пока советую Вам отдыхать.

– Где я? – во рту было сухо и язык плохо слушался, Андрей надеялся, что вышло не так плохо и его поймут. – Как я сюда попал?

– Вы что-то помните?

– В голове всё туманно.

«Космос? Я был там? Или нет? Вроде помню встречу с одноклассниками, но когда?»

– Вы были космонавтом по программе Полёт-3. Но после семи месяцев полёта, на корабле возникла аварийная ситуация, несколько отсеков было разрушено, часть космонавтов пострадали. Вы, получив травму головы, впали в кому.

– Не помню ничего, что случилось?

– Причины ещё устанавливают. Вас вместе с другими пострадавшими сразу отправили на Землю на специальном эвакуационном судне. Корабль после осмотра было решено вернуть на земную орбиту для детального изучения. Благодаря безопасности, которую поставили на первое место, при строительстве, разрушения ограничились несколькими отсеками.

– Я, кажется вспоминаю, как проверял электронику на корабле, но это был Полёт-4.

– Это маловероятно. Вы входили в число учёных-ботаников, и летели на Полёте-3. Вероятно, из-за стимулирования мозговой деятельности, которая входила в курс вашей реабилитационной программы, вы видели сон или искажённые воспоминания.

Дверь открылась, и вошёл врач в сопровождении медсестры.

– Рад, что вы пришли в себя. Вы самый последний пациент с Полёта, который находится в больнице. Всех остальных членов экипажа уже вернули по домам. Сейчас я вас осмотрю, а после оставлю, вам необходим отдых.

Андрей погрузился в мысли, значит в космос он полетел, осталось только вспомнить и разобраться что было, а что приснилось.

Месяц ожидается богатым на события...

Сказ о братьях славных

Козлова Елена (Российская Федерация) родилась в селе Фоминки Гороховецкого района Владимирской области, 19 лет. Студентка ГБПОУ ВО «Муромский педагогический колледж». Участвовала во всероссийских и международных конкурсах и фестивалях научной, литературной и музыкальной направленности, занимала призовые места. Свободное время посвящает чтению и изучению культурологии, истории и литературы. Участник Международного литературного конкурса молодых белорусских и российских литераторов Союзного государства «Мост дружбы» (2020 г.).

Позарился Велес (1) на стада небесные Перуна (2), зависть его опутала, согнал их с небес, в свои тёмные пещеры. Не вытерпел оскорбления громовежнец. Спустился на своей

эфирной колеснице в чертоге «Царя Змиулана» (3), потребовал возмездия: честного боя. Смалодушничал Велес, да бежал прочь, от гнева великого.

Перун мчится по следам, подгоняет, да страху надбавляет. Пускает свои серебряные молнии, а Велес изворачивается, в живых существ оборачивается. Вот он уже человек, затем корова, конь. Воителя небесного не обмануть, знает он про золотую отметину бога «волохатого» (4), зоркие у него очи, так же, как и остры молнии его слепящие; не скрыться никому, не схорониться; настигнет кара-от неё не защититься.

Но видит Велес древо, луч надежды озарил его, он спрятался под ним. Не суждено спастись от гнева немалого ни живому, ни мёртвому, разносит он свои молнии дерево в щепке. Опять бежит, укрыться пытается, спасти свои телеса. Мелькнул пред его взором камень, притаился под ним. Но и на этот раз разнёс спасительную преграду Громовержец (5). Не оставалось ничего Велесу, как броситься в воду, там затаиться. Посчитав согрешившего наказанным, разбил Велес ворота пещеры тёмной и выпустил на свет белый свои стада неисчислимые.

Дождь пошёл... Возродился мир. А камень-то раскололся, под каплями живительной влаги разросся и превратился в землю бескрайнюю: с полями широкими, с лесами непроглядными, с реками хрустальными, с птицами дивными. Щепки-то острые превратились в трёх молодцев бравых, их величали: Рус, Белрус и Укррус. Кровь от крови они, плоть от плоти, братья исконные. Жили братья в мире и дружбе, дела их шли на лад. Беззаботно жили они, не ведая о Лихе (6), просачивающимся на их двор. Неустанно делало своё грязное дело тварь поганая. Разрасталась между братьями отчуждённость, во взглядах их зарождалось хладнокровность и равнодушие. А Лихо-то сидит, да себя похваливает. Этакое довольство: братья чуждятся друг друга, пора б на них великое зло наслать; погубить тела их белёдые, закрыть глаза их ясные, уложить в землю-матушку. Пуще прежнего рассорились братья: не приметить паче ласку, да единство, чужими стали...

Омрачилось небо, потемнела земля, затихли творения божи. Зато лихо хохочет, да выворачивается, зазывает, закликает касн (7). Поднялась пыль, света белого не видно. Несметная стая несётся, землю родную топчет. Напали они на отчий дом братьев, братья отпор дают, да нет в их деле слаженности, единства, в разнобой борются! Да слабы порознь. Враги крепчают, силы набирают от тщетного сопротивления, мощь братьев скудеет, того и гляди упадут наземь вовек. Смилоствился Перун, послал светловолосую Богиню-Берегиню (8) на помощь молодцам, изгнала она из их крова мерзопакостное лихо. Рвалось оно, металось, за края хваталось... Да не выдержало безбрежной светлой силы, бросилось наутёк.

Сошли с братьев чары тёмные, очнулись они от дурмана, почувствовали силу рода, объединились и повергли врага страшного. Прояснилось небо, окутало солнце лучами землю. Воспрянуло всё вокруг: зажурчали ручьи, запели свои причудливые мелодии птицы, потянулись к небу листья трав, мир постиг гармонию. Но долго ли продлится покой на божьем свете? Неизвестно. Знамо одно: узы братьев не разорвать, любовь их не искоренить, дружбу не расколоть отныне и до века.

Примечания

1. Велес -«скотий бог», покровителя домашних животных, торговли и богатства (Мифы народов Европы и Америки. 82. Боги древних славян).

2. Перун- Древний византийский автор писал о том, что славяне считают своим владыкой бога – творца молний. Перун был владыкой верхней части мира – вершины Мирового древа, был он хозяином на небе и на горах, повелевал тучами и небесными водами. В его власти было напоить землю живительным дождем или наказать засухой, или бурей (Мифы народов Европы и Америки. 82. Боги древних славян).

3. «Царь Змиулан»- в восточнославянской мифологии персонаж, одно из продолжений образа Огненного Змея и Велеса (Мифы народов Европы и Америки. 83. Поединок Перуна с Велесом).

4. «Волохатый»- волосатый. «Волос – волосатый, волохатый; отсюда – волхв – тоже волохатый (может быть, одетый в медвежью шкуру? – Б. Р.). С Волосом связано созвездие Плеяд – Волосынь; сияние Волосынь предвещает удачную охоту на медведя» (Борис Александрович Рыбаков. Книга «Язычество древних славян». Часть третья. Истоки славянской мифологии. Глава седьмая. Рождение богинь и богов).

5. Громовержец- Перун.

6. Лихо- в восточнославянской мифологии персонаж, который олицетворял злую долю, горе, несчастье (Кононенко Алексей Анатольевич. Энциклопедия славянской культуры, письменности и мифологии).

7. Касны- в белорусской мифологии действующие исключительно стаей вампироподобные существа неопределённого облика.

«Касны действуют обязательно группой. Напав на жертву, они присасываются к ней, словно пиявки, и не оставляют, пока не доведут до смерти. Касны пристают к жертве с тем большей силой и злобой, чем больше та сопротивляется. Злоба опьяняет касн» (Н. Я. Никифоровский «Нечистики. Свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе» (482: с. 38-39)).

8. Богиня-Берегиня- «Берегиней наши предки называли богиню, которая берегла их от всякой беды и дарила добро. Со временем так называли в народе женщин, которые берегли и поддерживали домашний очаг, были покровительницами всего рода. Женщина-берегиня стоит у истоков новой жизни, в этом ее божье предназначение, самая главная суть» (В. Супруненко), (Кононенко Алексей Анатольевич. Энциклопедия славянской культуры, письменности и мифологии. Берегини).

Пояснения

В произведении под «Лихом» подразумевается период феодальной раздробленности на Руси.

Действия Лиха: «...хочет, да выворачивается, зазывает, закликает касн», связано с ослаблением государства, повлекшее за собой вторжение врагов.

В образе касн выступает татаро-монгольское нашествие на Русь.

Помощь Берегини отождествляется с началом собирания русских земель.

Победа над каснами отражает события 1480 года- «Великое стояние на реке Угре». Которое символизирует конец монгольского владычества на русской земле.

ОБОРОТ

Татьяна Филатова (Российская Федерация) родилась 23 декабря 1990 года в Ульяновске. Член Союза писателей России, лауреат журнала «Бельские просторы» по итогам 2019 года в номинации «Проза». Участница Всероссийских Съездов молодых литераторов 2018-2019 гг., Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья 2019, 2020 гг. ОГБУК «Ульяновская областная библиотека имени Аксакова». Участник Международного литературного конкурса молодых белорусских и российских литераторов Союзного государства «Мост дружбы» (2020 г.).

Мы открыли дверь из сеней во двор и разом сощурились от света и холода. Было трудно дышать, я закашлялась. Перескочили высокий порог, сбегали вниз с крыльца по обледенелым ступенькам и замерли. Наш двор, хлев, летний загон для кур, поленница, вязанки хвороста – всё было покрыто снегом. Дан толкнул калитку, и мы вышли наружу. Всё, что мог охватить взгляд, было слепяще-белым. Земля исчезла под толстым покровом, из которого высились только чёрные стволы сосен. Сквозь тёмные кроны проступал огненный диск небесного светила. Снег всегда приходил неожиданно, хотя все только его и ждали. Теперь засеянные поля не выморозит стужа.

Дарена натянула материну пуховую шаль с шеи до носа, Меньшой захлопал слезящимися глазами, Милорада рассмеялась, подхватив тонкими пальцами искрящийся снег.

— Ну что? Кто первый до Связи? – звонко кликнула она, пока остальные приходили в себя от неожиданного и забытого за год холода.

— Морозно, – прошептала Дара.

— Мила, может до двора Белавы добежим и назад? – протянул Меньшой.

— Испугался? – засмеялась Мила.

— Ноги замёрзнут.

— А я тебе говорила, отцовы порты надевай!

— Кто бы ему ещё их дал! – одёрнул её Дан.

— А кто хотел на ичетиков примёрзших посмотреть? – всплеснула руками Милорада, – Я что ли? Слышал деда Некраса: сегодня пропустим, потом их Водяной изо льда выручит и к себе на дно утащит, так и не увидим.

— Страшно, – всхлинула Дара и прижала ладони к щекам, которые уже тронул румянец.

— А ты что скажешь, Ясна? – спросил Дан.

Все замолчали и оглянулись на меня. Я подошла к Меньшому, застегнула верхнюю пуговицу да покрепче затянула его ремень. Прошлой ночью первые холодные ветра добрались до наших земель, принесли зимние тучи, и удар мороза сковал Связь, пока снега немного, можно и посмотреть...

— Не бойтесь, – улыбнулась я Даре и Меньшому, – мужики уже прорубь пробили, бабы уже за водой сходили. Дан, возьми его на руки, а то замёрзнет. Помнишь, как он в ту зиму болел? Сбегаем быстренько.

Милорада с хохотом побежала вниз к реке, за ней засемила Дарена в материных башмаках, в которых ноги у неё то и дело разъезжались и цокали о мёрзлую землю, за ней Дан с Меньшим на плече, я последняя. Снег замёл все тропки, которые пришлось протаптывать сызнова. Спуск был крутым, боясь упасть, я остановилась и обернулась на наше селение: на белой горе за высоким бревенчатым градом высились большие дома, резные коньки и петушки над кнесами крыш торчали на фоне серого зимнего неба. Домов столько, что отсюда всех не увидеть, только белые от снега лоскуты – полосы крыш, мелькают за высокими деревьями. Вспомнив о том, что лёд на Связи мог ещё не окрепнуть, я поспешила вниз. Там Дарена и Милорада ощупывали ногами границу реки и берега.

— Ну что там? – крикнула я им издалека.

— Видать крепкий, – неуверенно отозвалась Мила.

— Ты чего стоишь, – крикнула я Дану, – кто тут старший?

— Ты, – скоро ответил он.

Я подошла поближе, осторожно перешла по берегу и наступила в снег, под которым сквозь тонкий кожаный башмак ощутила холодную твердь. Мысленно успокоив себя тем, что в такой холод река не могла не замёрзнуть, я легонько опустила вторую ногу. Лёд выдержал. Провела ногой по снегу, раз, другой. Подо мной открылось речное дно сквозь пласт мёрзлой воды. Ещё зелёные тонкие водоросли так и застыли, был виден светлый речной песок и мелкие камешки. Присела на коленях и рукавицей расчистила снег вокруг себя. По толстому льду причудливыми узорами на разной глубине замерли белые пузыри.

— Дан, принеси мне сосновых веток.

Собрала их в охапку и подметала снег, а под ногами раскрывался тёмный простор застывшей реки. Дан отпустил Меньшого, и все собрались вокруг меня, я же велела им не стоять рядом друг с другом, а разойтись немного поодаль. Чем дальше я шла с веником из сосновых веток, тем больше раскрывались речные дали, темнее и глубже становился мир под нами. Тут и там лёд пересекали извилистые трещины толщиной до самого дна. Были

видны ветки, утопленные на рыбалке рогатины, уплывшее полотнище одежи, узорный гребень торчал на самом дне.

— Ясна, как ты думаешь, Водяной-дедушка на нас не разозлится? – спросила Дара.

— Не разозлится, мы же его не тревожим. Но дальше не пойдём, там Связь уже глубокая и течение быстрое.

— Ой! – вскрикнул Меньшой.

— Что там? – Дан поворотился вокруг себя.

— Гляньте, на дне что-то, – испугано ответил малыш.

Мила была к нему ближе других, но замерла, глядя на меня. Я пошаркала по льду к нему, на дне что-то блестело, отражая свет сквозь толщу льда.

— Это мёртвая рыба замёрзла, бок блестит.

— А не ичетики? – прошептала подошедшая Дара.

Мила засмеялась.

— Нет ичетиков, – протянул Меньшой и звучно хлюпнул носом, – у меня ноги замёрзли.

— Идёмте домой, а то ещё заболеем с непривычки, – я взяла Дару за красные холодные пальцы, – рукавицы натягивай, а то руки ломить будет.

Дан закинул Меньшого на плечо. Пока поднимались на холм, снег повалил хлопьями.

— Ясна, а ты видела ичетиков? Они страшные? – спросил малыш.

— Нет, не видела.

— Ты деда Некраса спроси, он тебе столько страшилок расскажет, – ответил ему Дан. Я услышала скрип шагов слева, круто повернулась, чтобы увидеть идущего.

— Доброго дня, Большаковичи, – звонко окликнула соседка Белавя, – приходите сегодня к нам сумерничать?

— От чего же к вам? Разве ваша очередь? – отозвалась Мила, поднимающаяся снизу.

— Наша, наша, а то чья же! Придётся, Ясна? – Беля остановилась, запыхавшись на морозе, глядела на меня, ожидая ответа от старшей.

— Отчего же не прийти, придём, – кивнула я.

— А Веля позвала? – крикнула Мила.

— Позвала, – улыбнулась девушка.

— А Ждана?

— И его позвала.

— Ну тогда и меня ждите! – засмеялась Мила, побежала со всех ног к Белаве, напрыгнула и с визгом повалила её в снег. Подоспел Дан, оставил мне Меньшого, прыгнул к девушкам. Дара тоже сунулась было к ним, но её только сшибли с ног и засыпали снег заворот, она вернулась ко мне.

Дома я стащила тулупы с Дары и Меньшого, развязала влажные онучи, отряхнула башмаки, помогла им взобраться на высокую лавку у печи, и укрыла отцовым тулупом. Сама подставила старый резной сундук с другой стороны и забралась с ногами, прижалась боком к теплой стене печи и слушала, как дети кутаются и пищат, подсовывая друг дружке под бока холодные ладони. Они ещё маленькие. Дара летом вошла в возраст девушки, до этого звалась Малушей, а у Меньшого только через пять зим имянаречение. Я всех старше, между нами с Милородой три зимы. Я родилась от отца, а она от матери после их первых Ярилок. Меня отдали отцу, когда ему было пятнадцать зим, а мать он взял вместе с Милой, когда женился. Дан старше Милы на одну зиму и родился от материного брата, жена того умерла родами, а сам он замёрз насмерть десять зим назад. Только Дара и Меньшой оба от родителей родились. Это всё нам рассказал дед Некрас, он безногий и живёт с нами вот уже третью зиму, никто не знает точно, чей он по крови. Дед спит на скамье напротив печи, никакой работой не гнушается: лапти, корзины плетёт, черевики шьёт, башмаки на деревянной подошве, и вообще по дереву большой мастер, сделал нам наличники на окна с громовым знаменем, а в эту зиму Дана обещал маски по-своему

научить мастерить, чтоб ряженым ходить. Не из кожи, а из дерева. Для Дана это всё шутки, а дед сказывал, что маски такие должны быть, чтобы навьи за своих приняли.

Скоро праздник начнётся, самая тёмная ночь в году грядёт и тёмное время. Дед Некрас говорит, что в эту пору открываются проходы между нашим миром, оборотным и девятью небесами. Мы празднуем шумно эти священные дни. В печи уже тлел дубовый бадняк, Мила договорилась с Даном на его одежду, чтобы парнем казаться. Козу нашу гурьбой по домам водить будут да всем хозяевам гадать, играть в Кузнеца, в поле слушать, соседей по ночам пугать. Помню, как в том году их выручали, когда им двери дровами, сохами, бородами так завалили, что из дома выйти нельзя. Вся весь гулять будет. Работу побросают, никому не усидеть дома в эту вереницу дней. Даже новожеи в тот год из калиток выглядывали. Свои вроде, а с нами на праздниках не сидят. Приплыли они по Связи два лета назад и жить остались от того, что к нами на торги из-за моря богатые ладьи заплывают и золотом платят. Женщину их Соломея зовут, приехала к нам с мешком морской соли, угощала, от того мы её по-своему Солей зовём, ещё она вышивает тонко золотом, нас научила. Оттого наш отец-Большак и позволил её семье остаться. В половину дома на окраине их поселил. Хочу попросить его, когда вечерничать будем, чтобы он и в этот раз новожеев на наше гуляние пригласил.

Вечера зимой тёмные, но весёлые. Мои сестры и братья еле усидели за столом, дождавшись, когда закончит трапезу отец. Похватили работу без разбора и босяком побежали в сени. Я за ними да слышу в нижней избе громко заблеяли овцы, приплод родился. Хотела спуститься, а в сенях голоса:

— Отчего Ясна осталась? Там женихов много, – прошептала Дара.

— Не знаю, – вполголоса ответила Мила, звеня стеклянными бусами, – Ясне не до того уже, хоть бы вдовец какой взял.

— Зачем ей вдовец?

— Так молодой на другой жениться может. Надо было ей беречь себя, теперь куда такой?

— Ясна хорошая!

— Хорошая-то хорошая, да только мы с тобой замуж не выйдем, пока Ясну не просватают.

— Мне рано замуж.

— А мне?

— Тебя возьмут, ты вон какая.

— Когда? Я сейчас жить хочу!

Я закусил губу, тут ворвался третий голос:

— Кто бы говорил, Мила! Ясна нам что мать, ты бы без неё давно непряхой прослыла.

— Не твоё это дело, Дан, моё приданое считать! – хлопнула дверь, Мила ушла, за ней вышли и остальные, голоса исчезли.

Я замерла у двери, не решаясь войти в пустые сени. Посмотрела на пол, недавно вычищенный матерью скребком. «Сама виновата». Постоянная тьма с левой стороны стала давно привычна мне. Держишь прялку немного правее, да при работе отклоняешься всегда в одну сторону, вот и всё. Но я до сих пор не люблю, когда ко мне кто слева подходит.

— Ясна, а ты чего здесь? – мать подошла сзади и опустила руку на правое плечо.

— Овцы блеяли.

— Посмотрю, иди, – она улыбнулась и прошла вперёд меня в сени. Дверь за ней закрылась. Я поворотилась взять работу. Посмотрела на свою узорчатую прялку да старинное веретено с розовым пряслицем, отложила и взяла рогатину да цветные нити. На рогатине плести пальцы ломит, но узор совсем другой выходит, следить за ним надо, не отвлекаться да смотреть, чтобы нити снизу не запутались. С такой работой не до игр и смеха, бывало Мила днём уйдёт гулять, да до ночи у кого-нибудь засидится, за мной уже не заходят, так я и наловчилась плести. Сижу одна у печи, огонь потрескивает, ветер воет, а я узорничаю.

Толкнула дверь в сени, затем дверь во двор.

Вновь опускалась тьма. С серого неба за лес уходил последний свет и вставала блуждающая Волчья звезда. С высокого крыльца были видны макушки сосен, крыши соседских домов по бокам и белая ледяная гладь прямо. Из-за метели невозможно было понять, где на другом берегу закачивалась земля и начиналось холодное зимнее небо. Я вышла за калитку. Снежинки залепили ресницы, и под ногами вихрями кружила позёмка, поднимая рыхлый снег, в открытых местах столбы снега к вершинам сосен взметались. Просветцы соседних домов были открыты, оттуда жар и печной дым поднимался прямым в серое поднебесье, предрекая холодный день, а многоголосье женское отовсюду льётся. От того тишина ночи, будто, в разные стороны разлетелась, и тьма отпрянула. Кто прядёт, кто вяжет, кто шьёт, за зиму всю семью надо одеть. Там же парни маски строгают да хвалятся у кого страшнее выходит. Жировой дом был недалеко, просторный, почти как наш. Зашла, поклонилась хозяевам, а парни уже скамьи вдоль печи составляют, да горка лучин наколота лежит.

Увидев Елизара, я по привычке перекинула волосы на левую сторону и села к стене. Елизар был из новожеев. Его мать, Соля, сюда привезла и родителей своих. Мы дивились, что отца, мужика в доме, у них не было, только старик-отец и стали помогать. Поначалу Соля их всех кормила, а житом мы помогали. Елизар был ровесником Дана, а работать как он не привык, но вырос и стал ходить с нашими мужиками сеять. Только снег сойдёт, мужики рано на рассвете в поле идут. Раздеваются до нога, а жито в мешке из старых портов несут, так мать Елизару раздеваться не велела. Когда он первый раз шёл, мой отец увидел его в портах и прогнал, сказав, что так всё дело испортит. Ещё сказал, что, если живут они у нас, на нашей земле урожай хотят растить, значит, к нашим законам привыкнуть должны. После стал Елизар раздеваться, но только на время посева. А на Купала и на Ярилки мать до сих пор его в доме запирает.

Рядом со мной села Мила, наколола кудель на прялку и крикнула через лавку Велю:

— Что-то маска твоя на бабу толстую похожа, совсем не страшная!

— Совсем сдурела? Ты где у баб зубы такие видела? – ткнул на длинные стебли брюквы, изображавшие клыки.

— Так ведь не страшно!

— Поглядим, поглядим! Встречу тебя ночью вот и поглядим.

Мила засмеялась, оглянулась на меня, потом на мою работу и будто о своей вспомнила, поправила кудель и прошептала:

— Яшенька, ты на рогатине пояса выплетаешь, а потом всё это братьям да стрыям мужа достанется. Ты бы хоть для них на дощечках плела, а себе на рогатине.

— Мне не жалко, – в ответ отмахнулась, – да вдруг не будет у него братьев да стрьев?

Мила улыбнулась, поднялась со скамьи и пересела прямо на пол к печи.

— Куда ты? – удивилась я.

— Темно там, – на весь дом ответила Мила, – да из лавки какая-то зазубрина больно торчит. Елизар, посмотри?

Я онемела. Чего творит! С Елизаром мы рядом никогда не сидели, общение наше приветствиями только и оканчивалось. Но отчего-то помнила я всё, что про его семью отец дома рассказывал. Как его мать овец стричь не умела, как в первую зиму им одежду всем селением собирали, как Елизар по-нашему говорить не мог. И сейчас смотрел он бычком на всех наших из-под белых бровей, да не со злом. Когда он встал с места, я подвинулась ближе к стене и совсем низко опустила к рогатине. Он не смел отказать Миле, медленно прошёл через всех и пока он приближался, мои пальцы быстро-быстро перебирали разноцветные нити. Елизар молча подошёл к скамье, постоял и ничего не сказал Миле.

— Ну, показалось, значит, – хмыкнула она, – а раз нет ничего, садись. Девки, давайте завтра все с рубашками и иглами придём. Нам Ясна покажет, как хитро она вышивает своими волосами.

— Ой, да, Ясна покажи! Красота-то какая, – подхватила Беляна.

— Мужу будущему какой оберег: рубашка вышита, а в нитях волос жены, – не унималась Мила, – только у тебя, Беля, всё равно так ладно не выйдет, у тебя волос серый, а у Ясны что утренняя заря.

— В кого такие волосы? – вдруг тихо, не перекрывая смех девушек, спросил меня Елизар.

— Говорят, у праматери нашей волосы огненные были, и сама она смелая была и бойкая, что огонь, – я не поднимала голову от плетения, – жена Великого Большака, от них наш род начался.

— Давно это было? – вполголоса спросил Елизар.

— Давно. Отсюда, – я кивнула за дверь, – говорят, всё и пошло, с этого берега Свизии. После пращуров долго у леса жили, потом обратно переселились. От того, что здесь место для торговли бойкое.

— Ещё бают, будто у нас ведунья в роду была, – улыбнулась Мила, подняла брови и глаза округлила на Елизара, – с духами говорила, она нас от леса спасла. Красивая была, загляденье, только в жертву лесу себя принесла. Дочь тогдашнего Большака.

— Какая дочь? Невеста Большака Рослава Мстивоя! Того самого, что отмстил южанам за смерть брата. От него у нас золото появилось, богато жить стали, – недовольно хмыкнул Дан.

— Это у которого три дочери и все Рады? – заинтересовалась Даря.

— Да, и сын Радислав.

— А лес что же? – спросил его Елизар.

— От леса мы сюда переселились.

Все замолчали, слышно было, как трещит смола в сосновых поленьях в печи. Тут дверь распахнулась и с шапкой набок посреди нас возник Вихор и прямо с порога:

— Давайте, ребята, в голосянку играть! Кто не дотянет, того мы за волосы-ы-ы, – зычно крикнул он.

Все мигом встрепенулись, подхватили это «ы-ы», никто не хотел проиграть, а Вихор старался нас рассмешить, хватал девок на руки да кружил по избе, чтобы сбить. Так и начались игры и потехи.

Раскрасневшаяся, из тепла я вышла в ночь. Беля нечаянно села на маску моего брата и отломила ей рог, Дан разозлился, теперь только дед Некрас мог помочь. Веселье пошло, пришлось забрать личину с собой, а то доломают. Я прогулялась по скрипучему снегу к краю холма над Свизью, посмотреть. От снега ночь была не так уж темна, снег перестал, на другом берегу стала различима полоска леса. Зимнее небо не темнее леса, ничто не темнее леса. Поворотилась к жировому дому, подхожу, под ноги упала полоска света, дверь хлопнула. Елизар вышел, остановился и смотрит на меня. Мы поравнялись, я вставала в пол-оборота.

— Домой возвращаешься? – спросила я, перебив молчание.

— Жарко там, – коротко ответил он.

— Где твоя маска?

— Я не делал.

Я это знала, но отчего-то хотелось мне узнать, как новожеи эти весёлые дни проводить будут.

— Почему?

— Нельзя нам ваши праздники встречать, свои есть, – он смотрел на однорогоую личину у меня в руках.

— Отчего же?

— Что вы празднуете в эти дни? – нахмурился Елизар.

— Рождение нового светила, победу света над тьмой. А вы?

— Тоже Рождение... – он потупил взгляд, его смуглая кожа от мороза покрылась красными пятнами и кончик носа заалел.

— Отчего же не праздновать вместе? – я встала напротив него.

— У вас жгут колёса, приносят кровавые жертвы.

— Жертвенных животных приносят богам, в Ирие они расскажут им о нас, — я направила прядь волос на левый глаз и сделала ещё шаг к нему. Отчего-то же он вышел на мороз за мной да весь вечер ненароком касался рукой моего локтя. А когда Вихор меня на руки подхватил — дёрнулся и насторожено наблюдал за нами.

— Во что вы верите? — твёрдо, звонко и горячо спросил он.

— Что ничто не уходит, и колесо жизни вечно. А вы? — моё дыхание на морозе коснулось его лица.

— В жизнь вечную...

Он поднял на меня взгляд, поднёс обе руки к груди со сжатыми в них рукавицами, перешагнул с ноги на ногу и быстро пошёл прочь со двора. Я только обернулась и смотрела, как у следующего дома он перешёл на бег.

Из двери выглянула любопытная Милорада. Постояла немного, огляделась, потом выпрыгнула на крыльцо.

— А Елизар где? — пропела она.

— Дома.

— У себя?

Я кивнула. Мила подошла ко мне, весёлая и смешливая от песен и игр. Обняла, схватила руками, да сжала, что есть мочи. Она была мне по плечо, оттого ей приходилось тянуться. Посмотрела на моё лицо до половины укрытое волосами.

— Ясенка, ты очень красивая, — грустно сказала сестра.

В ответ я молча улыбнулась и наклонилась к ней, прядь волос спустилась с глаза. Мила замерла, затем хотела было поправить прядь, но в последний момент отдёрнула руку и вместо этого погладила меня по плечу, быстро-быстро заговорила:

— Наколелась на ветку, значит боги зачем-то дали это тебе. Ты вон какая, тонкопряха да рукодельница. Найдётся счастье твоё! — неловко улыбнулась и добавила, — воротимся?

— Я устала, домой пойду.

Сколько себя помню, на лице, будто инородное пятно, был белый, ничего не видящий, пустой, мёртвый глаз и тёмный шрам над ним. Шрам со временем посветлел, расправился, теперь еле заметен, а глаз таким и остался. Мать сказывала, как-то летом я в дом забежала, ещё малая совсем, а вместо глаза месиво какое-то. Она меня примочками да мазями, а глаз спасти не получилось. Так и живу. Никто не дразнил меня, даром что ли дочь Большака Гордислава. Я привыкла, но иногда, как подумаю, изнутри что-то поднимается и слёзы сами наворачиваются. Глаз мёртвый, а плачет. Вот и теперь шла до дому, передо мной пелена от слёз, но на морозе плакать нельзя.

Под ногами сетки из теней от веток, месяц взошёл, да тени весь снег располосовали. Глаз глазом, а невеста я порченная, да ещё кожа досталась мне такая бледная и как дотронешься — синяк. Летом особенно заметно. Оттого сложили обо мне селяне будто я тоненькая, да больная. Ничего, что болею поменьше многих. По моим летам уже девкой не ходят, за мужем живут. Два десятка через лето будет, перестала я ждать, что возьмёт кто. Игры играть, на Ярилки бегать за мной поболее, чем за другими идут, да только теперь все те парни уже женились. По малолетству на посиделках меня чурались, сначала жалели, после имянаречения старшие девки собрались мне приданое шить всем миром, говорили, что я не сдую. Я на их работу поглядывала, а как сама собралась вышивать, они за меня то нитку в иглу вставят, то пальцем водят, указуют, куда эту иглу колоть, будто я на оба глаза слепа. Вдруг эта жалость подруг так опостылела мне, что я такой вой им учудила, разогнала всех, а за ночь целую скатерть на красне выткала. С тех пор рукодельничала я одиночкой.

Месяц из-за крон кажется, просветцы соседских домов моргают. Я со всех ног побежала к себе.

Утро разбудило нас бледным светом, небоскат запорошило снегом, а огненное колесо сквозь завесу было перламутровым, как материны бусы. К полудню налетела метель, затем разветрилось. Я сидела на заснеженном холме близь реки в лучах дня и смотрела на свет. Связь превратилась в белое искрящееся поле, только обустроенная прорубь тревожила спящую воду. У меня под ногами птички сплели кружево своих следов на снегу вокруг сухих трав. Я подхватила коромысло, надо принести воды засветло, чтобы не набрать с ней чего недоброго. Пока поила овец да коров в нижней избе, день пошёл на вечер. За загородкой, наваленное большой пушистой кучей, томилось сено. Подошла ближе и запустили пальцы в сухие стебли, замерла от душистого запаха. Травы – это волосы земли, придёт весна и завьются кудри нового лета. Овцы настороженно заблеяли, дверь притворилась. Я подскочила на звук, в темноте не разобрать гостя.

— Прочь! – не удержав страха, крикнула я.

— Я за молоком пришёл.

Елизар робко опустил глаза в пол, в руках – пустой кувшин.

— Ты зачем пугаешь? Как тебя Лютый впустил?

— Меня Мила пригласила, когда узнала, что у нас случилось.

— Случилось? Тсс, – прошипела я и вытолкала его во двор. Пса не было на привязи. Перед лицом замельтешил снег, словно стая мух, которую вдруг спугнули. Опять метель принесло, снежинки жгли разгоряченное лицо.

— У нас корова умерла, – тихо произнес Елизар.

Я смотрела на него молча, но в голове поднялся вихрь недобрых мыслей. Коровы умирают – ничего хорошего не жди, особенно в зиму.

— Ты зачем тогда по дворам-то ходишь? От неразумения?

Елизар насупился и молчал, мне хотелось прогнать его – разносит тут всякое, жалко его было, но свою животину тоже жалко.

— Тебя Мила в дом пригласила? Или молока дать предложила?

Он молчал.

— Вот и нечего ходить. Иди. Я сама принесу.

Отец стоял напротив печи, заломив руки, и смотрел на лик нашего рода, не обернувшись на звук моих шагов. Он уже обо всём знает, он всегда всё узнавал первым.

— Что делать? – спросила, будто вторя его мыслям.

— Опять поможем, не пропадать же им с голоду. У соседей две коровы не едят, не пьют, не доятся. Всё из этих...

Мы переглянулись. Отец был сердит, зашагал, грузно ударяя пятками по полу, поглаживал седую бороду левой рукой, в правой сжимал необструганную рукоять.

— Не было у нас, сколько себя помню! А кто же это привёз? По соседним весям ходило, да до нас не добралась! Мы всегда законы предков соблюдали. На этой земле жили и живём, не уж-то законы наши не чтить здесь? Терпели духи, да всему предел наступает. А коли так, пусть к морю своему возвращаются, давно пора. Вот Связь в воды войдёт, назад их отправим, коли живы будем.

— Отец...

— Ясна, – он повернулся ко мне, недобро блеснули чёрные глаза, – не будем дом этими разговорим чернить.

Коровья смерть пришла? Завозят её приезжие, и бывает она зимой. А если нет? Выручили мы новожеев молоком. А на следующее утро заболела у них Соля.

Я вышла на высокое крыльцо, на утро поглядеть, светом умыться от ночных мороков. Детей наверх попрытали, к отцу мужики со всех домов собрались. Долго сидели, потом спорить начали, мы с матерью прижали к себе младших покрепче, а заснуть всё равно не

смогли. Лежали, всё голоса, шаги, скипы слушали. Мороз всю ночь трещал на крыше, я боялась, что бревна в стенах лопнут, он свистуном свистел, да дубиной оземь бил. Знать совсем округу сковал. Даря с собой нашего кота принесла, укутала, рядом уложила, он смиренно лежал, мурчал, грелся у неё под боком, хотя в другой день выскочил бы из рук.

Теперь настало новое утро, холодное и мглистое, земля озарилась, но день не сулил хороших перемен. Я выдохнула в морозный воздух. Мать возвратилась из нижней избы с огнивом и топором. Поднялась на крыльцо, приобняла меня и с улыбкой сказала:

— Здоровы, едят хорошо. Я их побольше накормила, да как положено живым огнём, да железом обнесла. Дед вот это дал, – разжала ладонь, в которой лежал медный колокольчик, – повеселей будь, Ясенька, обойдётся.

— Всем вместе собраться и прогнать?

Мать вздохнула.

— Кого прогонять-то? Мы не ведаем. Да и кто пойдёт?

Она зашла в дом, собирать трапезничать. Отец надломил хлеб, я смотрела на него, а сама думала о семье Соли. Все их чураются, есть ли у них сегодня на столе добрый хлеб, да не скисшее молоко? Родители не позволят идти к их дому.

— Как быть? – спросила я, выйдя на двор за отцом. Он, накинув толстую медвежью шкуру мехом наружу, понёс кому-то половину барана, зарубленного в первые холода и в зиму висевшего на крючке в нашем погребе. Мы с Даном подходили отрубить мёрзлые куски мяса к трапезе для матери, теперь отец кому-то остатки взял. Держал за толстую ногу, а туша касалась земли.

— Есть надо вдосталь, в тепле быть. К новожеям не ходите.

— Духи рода да помогут.

— Тёмные дни до Коловрата и после, пока Светило не разгорится. Как начнёт набирать обороты новое колесо года, прибавится на лапку – легче будет. Сдюжим.

— А у новожеев что?

— Елизар здоров, а старики Солю выхаживают. Иди в дом.

— А если прогнать?

— Нельзя её больную.

— Не больную. Болезнь.

Отце поднял брови и подошёл ко мне ближе.

— Прогнать-то это по нашим законам. А к ним-то что приклеилось? У нас свои боги, у них свои. Нам их богов тревожить? Мало нам своих бед?

Я кивнула, хоть и не согласна была.

За столом Мила держала замёрзшее лицо над паром, клубившимся от целебного сбора. Она сжала плечи под козьим платком, в полутьме особенно походила на мать. Я подседа к ней и отхлебнула её питьё: терпкий, густой, горьковатый вкус зверобоя, душицы и чабреца обжёт горло.

— Болеть не будем, – еле слышно произнесла Мила, глядя в красный угол. Дед Некрас прошептал:

— Чтобы не болеть, нужно прогнать погань.

— Чего? – сестра вскинула удивленный взгляд.

Я кивнула, дед думал то же, что и я.

— Косы, серпы, молотки, заслонки. По-нашему, – объяснила я.

Сестра подняла брови, на длинных ресница застыли капли пара.

— Мила, ты колядовать хотела. С ряжеными ходить. Соберём всё железо, покричим, да повизжим. Вдруг выбежит. Поймаем, да уьём.

— Ясенька, откуда ты такая смелая? Покуда это игра, я играть рада, а тут другое. Мне страшно.

— К нам не приклеится, – сказала я, знаю точно, потому что вижу.

Мила сощурилась.

— Или из-за Елизара всё? Он коли выживет, то в жёны возьмёт?

— Да коли им выжить!
Она нахмурилась. Дед Некрас одобрительно закричал.
— А отец что? Ты как узнала?
— Я сама видела, хочешь верь, хочешь нет. Помочь надо болезным, зима в разгаре самом. Попробуем, я вперёд всех пойду.
Мила губы сжала, посмотрела на меня, а потом мелко закивала.
— Я скажу подружкам нашим и парням.
— Скажи только, что мы охотимся за кошкой. Кто увидит, что на шум кошка выбежала, и свою в ней не признает, да убьёт её, тому весь год счастье.
— А на самом деле на кого охота?
Я замялась. На болезнь? На злых духов, что в кошку обернутся.
— На Коровью смерть, – кивнул дед Некрас.
Мила вскрикнула и перевела на него перепуганный взгляд.
— Ш-ш, она людям не страшна, на то и Коровья, – сказал он.

То место, куда закатилось светило, горело на горизонте красной полосой. Отец из ушёл да так и не воротился, а мать зерно, дом, затем и всех детей заговаривала. Я тихонько собрала всё железо, что под руку попало, укуталась, выскочила за двор, за мной Мила и Дан. Коровья смерть, говорят, что старуха с крючковатыми пальцами. А что на людей напало, тоже недалеко от неё ушло, человек, что корова. На Коляду каравай рогатые печь надо, рожки. А коровы заболеют в самый праздник...

Подошли парни хохотали, толкали друг друга.
— Личины надевать? – спросил Вель.
— Надевай, отчего же не надеть, ты вон рога какие к ней приладил! – нарочито весело пропела Милорада.
— Так настоящие они! В лесу нашёл! – гоготнул он и прихватил Милу за бок, к себе прижал.
— Куда мы идём? – спросил Вихор.
— Так новожеев же пугать, – усмехнулся мой брат, которого уже подговорила Мила, – погремим у них под окнами.

— А не рано?
— Их попугать никогда не рано!
Мы подобралась близко-близко к дому Елизара. Мила сказала:
— Ребята, давайте в игру сыграем. Кто первый кошку поймает, да прибьёт, тот будет козу по домам водить, а кто с козой, тому больше всех угощений дают.

Все согласились. Заснеженная земля отражала сумрачное небо так, что окружение кажется различимым. Только лес, затеняющий небо, и тени от деревьев оставались чёрными. Я гнала от себя страх, старалась успокоить сбивающееся дыхание, а ребята хохотали и пританцовывали. Окружили дом, Вихор заулюлюкал, и все ударили в свои снасти. Громыхали, что в весенних тучах гром, железо блестело в темноте. Толи от страха, то ли взаправду тени под нашими ногами дрогнули. Я вцепилась в них взглядом, чёрное в ночи расплывается, не разберёшь: ребята пляшут или темнота? Оглянулась на своих: смеются, подпрыгивают, но на снегу другой танец.

— Сестра, посмотри на снег, – сказала я, притянув её за рукав.
— Чего там? – весело ответила Милорада.
— Видишь тени?
— Какие тени ночью?
Я посмотрела на неё и поняла, что Мила ничего не видит.
— Видимо, в глаз что-то попало, – ответила я и отпустила её.
Чёрные полосы извивались по земле, что змеи, в такт ударов молота.
Дверь у новожеев распахнулась.
— Пошли вон! – крикнула нам бабка.

Тени взмыли вверх по земле на пригорок и унеслись в лес. Следом за криком с крыльца слетел Елизар и бросился к нам.

— Мама спит! – выпалил он.

Я продолжала смотреть туда, куда ускользнуло видение, пытаюсь понять взаправду ли это, как тут Вихор во всё горло крикнул:

— Смотри, кошка! – из-за ворот выскочила кошка, морду к лесу поворотила, – ваша?

— Нет, – ответил Елизар.

— Гони её, братцы, бей её! – закричал Вихор, животное бросилось бежать, ряженные поскакали следом. Бабка швырнула им в след кочерыжку.

— У, поганые!

— Так мы же от вас болезнь прогоняем, – ответила ей я.

— С вашим танцами только хуже погань пригоните! – ударила клюкой в дверь и скрылась. Мы остались вдвоём. Елизар обернулся было, но не пошёл в дом.

— Как там? – я кивнула на их половину дома.

Он пожал плечами. На нём был драный овечий полушубок с чужого плеча. Елизар то и дело вытирал нос и глядел себе под ноги. Потерянный, далеко от дома, на чужой земле, без отца, с больной матерью и двумя стариками, да ещё и корова-кормилица умерла. Мне стало его так жаль, всех их, что я не утерпела и обняла его. Раскрыла руки и что есть сил прижала, как брата или как сына, будто стараясь унять его страх. От робости он отворотил лицо, мой нос защекотали его снежно-белые волосы, пахнущие незнаком запахом, укрытые старой валяной шапкой, Елизар не отпрянул, не ушёл. Смирно стоял, опустив руки вдоль тела, поддавшись мне.

— Я завтра приду. Принесу вам хлеба, яиц и молока, – заверила я.

Но не пришлось – чуть зародился день, Елизар сам пришёл. Встал к забору, наш Лютый залаял на него, я выглянула за калитку посмотреть, кто там. Елизар улыбался, смуглое лицо горело румянцем, глаза блестели. Я вновь прикрыла платком свой больной глаз, при свете дня он казался особенно уродливым.

— Лучше ей. Говорит, выздоровеет, – выпалил юноша, не здороваясь, потом закусил губы, коротко оглянулся и добавил, – это ты помогла?

— Не знаю, да и не важно. Главное, мать твоя уже не такая хворая. Подожди здесь.

Я вынесла ему узелок.

На следующий день все готовились к празднику. Наступал Коловорот. С мотком конопляной верёвки я вышла за околицу. Собралась до ближайшего леса за сосновыми лапами, а тут слышу позади шаги. Обернулась – Елизар.

— Ты? – я дёрнула платок на лицо.

— Я за водой ходил, тебя увидел.

— А где вода?

— Отнёс.

Отнёс и меня догнал?

— Как мать?

— По дому ходит, ко двору пока нет.

Я кивнула.

— Ты в лес идёшь?

— За ветками.

Елизар сделал два шага вперёд, я не двигалась.

— Можно мне с тобой?

— Тогда ты вязать и нести сможешь.

Он кивнул. По занесённому снегом лугу мы шли к лесу. Летом здесь косят траву на сено для животины, я вспомнила медовый запах цветов. Слева стояли берёзы, с которых мы на Купала срезаем упруги молодые веточки. Под ногами скрипел снег. Волчье время, в лес с голыми руками заходить нельзя. Прямоком к крайним молодым сосенкам да домой.

— На растопку ветки? – спросил, наконец, Елизар.

— Нет, мы ими дома украшаем.

— Потому что вы лесу поклоняетесь?

Я оторопела.

— Потому что мы празднуем возрождение жизни, коловорот, – я подняла голову, – посмотри на сосны, видишь, они зелены. Они зелены всегда: весной, летом, осенью и зимой. В других деревьях останавливаются соки, они сбрасывают листья, но наш лес живёт. И он даёт жизнь, даже когда сам спит: его шишки кормят лесных зверей, под его кроной они прячутся и переносят зиму. Мы собираем зелёные ветки, приносим их в дом. Жизнь всегда побеждает. А наш лес вечно зелёный, вечно живой...

Высокие кроны были почти на наших головах. Они едва покачивались, укрытые снеговыми шапками. Стволы и зелень казались темнее, чем летом, потому что лес дремал.

— Смотри, что это? – вдруг произнёс Елизар. Я обернулась, куда он указывал и увидела острые рогатые следы на снегу между опавших веточек. Следы были свежие, я невольно пригнулась и огляделась. Впереди в прогале между сосен – коричневое легконогое стадо. Елизар тоже их увидел, удивлённо и восторженно замер. Я пригляделась получше, нет ли рядом волков, но ничего не увидела.

— Срежем ветки и назад. Только срежай по две-три с каждого дерева – не больше, – сказала я, и мы принялись за работу.

Собрали две охапки, перевязали моей верёвкой и потащи домой.

— Что ещё будете делать? – он сбивчиво дышал.

— Страву, каравай и узвар готовить, – я обернулась на него, он пожал плечами, – это каша такая из размоченных житных зёрен, сухих фруктов и мёда. Ей мы поминаем наших ушедших предков, которые в эти дни спускаются к нам. Ещё едим хлеб с рожками, как у коровы, пьём сладкую воду с варёными высушенными фруктами.

Он шёл по правую руку и внимательно меня слушал. Я вдруг добавила:

— Приходи угощаться?

Мы договорились, что он придёт, но только днём, вечером ему нужно быть дома. А вечером самое веселье. Игры, гадания, костры.

На следующее утро все проснулись взволнованные и одновременно радостные. Мила первым делом побежала во двор натирать щёки снегом. Дара заспешила попробовать первый кусочек горячего праздничного караваея, который испекла мать. Меньшой разглядывал подаренную ему в честь праздника дедом Некрасом гладенькую деревянную лошадку, чуть поболее раскрытой ладони. Дан занёс в дом пучок сена, и они с матерью расправляли его на столе. Отец приготавливал дрова и ветки во дворе. А я думала о Елизаре.

На посиделках дивились, что они с Дан ровесники. Наш Дан крупнее, шире и сильнее – мужик почти, а Елизар выше, но тоньше, темнее всех телом, зато волосами всех светлее. Там, откуда он родом, все смуглые. Мать у него тоже такая. Его бабушку и деда я видела только издали – чурались нас. Девки с Елизаром смеются, играют, но не в серьёз. Все знают, что новожеи иноверы, вот никто на него не заглядывается, как на мужа. Как на меня из-за глаза, а теперь уже и из-за лет.

Мать постелила белую льняную скатерть на сено. Поставила всю снедь с горой, и пироги, и баранину, соленья, грибы, что мы той осенью собирали, и густую кашу. Отец благословил нас, да стол, чтобы на следующий год всего было вдоволь и ещё больше. Все радостно принялись угощаться, а мне кусок в горло не идёт.

Сидела за столом и смотрела на белую скатерть. Как ловко в ней переплетались нити. Богини Рожаницы плетут судьбы всех людей. Льняные нити на скатерти сплетались с червлёными, а кое-где и вовсе пропускались, чтобы вышел узор. Станок ткацкий отцу из-за моря привезли на смену нашему, мы стоймя ткали, а теперь сидя: руками заправляли, ногами двигали, быстрее да ладнее выходило. Чужеродное своим стало.

— Ясенька, ты здорова? – спросила мать, взяв меня за руку.

Я кивнула. Когда дошли до стравы и узвара, в дверь постучали.

— Неужто гости, что-то рано, – улыбнулся отец, – Тихомир, поди! В этом году я его позвал к нам первым в дом войти. У него обе девки в тот год замуж вышли, одна уже сына народила.

Когда он отворил, Елизар стоял на пороге. Все удивлённо подняли глаза, я вскрикнула от того, что забыла ему о времени сказать, а дед Некрас засмеялся задорно и протяжно.

После того накормили, как положено, ещё и с собой сложили, мать отправила меня надоить ему кувшин парного молока. Отец всё время был хмурым, но гостеприимным. Тут в дверь опять постучали, зашёл Тихомир и первым делом достатка нам пожелал, да по бадняку кочергой стукнул, чтоб сколько искр, столько детей в нашем роду прибавилось. Его усадили за стол, мы с Елизаром встали, уступив место новому гостю, и пошли в нижнюю избу.

Я помыла руки в кадке и села доить Пятнышко. Густо пахло травами, навозом и тёплом коровьим дыханием. Елизар снял шапку и встал позади меня.

— Вкусные у вас праздники.

Я молча кивнула.

— Мать не знает, что я к вам пошёл.

Это я и так поняла. Было ясно, что его не отпустят на наше празднество.

— Куда столько снеди, – прошептал он, – что дома сказать?

— У нас пир, мы дали. Свежее, не порченное. Мы вам помогаем.

Елизар вздохнул.

— Ты прогнала болезнь материну.

— Не я одна. А может само прошло, так или не так – не узнать.

— Почему ты нам помогла?

Я остановилась, хотела повернуться, но только голову подняла. Утёрла лоб рукавом, посмотрела на сено.

— Много разных цветов, но луг один. Все мы равны. Вокруг нас одна явь.

— Можно я приду посмотреть на костры?

— Можно.

Он забрал кувшин и ушёл.

К полудню гости, взрослые и дети, сновали из дома в дом, так что все перемешались. Встречались в разных по нескольку раз. Мать приготовила целый мешок угощений колядующим, младшие таскали дрова для маленького костра у двора. На голом холме, что над нашей весью, готовили главный костёр. Мы, старшие, втроём потащили туда вязанки веток, а отец целые сани дров. Всё утро сельские тащили туда поленья, да ветки для растопки, да всего было мало для такого большого костра. Множество маленьких разожгут сегодня в эту самую длинную ночь, чтобы помочь свету возродиться, восстать из оборотного мира новорожденным и прогнать духов тьмы.

Запахавшаяся и вспотевшая я первой взобралась на холм и скинула с плеча вязанку. Впереди Свизь искрилась снегом, на другом берегу лес стоял белой стеной, беспросветный небоскат слился с землёй. Мне было тревожно, общее оживление и веселье помогает пережить страх перед этой ночью, но в этот раз я не могла забыть в играх.

Позже в нашем доме собравшиеся играли в колечко, поджидая сумерки. Золотое кольцо Милорады перекачивали по сомкнутым ладоням, нужно было угадать, в какой туче спряталось огненное коло. Рядом с каждым на полу стояла резная из кожи или дерева личина, да ворох одежды.

— *И я золото хороню-хороню,*

Огненное хороню-хороню.

Наше золото пропало,

Оно во темну попало.

Милорада громко и заливисто пела, а Вель хватал её ладони, старался их разжать, она увёртывалась, зажимала ладони между ног, он вставал на колени, наклонялся к ней, так что остальные парни вынуждены были его утихомирить. Я смотрела на неё – румяную и весёлую и думала, что сестра только из-за меня в девках сидит, а наш старый сундук, такой старый, что никто в роду уже и не помнит, откуда он взялся, ей положено отдать, не мне.

С первыми звёздами все нарядились кто кем, схватили мешки для угощений и побежали колядовать. Я хотела пойти с ними, но тут дед Некрас затянул:

*— Гой сед вещун стар Корочун,
Кологод верши яко померши,
А серпом в леса яви кудеса,
Стары зароки короти в сроки,
Влики заветны ведою ведны,
Чтоб стару сбыти, а нову жити!*

А со двора вторили:

*— Мы не сами идём – мы козу ведём!
С правого ушла потекла медовушка,
С левого ушка – хлеба краюшка!
Дайте сала, чтоб коза у вас встала!*

Кричат на разные голоса ряженые, смехом заливаются.

— Ууу, – завыли.

— Опять разгром учудят, – улыбнулась мать, потом посмотрела на меня и добавила, – помяни наших Навьих Дедов.

Подвинула тёплый горшочек со стравой, которая ароматно пахла летним урожаем. Я зачерпнула деревянной ложкой.

— Они ведь по дворам гуляют, надо бы к крыльцу вынести, – сказал дед Некрас и покачал головой.

— Вынеси, Ясна, заодно попроси у них для себя, – мать насторожено смотрела на меня, не зная, расстроилась я или нет от этого напоминания о замужестве, – а ещё отцу отнеси, пусть он там у костра помянет. На огонь посмотри, печаль развеешь, укутайся теплее, там мороз.

Я кивнула.

— Люди в коло встают – боги силу дают! – донеслось до нас. Знать, хоровод водят.

Отец большим костром руководит, а у нас на дворе маленький мать разожжёт. Ветер поднялся, я надела тулуп, хотела мехом наружу, как ряженые, да личины у меня нет, и по домам ходить отчего-то сил не было, надела обычно. Двумя платками повязалась – своим и материным, не замёрзну, а коли замёрзну, вернусь. Намазала лицо жиром, чтобы кожа не обветрила. Костровые зимой сменяются, это на Купалу можно всю ночь гулять, а сейчас мороз. Интересно, придёт Елизар или не посмеет? Пока собиралась – совсем стемнело. Вышла за калитку, небо чистое, разветрилось. Каждый дом в ночи озарялся жёлто-багряным светом костров. Никто не спал, отовсюду раздавались протяжные песни, доносили обрывки разговоров и хохот. Прячась от колядующих, я шагнула в тень забора и тут же невольно отпрянула, выбежав на свет. Повертелась вокруг себя, осматривая всё: не шевелиться ли мрак, не скользят извилистые тени? Но всё было спокойно. Чтобы отогнать страх я направилась к костру. Ночью путь к нему казался дольше, чем днём. Выйдя за околицу я очутилась во кромешной тьме. Есть ли, нет ли этих ночных духов, что изменится? Коли есть, я их увижу, и мы все вместе прогоним их, а коли нет, то и бояться нечего. Я набралась смелости и стала подниматься. Чем ближе свет пламени, тем спокойнее. И вот уже я различала около огня отца, а рядом с ним был ещё кто-то. Подошла ближе и вижу – Елизар стоит. Будто даже о чём-то с отцом разговаривает.

Поздоровалась, жар сразу обнял меня, отгоняя зимнюю стужу.

— Что же ты не колядуешь?

— Захотелось на костёр поглядеть.

— Захотелось, погляди, да пригляди. Смени отца, сосед наш не идёт. Должен заступать после меня, всё жду пожду, а так хоть сам за ним спущусь.

— Пригляжу.

— Я Елизару показал, где дрова, как подбрасывать.

И ушёл, горшочек со стравой у меня остался. Я догадалась, что Елизара отец одного с костром оставлять не хотел. Чужак.

— Не замёрз?

— Здесь тепло.

Я кивнула. Огнём растопило снег вокруг, под ногами было сыро. Длинные поленья стояли домиком, оттого костёр был высокий. Я вздохнула, отошла на несколько шагов назад, посмотрела на небо, мигающее маленькими серебристыми глазами. Елизар молчал, было неловко.

— Летом приходим на этот холм ночью, здесь посередь небоската идёт дорога в Иррей, – он слушал меня, – а вон над лесом Лось. Он с неба не сходит, гуляет, а к Ярилкам в самую верхушку встаёт, прямо над темечком.

— У нас его Возом называют, и у нас осенью он за землёй прячется, – тихо ответил.

— У вас небо другое?

Он кивнул.

— А эти звёзды у вас есть? Вон там три.

— Я уже и не помню.

— Они у нас только зимой бывают. Девичьи Зори.

— Почему так называются?

— В последний день колядования мы выходим по небу свои гадания сверить. Если перед глазами Девичьи Зори встанут, значит все гадания напрасны были, и ещё год в девках ходить.

— И то правда?

— Когда как. Мила в тому году себе жениха нагадала, на Зори глянула и ещё год в девках просидела, и ещё сидеть...

— А ещё отчего?

— Отец вперёд меня запретил.

— А ты?

— Порченная.

— Моя мама говорила...

— Никуда теперь от него не денешься.

— От кого?

— От глаза.

— Глаза? – Елизар потянулся ко мне, – Если бы в этом всё дело!

Я посмотрела на Елизара.

— Ясна, – он первый раз за всё время назвал меня по имени, – для нас это ничто, но вы порченые обрядами вашими. Вам дозволяется то, чего нам не велено!

Его лицо блестело от жара огня.

— Так ведь никто вас в нашу веру не обращает. Мы можем на одной земле жить и чтить обычаи друг друга.

— Как братья и сёстры?

— Как братья и сёстры.

Он замолчал, но будто хотел что-то ещё сказать. Потом быстро подошёл ко мне и протянул руку к моему лицу. Я отпрянула, но он настойчиво шагнул ещё ближе. Ладонями обхватил и убрал платок вместе с прядью волос, обнажив мой уродливый глаз. Сделал это так ловко и уверенно, что я, обомлев, не сопротивлялась.

— Глаз – это не беда, – он приблизил своё лицо и поцеловал. Его губы горячо прильнули к моему веку. Какие-то мгновения мы стояли замерев, затем Елизар выпустил меня. Я открыла рот, но не могла произнести ни звука. Он посмотрел взволновано и решительно. Покачал головой:

— Не беда.

Я застыла. Елизар смотрел на мой глаз, поцеловал его, белый изуродованный, располосанный шрамом без жалости. Не стал уговаривать, утешать, не отпрянул. Ему как будто было всё равно, один у меня глаз или два.

Какой-то дикий порыв, нечаянное желание, толкнуло меня, я схватила его за рукав, другой рукой притянула к себе и быстро поцеловала. На мгновение он замер, испуганно отшатнулся, вывернулся, обогнул меня, прошептал еле слышно: «Так не могу» и сбежал с холма вниз.

Я осталась одна. Тут ноги подкосились, я упала на колени. Непрошенные слёзы подступили к глазам. Старалась заглушить их, но они прорвались, и я закрыла лицо ладонями и завывала, а потом закричала в самый костёр, отчаянно, до хрипоты. Вся затаённая боль всколыхнулась потревоженная, а я не могла её унять. За что мне это проклятье? Мне словно ткнули в самое сердце.

От моего крика огонь взметнулся в самое небо, полыхнул жарким пламенем, рассыпал искры, они взметнулись, влекомые неведомым вихрем, тёмная стена леса вздохнула гулким ветром, разом погасли и вновь зажглись звёзды. Тени, плясавшие вокруг огня, поднялись. Словно стволы чёрного леса выросли вокруг меня. Что это? Злые духи? Они с новожеями пришли или наши? Нас погубить хотят или их? Всматриваюсь во тьму, глаза слезятся от холода и жара, огонь искры сыпет. Тут поднялся ветер, из вязанки дров кинул мне в лицо сухие травинки, принесённые вместе с деревом к костру. Я потёрла глаза, чтобы убрать сор, открыла, а видение исчезло, будто ничего не было. Я вскочила, отряхнулась, бросила в костёр горшочек со травой.

Колени промокли от растаявшего снега. Сколько же длилось видение? Поняла, что не чувствую пальцев на ногах. Посмотрела вокруг – тишина и мрак, только под холмом множеством обрядовых костров светится селение. Тут внизу движение, кто-то поднимался ко мне. Через пару мгновений я разглядела отца, он шёл быстрым широким шагом, вёз что-то большое за собой. Дрова в костёр.

— Встретил Соломею Елизарову мать! – он говорил непривычно громко, – она его искала и к нам пришла. Говорит мне про обоз, слова коверкает, насилу понял. Их родня едет! Двенадцать человек. Строится у нас хотят. Иноверы!

Последнее слово он выговорил как-то особенно, так что оно прогремело у костра и покатилося под холм, разносимое ночной пустотой.

— Позволения моего просит. Гнать их поганой метлой, да с Соломеей, всё их семя! – он кинул в костёр сухую сосновую ветку, иголки охватил огонь, вспрыгнули искры, разлетелись во все стороны.

— Я её за забор, а тут Некрас сидит у нашего огня, да бает, что на юге иноверы эти уже богов наших в реки скидывают! Наших богов! Мы их богов ведать не ведаем, да дурного не помышляем, а они? Выгоню Солю назавтра и не посмотрю, что на юге за ними сила! Да и какой я Большак буду, если дам наших богов чернить?

Я смотрела не на отца, а в костёр. Он пожирал новые поленья и изгибистые ветки, языки извивались и прыгали по ним всё выше и выше, а сами ветки вспыхивали, плакали всполохами смолы, чернели, белели, а затем рассыпались пеплом под ноги, ветер поднимал его с земли и нёс над Связью. Я медленно пошла прочь от костра, так ничего и не ответив отцу. А он будто и не заметил этого, только подбрасывал дрова. Спустилась во тьму и холод. Снег скрипел под ногами, мокрое лицо щипал холодный ветер, я вдыхала его и захлёбывалась, сырые ноги жгло. До меня доносилось всеобщее ночное хоровое пение, свет дрожащих во тьме огней и тонкий колокольный звон.

Подойдя к первому дому я заметила, как ватага ряженных молодцев бежит куда-то со всех ног, во тьме блестят острия вил и кос. Я прибавила шаг, что-то не припомню, чтоб было такое у нас на праздниках. Зашла во двор, там дед Некрас и Дан.

— А вот и Ясна! – сказал дед.

— Что случилось?

— У новожеев беда. Тебе отец не сказывал? Прознали соседи наши, что к Соле родня на пожитье едет, грохот стоял. На кого накиннулись? Баба, малец, да два старика. Вон и соседи наши туда же, да только услышали. Парни-то у них ой горячие. Да навроде опоздали уже.

Я замерла, посмотрела на брата. Тот как ни в чём ни бывало обхватил деда за спину да тихонько поднял, чтоб в дом занести.

— А ты что ж?! – крикнула я на него.

Дан обернулся ко мне и удивленно произнёс:

— И я сейчас пойду. Только деда в дом занесу, он уж замёрз тут сидеть. Как мать к соседям ушла, он всё тут. Сейчас ты нас с ним у костра подменишь.

Я оторопела. Ступени крыльца заскрипели под весом двоих взрослых. И Дан пойдёт? Что же делается!

За забором послышался свист и улюлюканье, в ответ на это грозно и раскатисто залаял Лютый. Да как же это? Куда их? Зимой! Да разве можно всем селением против одной семьи?

Дан ловко перескочил с крыльца да выскочил за калитку. Я на дворе осталась одна, только крики и смех доносились ото всюду, огонь догорал, тьма сгущалась по сторонам. Я посмотрела на затухающее пламя, недалеко от него в поленнице лежали дрова. Недалеко-то недалеко, да надо дойти, чтоб подбросить. А если подбросить, то надо оставаться следить, чтоб дом не загорелся. Снова послышал далёкий крик, только уже невесёлый и как будто женский. Я подскочила к огню, взметнула ногами снег, да прям в него. Пламя зашипело, задымил и потускнело. Я плечом ударила в калитку, выбежала и напрямик к дому Соли.

Тут меня тихо позвал знакомый голос.

— Ясна.

Обернулась и увидела Елизара, он прижался спиной к нашему забору, с угла между ним и толстой сосной так, чтобы оставаться в тени. Я тут же зашипела на него, обернулась во все стороны и юркнула к нему.

— Ты чего здесь? Где мать?

— Мама дверь наспех заколотила да завалила. Они с дедом и бабушкой уехали уже, навстречу нашим. Тебе отец сказал? – он вздохнул, – в темноте ночью их не найдут.

— А ты что ж?

— Конь один, сани одни. Всех не увезёт. Мама хотела остаться, я сказал ей, что знаю лаз в погреб соседнего дома, там и спрячусь.

Я поднесла ладонь ко рту и закусила палец до боли, чтобы не закричать. Конечно, никакого лаза Елизар не знал.

— Так что же ты? А они как же? Куда?

— Их встретят. Наши уже близко.

Он смотрел на меня чужеродными светлыми глазами и от волнения сжимал губы.

— Куда же ты пойдёшь? А если тебя поймают?

Елизар покачал головой. Я взяла его за руку.

— Идём.

Мы выскользнули из тени и забежали к нам во двор. Лютый приподнялся навстречу, но молчал. Потухший огонь блеснул дымящими углями в темноте.

— Иди вниз, я схожу за хлебом.

Елизар послушно спустился в нижнюю избу.

Стараясь не шуметь, второпях собирала в узелок со стола. Как бы не убежал Елизар, как бы не испугался, ведь могла же я позвать отца да брата. Вышла, непослушными ногами спустилась по всходу и оказалась в нашем хлеву, среди овец и сена.

Бледный свет зимней ночи из отворившейся двери столпом упал на него. Елизар не обернулся на звук моих шагов. Я взволнованно громко вздохнула, дверь за мной захлопнулась, замкнув темноту.

— Вот, я принесла кусок каравая, а в кувшине узвар.

Елизар подошёл ко мне.

— Почему ты помогаешь нам? – опять спросил он.

— А почему я не могу этого делать?

Елизар промолчал. Затем подошёл ко мне и обнял. Узвар выплеснулся мне на руки. Я хотела поставить кувшин наземь, но Елизар не отпускал.

— Елизар, я...

— Мама говорит, что есть грех, а вы порченые, – прошептал он, – но разве можно так делить людей, на своих и чужих?

Я не знала, что ответить. В темноте наощупь он поцеловал меня сначала в щёку, потом в губы. Кувшин выскользнул из моей ладони и с треском разбился, я схватилась обеими руками за пояс на полушубке Елизара и дернула узел. Проникла ледяными руками к теплу его тела. От сена пахло прошлым летом, а от Елизара чем-то новым, непривычным, но почему-то мне хотелось пропахнуть этим новым запахом, мой запахом, нашим общим.

Когда по небу растеклись млечные сумерки нового дня, я вышла к околице. Все бушующие и колядующие разбрелись по домам. В холодной синеве на вершине холма плясал огонь. Там всё ещё нёс неусыпную службу мой отец, Великий Большак Гордислав, древнего рода, что с незапамятных времён живёт на этом берегу матери Свизь-реки. Я смотрела на тёмную фигуру отца, и медленно подойдя к подножию холма, начала подниматься вверх. Отец узнал меня издалека и помахал рукой.

— Ты чего какая? – напряжённо спросил он.

Я поравнялась с ним и молчала. Огонь встрепенулся, встретив меня.

— Уехали они все! Сбежали!

Он смотрел на меня в упор. Ничего не ответила, он вздохнул.

— Чего захотели! С нами тягаться! – он усмехнулся в бороду, затем обернулся к нашим домам под холмом, – посмотри на наше селение, на всю округу! Здесь всё наше! Лес, поля, луга, Свизь-матушка! Не ступать здесь боле ноге иновера! Не растить им детей своих на нашей земле!

Я вздрогнула и повернулась к отцу, сжимая руки на животе.

— Иноверы! Откуда только взялись! Не знал я, что доживу до таких времён! Меняется мир, откуда берутся нелюди? Не топтать им нашу землю!

Отец ещё продолжал что-то говорить, указуя перед собой, а я обернулась в противоположную сторону. Там занимался рассвет, на горизонте рождался новый день, его молодой лик поднимался из окровавленных облаков. Такой же, как и мириады рассветов до и после нас.

Я улыбнулась новому дню.

ШЕРСТЯНОЙ ЧЕЛОВЕКЪ

Александр Славников (Российская Федерация) родился в Санкт-Петербурге. 30 лет. Участник Международного литературного конкурса молодых белорусских и российских литераторов Союзного государства «Мост дружбы» (2020 г.).

прежде Я создал джамбавакка...

Я зевнул, и он неожиданно изошёл из Моего рта

Рамаяна, гл.17. кн. I

1. ИЗВЛЕЧЕНИЕ

Пребывал в состоянии небытия, когда меня извлёк чугунный клюв из дупла. Смутно угадал – узнал? – доставшего моё тельце. Се – *Вежденслафт* из северных топей. Судя по запаху. Кольчуга его – листья салата, но не листья. Чешуйки – болотных оттенков, но не из болота. Бутылочное стекло, но не стекло. Отделил клюв от узкого лица, и я узрел мох, вевшийся в тинистую бороду.

- Рече имя шерстяного чловеці!

Не ведаю, что либо, кто это. После побудильник оставил хилые иссохшие плечи мои, уселся на кору. А я огляделся окрест, и душа моя уязвлена стала запустением коры. Болотный мох и бурый лишайник проели трещины ствола. Ключковатый туман не оставлял попыток в ноздри проникнуть. Побудильник вернул лицу зазубренный клюв, и рече: *«Рождень бі от вольхвованія. И волховаты ведошу се словеса: «Се язвено навязжи на нь, да носить е до живота своего. И азъ носить... и до сего дне на себе; сего ради немилостив есть на кровьпролитье».*

Разумеется, не понял, что поведал. По очевидным причинам. Но себя не выдал. Необходимо показать расположенность к собеседнику, но уста иссохли. Склеились. Что будет, если попробую улыбкой одарить? Не треснут ли губы? Не потеряю ли речь? Или уже проспал язык мой? И чем чревато пробуждение?

Вежденслафт хмурился, и гной из уголков глаз пузырился, закипал, мгновенно высыхая на впалых щеках. О, поспешил разубедить в подозрениях. И я...заговорил. По тому, как изменился в лице побудильник мой, понял, каковъ я. О, каковъ я? О – каковъ.

Но суть пробуждения Вежденслафт пояснил в помощи моей прогонять непогоду. Спорно. В плачевном состоянии нахожусь, но побудильника не трогают мои измышления. Играючи закинул моё тельце в суму, продел руки под ремни. Теперь греюсь о спину его. В суме – неизвестные растения, острые, раздражают нюх. Противоречат. Долго же я пребывал в неведении. В отсутствии языка и речи. На дне сумы – тонкие заплесневелые кости. Дотронулся – искрошились.

2. ПОСОЛОНЬ

Речевые затраты с побудильником утомили моё оловянное тело. И даже обернулся сновидением для сознания. Но се – явь. Из затхлой сумы выполз на четвереньках. Вежденслафт – на коленях пред четырёхгранными столбами высотой в 3 сажени; я расширил ноздри и унюхал, из чего высечены столбы. Из серого известняка. На них чётко обозначены 3 яруса. На каждом высечены личины. Столбы венчает круглая шапка колпачком с меховой опушкой. Под шапкой – 4 лица, глазницы без зрачков устремлены в стороны света. Отсвет пламени посреди каменного пола прояснял 12 отсеков на изваяниях. 11 из них наполнены действием, один – пуст. Почему?

Побудильник, читая танец личин, спросил: *«лесна горна женщи́на?»*

Личины – на 4-х изваяниях – разжали губы. Изображённый хоровод обоего пола ожил и закружил по средним ярусам. Тут обратил внимание – на грани нижнего яруса, противопоставленной пустому отсеку, усатый мужчина – на коленях. Держит над собой средний ярус. На 2-х прилегающих гранях нижнего это же изображение – сбоку и обращено коленями к лицевой грани.

Побудильник протянул шуйцу в пламя и спросил: *«се господарь чащобы?»*

И хоровод убыстрил ход. Женщины с кольцами и рогами в руках начали бойко вращаться вокруг оси, усиливая хоровод. Мужчины с коловратами¹ на сорочках, с шестью лучами внутри, повторяли кружение, и огницы на груди разгонялись. Отвёл взор

¹ Солярный знак славянского извода

установить, что ещё находится в дупле Древа, в коем пребываем, но в глазах мигали и блистали посолонь.

3. ТОЛМАЧИЦА

Пришед в себя, обнаружил нас на берегу водоёма, чьи края застилала вата тумана – жёваная, лоскутная, вихрастая. Почуввав нарастающую радость, протянул десницу за камешками. Но болотный мох и багровый лишайник оплели песчаник и валуны. Обугленные полуразрушенные стволы храма сиротливо уходили в шаль тумана. По левую сторону от побудильника на плоской известняковой столешнице – простоволосая баба в холщовой накидке. В ошейнике из червонных камней. Подмигнула правым голубым. Расплылся в улыбке. Подмигнула левым зелёным. Вздрыгнул. Смутился. Уставился на Вежденслафта.

- Не мешай ему, - остерегла женщина, и камешки в ошейнике стукнулись друг с другом, - Не этовайся. Пусть готовится к Комоедице².

- Почему весь берег во мхе и лишайнике?

- Проникает скверна, - согнула несоразмерно широкие кисти, как водяная крыса, как хорёк, как...

- А ты какова? – встревожился я.

- Ну в помощь вам..., - голубой глаз скосил влево, а зелёный – вправо. – Так что не этовайся.

- В помощь чему?

Зелёный с прищуром уставился на меня.

- Ну как же. Найти шерстяного человека. Положить конец мору на Яворе³, - ощерила редкие зубцы, сплюнула чернила на мох.

- А почему тебя понимаю, а его – нет? – ткнул в окаменевшего Вежденслафта.

- Спать меньше надо. И – этоваться. Живот проспшишь.

- А как звать мне тебя?

- А что делаю?

- Толмачишь...

- Ну вот толмачицей буду. Так что – не этовайся.

- А чего у тебя глаза 2-х цветов?

- 2 языка – 2 перевода.

- А в чём у нас надоба к шерстяному человеку? Почему не кличем?

- Не знает никто. Шерстяной человек обнаружит своё имя, и скверна падёт, - как следует зевнула, и яблоки вылупились из глазниц.

- А почему никому не ведомо имя шерстяного человека?

- Ежели услышишь, как произносят имя шерстяного человека, то обязательно нагрнет. Поэтому величают «большим стариком», «старшим братом». Во времена, когда Создатель сходил на землю, а Ирий⁴ и камни не хворали мхом, рожениц и невест показывали шерстяному человеку. Ежели тот отводил взор и не ревел, значит, дева – чиста.

Вежденслафт подоспел в своё тело. Лепнина начала крошиться и с треском откалывалась от побудильника. Помогли освободиться от корки, от скорлупы. До заката растёрли стопы Вежденслафту. После совершили омовение в озере. Помолились.

4. ВОЛОТЬ

Заутро толмачица растормошила. Почудилось – туман ещё гуще. Хилые лучи едва пробивали нависшую над озером скверну. Глаза толмачицы беспокойно вращались; мы

² древнейший слав. праздник

³ одно из названий Мирового Древа в представлении др. славян

⁴ одновременно название для Мирового Древа и для Рая

растёрли стопы Вежденслафту. Совершили омовение. Помолились. За ночь побудильник вырезал из тиса плоскодонный ушкуй⁵ и вёсла. Вежденслафт покачал чугунным шлемом, расчёсывая отстёгнутым клювом слежавшуюся бороду. Дабы не перевешивать край, побудильник занял середину, уравновесив нас. Толмачица проявила рвение к носу. Из-под подола извлекла буквицу М с плавными перегибами. Горб, казавшийся горбом, ничто иное как тул⁶ под холщовой накидкой. Видимо, Вежденслафт умыслил толмачицу натянуть тетиву буквицы. Извлекла из тула тонкие стержни. Расширил ноздри и учуял, что сбиты из 4-х планок рыбьим клеем. По наконечнику узнал северги⁷. Застрельщица окунула севергу в рот. Извлекла уже обмазанной масляными чернилами. Прицелилась в наиболее тёмные злокачественные уплотнения тумана. Северга не вернулась. Побудильник убедил толмачицу не пустопрожнить стержни.

Через-долго под нависшей колючей ватой уткнулись в осклизлый вал, покрытый письменами. Волны вымыли буквицы, и толмачица не прочла. Прислушался – не учуял ни звука, ни запаха. Побудильник вопросительно глянул, я пожал плечами. Потому Вежденслафт принял решение посадить нас на плечи. Уцепились за край. Подтянулись. Он перешагнул вал. Схватились за выпирающие кольца кольчуги. Затем бережно опустил меня и толмачицу на бугристую площадку, переходящую в мощённый пол. Взору – на две сажени. Три правые ноги шагнули в скверну.

Наконец пробрались к площади со строением из тиса. Учужал – довольно давнее. Древесина отяжелела, пропиталась маслами. Благоухала аиром. Изящная работа... Вежденслафт проглотил отравленный воздух и через чугунный клюв разогнал нависшие клочки тумана пред храмом. Внешняя стена дарила нашему совместному взору подробную резьбу с личинами. Но перед входом чуть не запнулись о копьё, упёршиеся в почву плоскими наконечниками. Третье поперёк объединяло два. Древки истлели. Предложил снести, но толмачица испепеляюще зыркнула. После недолгих препирательств побудильник перекинул нас через копьё. Но сам не пролез.

Внутри встретил двор с 2-мя ограждениями. Внешнее, продолжающее стены, чрезвычайно отвлекало глаз червонной кровлей. Особенно левый глаз спутницы. Бедняга совсем растерялась. Внутреннее ограждение столешницей навалилось на 4 известняковых ствола. Нечастый переплёт балок – мост между 2-мя ограждениями.

Всё-таки достигли конца двора, где под навесом – волоть о четырёх головах на четырёх выях в потолок упирается 2-мя головами – со стороны груди и со спины 2-мя. Выразили почтение. И впереди, и позади голова вправо, другая влево глядит. Бороды сгущаются к низу. В деснице – рог, облепленный балангусом, искряком и бурмитским зерном. Расширил ноздри и учужал питье в роге. Тирош?⁸ Почти уверен. Значит, недавно был кто. Шуйца буквицей С упирается в бок волота. Риза ниспадает до голеней. Ноги уходят в почву. Толмачица ткнула меня под ребро, указав пожертвовать бачмаги волоту. Пожертвовал.

Рёв Вежденслафта огласил туман. И мы разом рухнули! Голос из-под изваяния запричитал: *«взьми оу господьни сигати монжі придаху»*. И тут я обратил внимание на решётку у подножья волота. Почти заросшую. Сокрытую. Толмачица уже поднимала край. Пнула мя в яму. Прыгнула на мя.

Во мраке ладонь зажала уста мои, приказах молчать. И тут услышал наказ над землёй: *«Послати новии коні. Нарендите же монжъ вьложите же рьзане»*. У голеней волота притаилось безусое лицо – бледное, иссохшее – рече толмачице моей: *«жено, не убояшисен сен зело мньжества вои, помозі ми»*. Обладатель лица поклонился, насколько возможно в стеснённых условиях. Продолжили речь обоюдную, а я разглядывал мощные голени волота, уходящие в почву. Насколько уходят и куда?

⁵ большая парусная ладья особого типа

⁶ определённый вид колчана

⁷ особый вид стрел

⁸ Свежий виноградный сок особого сорта

Когда убедились, что приходящие покинули нас, осторожно выкарабкались из ямы, встав на спину друг другу, затем протянув десницу томящемуся внизу. Нюхом уловил – рог в деснице волота наполнен до краёв. И невольно содрогнулся, каким ростом надо обладать, дабы дотянуться?

Кинулись к Вежденслафту распростертому у входа во храм, стонущему. Не подпускал никого, пока толмачица не приласкала, бороду расчесав. Сбито и яростно побудильник рек, как внезапной силой повален был. А кто напал, неизвестно, и зрение друг потерял тут же. Тогда наш новый речевик, а назвался он Мехеодом, предложил попробовать исцелить глаза Вежденслафта на другом конце острова.

Теперь пробирались вслепую в прямом смысле, держась за вал. В пути Мехеод утолил моё любопытство – при помощи дара толмачицы – касаемо стражей, кои, по его словам: *«ужасе смертномъ прищедъ за любымъ. А лице у нихъ ружь и чорень»*.

Пока юноша балакал, а он – юноша по развитию телесному, рассмотрел его горькую тощую спину и сжалился. На вопрос, как попал в яму, Мехеод зарыдал. И больше не стали терзать уточнениями. Между прочим, три копыя перед входом во храм – для коня белой масти, принадлежащего волоту. Имя коего парень отказался произносить. Притом лицо его ко страху ушло. А когда узнал, что имя шерстяного человека ищем, чуть не бежал. Но толмачица приласкала юношу. Оказалось, коня давно не видели на острове. Вырвать волосок из гривы или хвоста – нечестие и несчастье. В последний раз на нём почти не осталось растительности. После островитяне пропадать начали, и туман бысть.

5. ПЯТИЛИКИЙ

Наконец доползли. Почти ничком до противоположного конца острова; туман исхитрялся покусывать нас. Забирался в ноздри, в рот. В карманы. Возможно, Вежденслафт слишком много вобрал его ошмётки, потому ослеп. Трудно сказать. Делать выводы – не мой конь.

Побудильник держался за меня, я – за толмачицу, она – за Мехеода. Храм – укреплённая крепость с внутренним подвором. Не смог учуять, из какого дерева сооружён, ибо туман дар заглушает.

Проём – слишком мал, потому буквально втащили побудильника. Внутри ожидал пятилицый. Личины жили на одном черепе. Тогда Мехеод подошёл к Вежденслафту и прошептал. Побудильник запустил правую лапищу под подол толмачице, извлекая окрашенные пальцы. Женщина дёрнулась, но стерпела. Мехеод подвёл его к пятилицому. Встав на цыпочки, даже Вежденслафт едва достигал одного из подбородков. Побудильник обмазал уста каждой личины.

Личина, невидяще смотрящая в нашу сторону, разверзла тонкие известняковые уста, и Мехеод попросился на руки Вежденслафту. После чего тот поднял парня к разинутому рту. Юноша извлёк чёрную дощечку. И, протянув ослепшему, видимо, попросил прочитать пальцами. После чего побудильник воскликнув «знамо!», произнёс исцарапанное на дощечке.

И балка над головой пятилицого треснула. Низкий гул прошёлся под сводами храма. Оставшиеся 4 личины разинули пасти, оглашая подвор умерщвляющим рыком. Вежденслафт уронил юношу о выступ кладки виском. Пятилицый оборачивался пятимордым. Шерсть прожорливо покрывала тулово. Не понимая происходящего, Вежденслафт вертел чугунным шлемом; я закричал: «Уйди!». Но Вежденслафт не разумел моё слово.

На задних лапах пятимордый сошёл с возвышения. Когтистой правой сбил чугунный шлем Вежденслафта, а левой разорвал горло. Толмачица завизжала: «Быстрее! Возьми дощечку и прочитай наоборот!» И я подбежал к известняковому возвышению, подобрал дощечку, и произнёс задом наперёд. Глухой удар по спине вернул меня в небытие.

6. ПОСЛЕДНИЙ ЯЗЫК

Пребывал в состоянии небытия, когда меня извлёк подол. Смутно угадал – узнал? – спасшую моё тельце. Се – толмачица из северных топей. Судя по запаху. Голубой глаз лучился. Радовался моему спасению. Зелёный косил. Гноился. Суставы ныли. Сел на лишайный камень. Туман – ещё непрогляднее. Ещё ниже. Запах водорослей дразнит нюх.

- Ну? – выдохнула толмачица, - Жив небось.

- Надо шлем и клюв предать погребению.

- Ну уж сиди. Не этовайся ☺.

И толмачица удалилась. Через-долго заперезживал и вослед пустился. Туман нырял в уши. Но я дошел до храма. Под обломками покоилась десница Вежденслафта. Расширил ноздри, учуяв запёкшуюся месячную кровь. Запах разил из канавы, огороженной насыпью. Спустился.

В трясине, неестественно запрокинув голову, застыла толмачица. Камушки в ошейнике перестукивались на ветру. В раскученном рту – искореженные зубы.

Язык отсутствовал.

Зелёный глаз закатился, а голубой уставился в ниспадающий туман.

- Ну что, этоваться, небось, пришел? – раздался голос толмачицы надо мной.

- Как... как ты...

- Зато теперь и побалакать сможем – на твоём – языке, - Мехеод снял чугунный шлем.

Русые жидкие волосы заиграли на ветру.

- змей!

- Ну, - ухмыльнулся Мехеод, - Чего меня так кличишь? аспид и валилиск у корней кольцами вьётся. А вы даже и середины Древа не прошли.

я огляделся в поисках камня или копья. Но по бокам возвышался только песчаник.

- Это ты вырвал язык?

- Он ей больше не нужен, - пожал узкими подростковыми плечами Мехеод, - Зато друг друга понимать начали, - он жеманно откинул мокрую прядь со лба. – Язык ведь для понимания дан. Для душевных разговоров, - с вождением оглядел мои уста, облизнувшись.

Присел на подвижный откос канавы, делая вид, что оплакиваю толмачицу.

- Оцени приобретение, - Мехеод снял со спины внушительную суму Вежденслафта, покрывавшую всю спину парня. – Какой толстенький! - извлёк внушительный распухший язык.

- червь! – я топнул по зыбкому берегу, чуть не грохнувшись в трясину.

- Кажется уведомил ты, что червь, и аспид, и василиск у подножья Древа, - серые раскосые глаза Мехеода подёрнулись туманом. Откинул слежавшиеся волосы со лба.

я огрызнулся: «И что хочешь от мя?»

- Как что? – юноша надкусил корень языка, и капли очернили льняную рубаху, - Имя... шерстяного человека.

- Чего???

- Дуже прочёл, и даже наоборот.

- Не помню, - буркнул я.

Верхняя часть туловища толмачицы уже погрузилась в трясину.

- ...лжешь...а значит, используешь язык не по назначению, - Мехеод свернул оставшуюся плоть, утрамбовал в суму, - Оставлю на ужин. Хотя... с этим душным туманом не разумеешь весьма, то ли ночь, то ли день.

- Не помню! Сказал же!

- Время капищ уходит, - тоскливо улыбнулся юноша, - Тонет. Оседают; поганый туман проник во все дупла нашего Древа... Пробовал конский язык? – парень оживился, - Местные всё гадали, куда лошадка при храме делась. Но ничего, мы просто не будем этоваться.

Языцев на Древе аще буді. Таки? – подмигнул, надевая чугунный шлем, - Негоже противиться. Ещё напишешь мне...имя шерстяного чловеці.

Мехеод начал спуск с насыпи. Ледяные голени толмачицы продолжали погружение. Но я успел просунуть руку под подол. Нащупав сверигу, дёрнул на себя. Чугунный клюв пробил мою правую щёку, когда я проткнул язык Мехеода стрелой толмачицы.

Потерянный взгляд юноши досадливо, непонимающе вьелся в глаза противника. Догадался, кто я. Липкая топь лизнула мой затылок. Не думал, что Мехеод так грузен. Особенно ввиду его пристрастий. Зато он познал много языков.

5.06 – 09.06.2020

Девуца Мира

Кучук Полина (Республика Беларусь) родилась г. Минске. 26 лет. Фрилансер, переводчик, копирайтер. Переводчик с английского, французского и польского. Высшее образование БГУ ФМО по специальности «специалист по международным отношениям/переводчик-референт». Лауреат первой степени фонетического конкурса в рамках «La France en Biélorussie» в номинации «Поэтический перевод» (2015), лауреат («Золотая сотня») Международного фестиваля «Всемирный день поэзии» (2018), лауреат («Топ-10» по г. Минску) Международного фестиваля «Всемирный день поэзии» (2019). Финалист Фестиваля молодых поэтов «Мцыри» (2018), финалист «Бегущей строфы – 2018», финалист экспресс-марафона С. Даниловой «Ты SMMожешь! 1.0» по продвижению творчества в сети (2018). Участник проекта Стефании Даниловой «стихи, какими они должны быть». Автор поэтического сборника «Meine gefallene Stadt» («Мой павший город»)/ «Lokis song» («Песнь Локи»). Ее стихи входят в два альманаха «Сфера притяжения» (2016 и 2017 гг.). Сетевой автор, публикуется преимущественно на интернет-ресурсах. Участник Международного литературного конкурса молодых белорусских и российских литераторов Союзного государства «Мост дружбы» (2020 г.).

Здесь о том, что снег пахнет апельсинами, а зима - ночь, одна долгая ночь.

Снег пахнет апельсинами. Их привозят из дальних стран в огромных ящиках, и высыпают прямо на дощатый пол. Апельсины с громким стуком ударяются о необтесанные доски и катятся, катятся под ноги оранжевыми мячами.

Фонари похожи на апельсины. Зимой их зажигают в послеобеденных сумерках. Спелые и сочные, светятся они на холоде: так солнце восходит над дальними берегами. Высятся там зеленые леса, и в прохладной глубине, укрытые мягкими листьями, зреют апельсины. Золотые плоды в венках белоснежных цветов. Флердоранж цвета снега. Фонари укрыты снегопадом, аллея посреди зимней стужи. Ветер сорвет цветы и подарит своей невесте. Поутру она найдет их на своей подушке и улыбнется, а над спящим городом небо заалет проблеском зари.

Дождливый человек покидает город с первыми заморозками. Когда иней на рассвете не тает, он собирает с карнизов последние капли и уходит. Переждать холода, а куда – не знает никто. Дождливый человек вернется по весне, с первой грозой. И кто-то из всего города непременно позабудет закрыть окно. Когда гроза закончится, в его доме станет свежо и тихо, как бывает лишь после большого дождя. На полу останутся мокрые следы, уводящие к распахнутому окну. С возвращением, Дождливый человек.

Город спит. Зимой город засыпает рано, гасит свет в окнах. Сны прячутся за тяжелыми шторами, качаются в гамаках-складках бархата и шелка, им тепло и уютно. Сны пахнут корицей из лавки продавца пряностей, той, что на углу улицы со старыми плитами вместо асфальта. Темнота дремлет у стен, подушка мягка, одеяло защитит от страстей дневных. Не следует по ночам выходить за порог, великая тьма окутывает улицы. Потеряется крошечный огонек свечи, как светлячок над болотами. Ветер ласкает снег, и роняют белые лепестки фонари-апельсины.

Время исчезает с наступлением сумерек. Нужно поспешить, еще немного, и оно исчезнет совсем. Она приходит, когда захочет, не следует заставляя ее ждать. Вдруг она не придет больше. Тогда время остановится, станет бесконечностью, и когда погаснут фонари и наступит серое утро, в стенах дома навсегда поселится долгая зимняя ночь.

В доме темно и тепло. В глубине что-то негромко и уютно потрескивает. Поскрипывают доски на чердаке, если закрыть глаза, можно представить кошек. Пушистые, теплые кошки легко касаются досок мягкими лапами. Розовые подушечки утопают в трухе и старых опилках, пыль поднимается вверх, и кошки чихают, облизывают влажные, холодные носы. Задевают хвостами балки, находят место потеплее и сворачиваются в клубок. Слышится из темных чердачных углов мерное мурлыканье, кошки засыпают, и чихать им на ветер, гуляющий по крыше.

Зажечь свет, тени разбегаются от порога. В темноте безопаснее: бояться нечего, но древнее и глубинное требует скрыться в сумерках. Свет резок и беспощаден, темнота мягка и милосердна. Кто открыл эту истину и когда? Разве весной, в пору первых гроз и мокрых следов в опустевшем доме.

Ей нравятся сумерки. Она как лунный свет, нежный и молчаливый. Появится после того, как зажгутся фонари, и исчезнет до рассвета. Ускользнет лунным лучом, и не поймать, не догнать, не стоит и пытаться. А следующей ночью придет снова, приоткроет незапертую дверь и войдет в дом. Сбросит плащ, слишком холодный для снежных зим. Стряхнет снежинки с ворота, она не знает — фонари-апельсины усыпали его лепестками флердоранжа. Они тают на полу, исходя чудным ароматом. Она пройдет в середину комнаты и посмотрит на окно, занавешенное шторами. Сны еще дремлют в складках, не беспокойся, они нас не потревожат. Поправит волосы, прикоснется холодными пальцами к щекам, чуть порозовевшим на морозе. Сложит ладони и поднесет к губам, согреет дыханием. У нее прохладные руки, странно, они никогда не бывают теплыми. Как лунный свет.

Мира. Девица Мира, кто ты и откуда пришла, из каких дальних стран и далеких земель? Какой корабль привез тебя в спящий под снегом город, как нашла ты дом, если метель заметала следы? Черны паруса твоего корабля и несут они горестные вести, белы, как символ победы, или пурпурны, окрашены соком цветов ветвистого дуба*? Все равно, оставайся, корабль Тесея**, прибитый штормами к заснеженному берегу. Пока спит уставший за день город, мы станем говорить и молчать, смотреть и слушать.

Сегодня ты позже, чем обычно. Но неважно, времени для нас нет, время осталось там, за догоревшей чертой раннего заката. Я бы и сам согрел твои руки, но ты не позволишь. Шторы прикрыты неплотно, свет фонарей разрезают тени. На полу апельсиновые дольки. Если присмотреться, в одной из них видны косточки. Всего лишь гвозди в досках? Вздор, ты никогда так не скажешь. Ты не знаешь про фонари-апельсины, но промолчишь. Когда-нибудь я расскажу тебе о них, и покажу цветы флердоранжа, что ты так безжалостно стряхиваешь с ворота плаща. Я закрою шторы плотнее и зажгу пару свечей. Я так и не спросил, почему ты боишься света. Все равно, ты права, так гласит древнее и глубинное — темнота мягка и милосердна.

—Мне кажется, я опоздала.

Ты совершила свой обычный маленький ритуал, и как всегда, ни слова приветствия. Ты и не прощаешься, будто и не уходишь. Одна большая встреча, прерываемая лишь дневными часами. Забираешься в кресло напротив, прямо с ногами, сбросив изящные ботинки. Тебе не холодно в них там, за пределами стен? У тебя на лице легкая озабоченность, забавно и мило.

—Не беспокойся. Мне не пришлось ждать долго.

Я буду ждать тебя всю ночь, если понадобится.

—Ты знаешь, зимой город такой маленький. Мирный и беззащитный. Я никогда не была за городом. Иногда мне кажется, там ничего нет. Закончится улица и асфальт оборвется в пустоту. Представь, какво стоять и заглядывать за край мира.

—Зачем? Лучше представь, что мы живем в стеклянном шаре. Я видел такой в витрине антикварной лавки. Внутри дом и белые кусочки бумаги, перевернешь, встряхнешь, снова перевернешь – и внутри шара снегопад. Вдруг весь наш город – лишь игрушка. Мы придем в конец последней улицы и увидим стену из стекла, светлую и непрозрачную.

—Снег идет.

Шторы прикрыты, откуда ты знаешь, что творится за окнами? Но в твоем голосе столько уверенности, что я не могу усомниться.

—Наш шар встряхнули. Кто-то снял его с витрины, хочет купить или просто позабавится и поставит на место.

—Неправда!

Ты смеешься, негромко, так звенят колокольчики под лунным светом. Тебе нравятся мои фантазии. Ты готова поверить, хотя делаешь вид, что не желаешь слушать.

—Что ты делал днем?

Обхватила колени руками, наклонилась вперед – само внимание.

—Бродил по городу. Думал. Смотрел. Зимой как никогда хочется мечтать. Продавец пряностей закрывает лавку с первыми зимними холодами. Уезжает в дальние страны, за своим товаром. Представь только, мы сидим и разговариваем, а он пересекает пустыню. Песок поет вечерами, миражи в воздухе, а его ведет дивный аромат пряностей. А лавка антиквара открыта. Она открыта весь год. Мне кажется, вещи там появляются сами по себе. Состарятся в пыльных кладовых, уснут долгим вечером, а проснутся уже в лавке.

—Там ты видел стеклянный шар?

—Верно. Следующий раз я куплю его и поставлю на каминную полку. Летом, в самый жаркий полдень, когда в воздухе запахнет плавленым асфальтом, я встряхну шар, и снегопад накроет город. А еще я хочу завести кошку.

—Мне нравятся кошки.

Откидываешься на спинку кресла и потягиваешься. В редкие минуты ты сама похожа на маленького лунного котенка. Забавно, днем солнечные зайцы скользят по стенам, а ночью в моем кресле дремлет лунный котенок.

—Мягкую и пушистую, с мордой доброй и немного лукавой. Днем она станет спать, иногда просыпаясь, чтобы поесть. А вечером сворачиваться в клубок у меня на коленях и мурлыкать. Щуриться от огня и облизывать нос маленьким розовым язычком.

—Тогда я принесу ей клубок шерстяных ниток. И мы поиграем, она позволит себя гладить и чесать за ушком.

Ты улыбаешься, и неясно, всерьез ты или смеешься. Хочешь, расскажу о кошках на моем чердаке? Они уже уснули, приходи пораньше, и услышишь шаги их мягких лапок.

Ты молчишь, больше разговаривать мы не станем. Все, что нужно, сказано. Сны в складках штор зашевелились, их время близится. Ты зеваешь, еще немного – и уснешь. Я оставлю тебя в кресле и уйду к себе, а утром тебя не будет. Я не знаю, когда ты уходишь, наверняка с рассветом. В час, когда ветер приносит своей невесте венок из флердоранжа, и она улыбается, выпуская в небо алый отсвет зари. Ты уходишь бесшумно, тихо прикрыв дверь. Идешь мимо фонарей, и апельсины роняют тебе на плечи белоснежные лепестки. Пойдет метель, укроет твои следы, и покажется, что в городе нет ни единого человека. Все исчезли прямо из теплых домов в одну долгую зимнюю ночь. Девица Мира, что ты и откуда, зачем приходишь ко мне, ничего не требуя взамен? Кто дал тебе имя, какие паруса подняты на твоём корабле? Шторм прибил тебя к спящему под снегом городу. Море заледенело, и тебе не уплыть. Ожидать тебе в нашей гавани, пока льды растают, а там, кто знает, вдруг ты захочешь остаться.

Никс вышел из дому и посмотрел под ноги. Так и есть, дорожка к крыльцу замерзла. Никс почистил ее вчера, а за ночь остатки снега покрылись тонкой ледяной коркой. Полдень. Бледное солнце скоро склонится к закату. Всего пару часов, и серые сумерки спустятся на город. Разольются по узким улицам, окутают фонари на перекрестках. Зима –

ночь, одна долгая ночь, прерываемая редкими часами света. Время сна. Зимой ничего не происходит. То, что случается за окнами – остается за окнами. Никса не касается. Лабиринт улиц застывает, и некуда спешить за полночь вслед за коротким стуком.

Холодно. Надеть перчатки, пока кончики пальцев не потеряли чувствительность. Неприятное покалывание и волна тепла. Хайгер говорит, что руки лучше всего греть о стекло бокала. Или чашку кофе. Что бы он предпочел зимним вечером? Хайгер не любит ходить в гости зимой. Застать его на улице – редкость. Зимой Хайгер неуловим не меньше тварей ночных. Жаль. С ним хорошо молчать. Молчать можно и в одиночестве, но у разделенной тишины совсем иной вкус.

Лед на дорожке шероховатый, тускло блестит под солнцем. Если пойдет снег, дорожку заметет снова. Снегопады каждую ночь. За окнами в темноте медленно падают крупные белые хлопья. Прислушаться, и можно расслышать легкий, почти неуловимый шорох. Снежинки касаются заснеженной земли. Скоро город заметет по самые крыши. А он не проснется. Он смирится с белым пленом, убаюканный нескончаемой колыбельной. Сумерки ласкают фонарный свет, и не видно снегам ни конца и ни края. Зимой негоже вспоминать о весне.

Зимой на улицах мало людей. Тихо, только снег поскрипывает под ногами. Лавка продавца пряностей закрыта. Как всегда, он вернется весной, пропитанный солнцем и диковинными ароматами. На его улице вместо асфальта старые плиты. А дальше антикварная лавка, она открыта весь год. Никто не знает, откуда в ней появляются вещи. Хозяин лавки чует их, запертых в тесных кладовых домов? Они находятся сами, появляются из ниоткуда прямо в куче хлама? Ночь, долгая ночь, что творится в ней – неведомо.

Хайгер?

Продавец пряностей, лавка антиквара. Вот шар, стоит на витрине, как и вечность назад. Отражается в нем полуденное солнце, ласкает выпавший снег. Шар некому встряхнуть, стекло тоскует по теплым рукам. Подожди, город. У той, кому ты предназначен, руки нежны и прохладны, легки ее прикосновения, как снежинки в полете. Она бредила краем мира, а я покажу ей предел, за которым ничто не заканчивается. Позволю дотронуться до стекла и вызвать снегопад. Одним движением, мой демиург, мой хаос и мое спасение, мир и ярость, свет и покой. Кто заслужил свет, девица Мира, коль даже мастер заслужил лишь покой***? Еще пара шагов — и откроется дверь, впустит в крошечную лавку, пропахшую древностью. Продавец пряностей отправился в путешествие за своим ароматным товаром, но антиквара вещи находят сами. Бредут на ощущение, знают, здесь живет тот, кто позаботится об их мирной и беззаботной старости. Латунные решетки и бронзовые подсвечники, мраморные плиты и светильники потускневшего серебра — все нашли приют в изъеденных сыростью стенах, источенных жуками-точильщиками, чья работа напоминает зловещее тиканье часов в полуночную пору. Зловещее тиканье, предвестник недоброго. Как козодой, что влетает в приотворенную дверь и садится на перила лестницы. Как собака, что воет под окнами ночь напролет. Кто-то в доме должен умереть****. Не верь глупым приметам, мой дивный цветок флердоранжа, благоухающий апельсинами. Прими лучше город в подарок, встряхни и порадуйся снегопаду. Пара минут – и шар исчезнет с витрины, поселится в уютном кармане. Вечером ты придешь, дотронешься холодными пальцами до порозовевших щек и усядешься в кресло. А я подарю тебе город, что никогда и нигде не заканчивается.

—Здравствуй.

Кто-то еще бродит полднем по городу? Кто-то знает и помнит его? Кто он, незнакомец, чудом оказавшийся на улице, выложенной старинными неровными плитами?

—Мы виделись раньше, я уверен. Но у меня плохая память на лица.

У меня тоже, вот совпадение. Только не стоит смотреть так пристально, так изучающе, так холодно. Словно ждешь от меня нечто, чего я не смогу дать. Я не загадка, не одна из странных вещей антикварной лавки, я всего лишь жалкий нищий, что стоит у порога богатого дома и выпрашивает скудное подаяние. Когда приходят трое нищих, кто-то

должен умереть. Откуда оно, еще одно старое суеверие? Из толстых, запыленных книг с пожелтевшими страницами, или тонких карт звездного неба, покрытых сетью созвездий, которых не существует. Я всего лишь романтик, выходящий из дому ближе к закату, под свет фонарей-апельсинов, собирать в ладони летящие цветы флердоранжа и вдыхать их свежий аромат. Я всего лишь мечтатель, бредущий по мягкому снегу, не оставляя следов. Я поэт, не написавший ни одной поэмы, утративший музу темной грозовой ночью в начале весны. И нашедший ее снова, мгlistыми зимними сумерками.

—Неважно. На что ты смотришь? Хочешь найти нечто особенное?

Словно мы знакомы давним - давно, друзья, потерявшие друг друга и отыскивавшиеся тихим зимним полднем на безлюдной улице, у витрины, скрывающей чудеса древности. Стекло потрескалось, раньше я не замечал. Заиндевело, внезапно ли, мир мой скроется за белой пеленой, исчезнет прежде, чем руки твои коснутся обещанного дара. Шар размером с апельсин. Лепестки белого, усыпающие мирно спящий внутри город, город под слоем хрупкого, гладкого стекла. А ты, такой знакомый незнакомец, что знаешь ты о ночных апельсиновых аллеях, сияющих теплым оранжевым, о невесомости тающих цветов на влажном воротнике плаща?

—Я хочу подарить целый мир. Со всеми домами и улицами, светом из окон, кошками у очагов. Снегом, что припорошил палубу ее корабля и льдом, сковавшим прилив ее гавани.

—Море далеко.

—Моря рядом. Оно повсюду, послушай, волны шелестят и лижут стеклянный берег, разбиваются о прозрачную, белую стену зелеными брызгами. Море приносит дыхание дальних стран, стран по другую сторону горизонта. Вода беспокойна, и лишь в одной тихой гавани дремлет она подо льдом, надежным и крепким, и сложены весла, укрытые пушистым инеем.

Что ты знаешь, мой немногословный и нечаянный собеседник о море, щедром на негаданные подношения. Оно скрывает вещи, как лавка антиквара, только не выставляет на витрину. Таит в глубине сокровища, бесценные и редкие, и никому не ведомо, чем заслужить его милость. Как дожидаться, что отворится дверь в синеватых сумерках, и снег лисьей повадкой заметет неглубокие следы у крыльца.

—Ты пришел не за морем. Город-мир, город-дар. Город – пустыня, зимой он мертв, кто сумеет его оживить.

—Она сумеет.

Что в тебе такого, незнакомец, что заставляет говорить о водах, ближних и дальних, кораблях со спущенными парусами, апельсиновых цветах и девице с вечно прохладными руками. Смотришь без любопытства, но отчего спрашиваешь, о чем хочешь узнать у одинокого путника, стоящего на перекрестье великих шелковых путей. Нищего путника, желающего купить целый мир и унести его домой в кармане, оберегая от чужих взглядов и жестоких прикосновений. Отчего я не могу вспомнить тебя? Где мы встречались, на каких перепутьях, в каких местах, шел ли там снег, палило ли солнце, пахло ли восточными пряностями, или может дождь лил за распахнутым окном?

—Она приходит каждые сумерки и исчезает с рассветом. Сворачивается в кресле еще одной кошкой, одной из тех, спящих на чердаке. Она верит в край мира, а я верю в снег, что упадет на город в ее ладонях.

Мира, девица Мира, произносить имя твое*****. А существует ли оно вне стен дома, где уютные сны качаются в складках штор, плотно задернутых, и все равно разрезанных надвое тонкой апельсиновой долькой с двумя просвечивающими сквозь полупрозрачную мякоть косточками. Холодным, кисло-горьковатым соком оно на сомкнутых губах, скованных выдуманым запретом. Мира, тает во рту горстью свежего, чистого снега. Мира, шепчет легкий ветер там, где на желтом закате собирают плоды в корзины. Мира.

—Во что еще ты веришь? Кроме моря, кошек и девушки, созданной быть твоей иллюзией? Твоим призраком, исчезающим с рассветом.

Мира. В далекой гавани первая трещина расколола льды. Тихий треск в неподвижном воздухе, на грани сумерек. Трещина на побелевшей и продрогшей витрине антикварной лавки. Ветер поднимается, надуваются повисшие паруса. Ветер рвет флердоранж и кружит над беззащитными крышами. Кошки шипят, выгибая спины, царапают когтями дерево.

Зачем ты так жесток, незнакомец, жесток к лишенным солнца и зелени, к брошенным на старинные плиты, под ноги застывшему под стеклом миру. Плиты, такие уютные по весне, такие теплые бархатным летом, обласканные солнцем и расцелованные ветром. Тянется, извиваясь вдоль трещин, тонкая дорожка пряностей, изгибается восточной змеей, повторяя узор на чужеземной, расписанной киноварью посуде. Льется цвет драконьей крови по мостовой, падают в него легкие, белоснежные лепестки. Окрашиваются алым, тяжелеют и опускаются на дно текучего потока, что берет начало у порога лавки торговца пряностями и обретает конец у двери антиквара. Кожа перчаток пахнет дымом и железом. Сними их, незнакомец, протяни руки и позволь лепесткам-снежинкам упасть в ладони. Что знаешь ты о невесомых касаниях, прохладных и мимолетных?

Моя иллюзия. Мой призрак. Мой край мира. Я вернусь вечером в свой маленький дом, отопру дверь и найду тебя там. Ты уснешь в кресле, а сны в складках штор споют колыбельную, тихую и дремотную. Кошка, пушистая, теплая кошка свернется клубком на коленях, коснется влажным носом руки и замурлычет в такт неслышной музыке. Я не стану тебя тревожить, лишь укурю зеленым одеялом, зеленым, как лепестки апельсинового цвета. Я достану их, в середине зимы, отыщу в толще снегов и под колючими льдами. А когда ты проснешься, почувствуешь запах, его ни с чем нельзя спутать, запах свежести и ветра, живущего в дивных, заморских садах. Откроешь глаза, и увидишь оранжевые солнца в сияющих белоснежных коронах. И никогда больше не уйдешь.

Никсу оставалось сделать пару шагов. Пару шагов по скользким плитам, темным и неровным. Помнят ли они древность, сколько им лет, десятилетий, веков? Чем измерить древность, что значит время для камня под ногами, и помнит ли он тысячи тысяч прикосновений? Лед укрыл его предательски прозрачным слоем замерзшей воды. Не скоро ей растаять и смешаться с рухнувшим на истосковавшийся по теплу город всеочищающим дождем.

Пара шагов занимает меньше минуты, гораздо меньше. Двое у витрины молчат, смотрят на застывшую змеей в ледяном плену трещину. Трещину в стекле антикварной лавки, раньше он ее не замечал. Или она появилась, как все вещи, достигшие порога старости. Порога лавки, их нового дома, приюта и укрытия. Появилась из ниоткуда, в одно мгновение, и заняла свое место уверенно и тихо, словно была здесь с начала времен. Двое смотрят и молчат, и одному неизвестно, что для другого трещина в холодном стекле – мост от края до края мира.

Один провожает другого долгим взглядом. Лед не хранит следов, плиты безучастны и молчаливы. Уходящий ступает по трещинам, и все тоньше становится мост.

—Что ты ему сказал?

Хайгер не обернулся. Из рта вырвалось облачко пара, светлого и густого. Повисло в застывшем воздухе и растаяло, неохотно и медленно. Холод сквозь перчатки гладит пальцы. Холод проникает внутрь с каждым вдохом. Холод с запахом снега, металла и вечера. Никс знал, сейчас лишь за полдень, но запах вечера становился все сильнее.

—Он рассказывал о девице, приходящей в сумерках и исчезающей с рассветом. Никто не придет в чужой дом в зимних сумерках, никто не уйдет с рассветом. Я сказал, ее не существует.

Никс знал, что Хайгер ответит после пары медленных, тягучих минут. Чуть хриловатый голос, таящий стекло и железо, голос на страже долгого молчания. Хайгер не любит выходить из дому зимой, не желает говорить на виду лежащего в руинах города, разрушенного беспощадным снегом.

—Я знаю его, но не помню откуда.

У тебя плохая память на лица. А если бы помнил, сказал бы то, что произнес несколько бесконечно долгих минут назад?

Никс не смог ответить.

—Прошлой весной Дождливый человек вернулся. Одна девушка забыла закрыть окно на ночь. Ты ведь знаешь, кого уводит с собой Дождливый человек. Неосторожных. Девушку звали Элиза, и она позабыла закрыть окно.

—Он любил ее?

Хайгер, мой бесстрастный друг, порой я опасаясь, что долгой осенней ночью в мою дверь постучат за полночь. Я выйду, пройду по спящему городу, и на одной из мокрых дождливых улиц найду тебя.

—Он был там, когда мы пришли. Там ты его видел, у открытого окна, перед не успевшими высохнуть следами на подоконнике. Он искал ее до самой зимы. А зимой вода замерзает, пустеют гавани и корабли заковывают льды. Он нашел ее, девицу Миру. Призрак, приплывший на корабле с белыми парусами и грузом в сотни апельсинов. Она подарила ему сны в шторах, кошек на чердаке и флердоранж на воротах плаща. Великий дар, не имеющий цены. Дар, который ты отнял.

—Нельзя отнять то, чего нет. Она иллюзия, девица Мира, фантазия, как море, окружившее город.

Наконец ты обернулся. Смотришь прямо в глаза, какая редкость. Улыбаешься, чуть заметно, кончиками губ, побелевших на холоде. Ты понимаешь все, но предпочитаешь делать вид, будто ни о чем не догадываешься. Ты знаешь, что сделал. Только жаль ли тебе несчастного нищего, чьи грезы ты втоптал в покрытые льдом старинные плиты*****? Вспомнишь ли ты о нем еще, позже, в серых сумерках под желтыми фонарями?

Никс не смог ответить.

Спит город. Спят апельсиновые аллеи, спит море у берегов, видимое лишь одиноким путникам, спят замерзшие улицы, спит заиндевевшее стекло. Спят грезы под ногами, спят плиты, усыпанные лепестками снега. Спит город под прозрачным куполом, спит среди старых вещей, что пришли в лавку дремать весь остаток своего долгого века. Зимой город засыпает рано.

В доме тепло и тихо. Тишина окутывает все мягким покрывалом. Обнимает нежно и бережно, и хочется уснуть, забыться, и не спастись, не вырваться из уютных, плотных объятий. Волны тепла разливаются широко и ровно. Растекаются по углам и щелям, неслышно потрескивают, пахнут сухим и горьковатым. Кошки утихли на чердаке. Ни звука, ни шороха, маленькие пушистые создания не пришли, не пожелали спать среди старых балок и опилок. Ветер тоскует над крышей, молча и искренне, тоскует в одиночестве. Сны качаются в складках штор, сумрачные и печальные. Им не хватает свежести, что тонкой струйкой вползала в дом и превращалась в бушующий ураган, беззвучный и стремительный. Свежести и аромата апельсинов, пахнущих снегом. Или снег приносил аромат апельсинов. Их выращивают далеко, там, где бесконечным днем светит горячее солнце, и полдень длится вечность.

Она не пришла. Слышится треск, далекий и негромкий, там расходятся льды в безымянной гавани. Волны поднимаются, и мчится ветер над морем, спешит на помощь древнему кораблю. Черны паруса твоего корабля и несут они горестные вести, белы, как символ победы, или пурпурны, окрашены соком цветов ветвистого дуба? Сколько досок заменили в тебе прохладные руки, так и не согретье легким дыханием? Прохладные и нежные, как лунный свет над апельсиновой рощей. Ты отплывешь ли в края, где всегда тепло и снега неведомы, и флердоранж падает на обнаженные плечи, не знающие прикосновений тяжелых мехов? Или к суровым зимам, таким суровым, что заснеженные улицы утонувшего в белом города кажутся тебе жаркими, но не способными согреть. Нашла ли ты край, девица Мира? Край земли, а за ним ничего нет. Вдруг ты вглядываешься в пустоту, стоишь, и асфальт обрывается перед тобой. Что ты видишь, когда смотришь в ничто?

Ты не пришла, девица Мира. Никто не отворил дверь, не сбросил плащ, слишком холодный для зим, не усыпал пол цветами флердоранжа, тающими чудным ароматом. Кресло пусто, полумрак молчалив. Погасить свечи, инстинкты приказывают избегать темноты, но древнее и глубинное говорит – темнота мягка и милосердна. Ты чувствуешь плиты под ногами? Слышен стук каблучков изящных ботинок, когда ты ступаешь по ним? Ступай легко, путник, ты топчешь грезы несчастного нищего. Может одного из трех, чей приход неизменно означает смерть. Или четвертого, отставшего, потерявшегося среди незнакомых созвездий, позабытого, так и не отыскавшего дорогу домой. Трескается, раскалываясь, витрина лавки антиквара, и трескаются льды, высвобождая твой корабль из плена. Корабль Тесея, прежний, или утративший свою суть? Сменивший доски, но сменивший паруса ли? Что несут они теперь, победу ли, или воды бесстрастного моря?

Ты не пришла, и не нужен никому крошечный город в стеклянном шаре. Он не узнает касания тонких пальцев, никто не встряхнет его и не засыплет бумажным снегом. Я не подарю тебе мир, девица. Мой призрак, мой сон. Зимний сон, тягучий и долгий. Не подарю клубок шерсти. Кто еще тебя видел, мой прекрасный призрак, моя отчаянная иллюзия? Шаги твои так легки, что не оставляют следов. Мокрых следов на подоконнике, у окна, неосторожно и широко распахнутого по весне. Ты уплыла, не попрощавшись, и стань я ждать тысячи ночей, ты не вернешься. Как не возвращаются те, другие, ушедшие за Дождливый человеком. Мы сможем встретиться там, девица Мира? Там, за светлой, непрозрачной стеной, или границей оборванного в никуда асфальта. Кто дал тебе имя, кто направил к моему порогу? Наш шар встряхнули, наш фонарь-апельсин с лепестками флердоранжа вместо снега. Апельсинами пахнет все сильнее. Если мы встретимся, девица Мира, я расскажу об апельсиновых дольках с гвоздями-косточками на моем полу, о белых цветах, что ты так безжалостно стряхивала с ворота плаща. И, может быть, там мы узнаем, что есть наш город.

Никса не разбудят стуком за полночь. Зимой ничего не происходит. То, что случается за окнами – остается за окнами. Сны в тяжелых складках штор надежно охраняют покой и сон тех, кто внутри. Он придет сам, на рассвете, в тяжелых, темных сумерках. Поднимется по трем скользким ступенькам. Толкнет незапертую дверь и войдет. Посмотрит на погасшие свечи, на два кресла напротив друг друга. Преодолеет желание прикоснуться к пустоте над мягкой обивкой. Не полюбопытствует, как удалось лишить себя жизни романтику, выходящему из дому ближе к закату, под свет фонарей-апельсинов, собирать в ладони летящие цветы флердоранжа и вдыхать их свежий аромат. Мечтателю, бредущему по мягкому снегу, не оставляя следов. Поэту, не написавшему ни одной поэмы, утратившему музу темной грозовой ночью в начале весны, и утратившему ее снова, мглистыми зимними сумерками. Никс уйдет, оставив все, как есть: мертвеца и пустоту, тонущих в густой полутьме. Уйдет, вдохнув напоследок еле уловимый, тонкий и свежий запах апельсинов.

Зима – ночь, одна долгая ночь.

*Миф о Тесее и Минотавре.

**Парадокс о тождестве.

*** М. Булгаков, "Мастер и Маргарита".

**** Ларс фон Триер, "Антихрист".

***** Умберто Эко, "Имя розы".

***** W. B. Yeats.

Заветное желание

Макаревич Юлия (Республика Беларусь) родилась 13 июля 1999 года в г. Минске. Студент 4 курса факультета английского языка в Минском Государственном Лингвистическом Университете.

Увлекаться писательством начала в начальной школе. Участник Международного литературного конкурса молодых белорусских и российских литераторов Союзного государства «Мост дружбы» (2020 г.).

В ночь, когда костры освещают землю словно новое солнце, происходят самые неожиданные события. Звёзды на небе становятся бледнее любого огонька с земли, и все превращается в цветастый ковер, сотканный из песен и слов.

К этой ночи Веста готовилась загодя: она не только разложила на пороге своего домика крапиву, но и вшила во внутренний карман платья плакун-траву: на случай, если нечисть решит устроить проказу. Накануне она сплела венок, который по праву мог быть назван самым красивым в округе, да иначе и быть не могло, ведь предназначался он самому завидному жениху. Веста долго собирала травы для этого венка: нашла и папоротник, и базилик, и даже смогла добыть дикую розу.

Дня Ивана Купалы ждала вся деревня. Молодые люди натаскали хвороста к берегу реки, да собрали с каждого двора ненужную деревянную утварь, дабы развести самый большой костер из всех, когда-либо существовавших. И правда — Веста никогда раньше не видела, чтобы пламя вздымалось так высоко. Весь берег утопал в оранжевых отблесках и белых пятнах, кружащихся в хороводе, который потянул её за собой. Постепенно наступило время прыгать через жарник, и Веста почувствовала теплое прикосновение к своей руке — то был Микола, её суженый. Огонь, казалось, пылает до самого неба, а то и есть сам небосвод, и это заставило ее почувствовать лёгкую дрожь во всем теле, и отступить назад. Микола ярко ей улыбнулся, сжал тонкую ладонь покрепче, и Весте на секунду стало спокойней. Они оттолкнулись от холодной земли и пролетели над ярким пламенем не размыкая рук.

«Осталось дожидаться сватов», — подумала Веста, только как-то совсем безрадостно.

Наконец, девушки отправились к реке, чтобы пустить венки в плавание. Мокрая темнота засияла сотнями цветов, ароматов и несмелых ожиданий. Веста, как заколдованная, пошла по берегу реки, следуя за своим круглым проводником мимо высоких трав и хмурых деревьев.

Она долго бродила, а венок будто и не собирался останавливаться. Вдруг в стороне от себя она услышала тихие голоса, и отчего-то решила, что это цветок папоротника прячется за одним из кустарников. Людям тут взяться неоткуда, слишком далеко она отошла от костров, а папоротник, говорят, может звать к себе. Веста тихо отодвинула ветку и увидела совсем не то, что ожидала: на поляне ее Миколка целовал какую-то женщину, чьё лицо никак не удавалось рассмотреть.

«Вот почему он не словил венок», — единственное, что промелькнуло в ее голове так быстро, словно белка перескочила с одной ветки на другую. Она вновь пробиралась по влажной траве куда-то, где не было цветов и звуков. Лес, с его ночной сыростью и прохладой, казался бесконечным лабиринтом. Река, бессменный спутник, петляла и путалась вокруг Весты, пока вдали не замерцало что-то: то светлячок приземлился на её венок.

Она шла за ним, как за давно знакомым ориентиром, который обязательно вывел бы её к чему-то хорошему; но жёлтый огонек погас, и Веста почувствовала влажные дорожки на своих щеках.

— Милая, неужто из-за венка расстроилась? — разрезал тишину бархатный мужской голос.

— Нет, — она быстро смахнула рукой следы своей неожиданной слабости.

— Вижу, ты ждала, что его поймаю не я, — обладатель голоса склонил голову на бок, будто пытаясь услышать мысли Весты.

Она смогла только быстро кивнуть, прежде чем слезы покатались ещё быстрее, чем раньше, а незнакомец раскрыл ей свои прохладные объятия с запахом мяты и прелой листвы.

Он нежно, едва касаясь, провел рукой по её волосам, и Веста быстро отстранилась, коря себя за несдержанность.

— Я — Лорис. Нездешний, проездом. Так что можешь смело рассказать мне обо всех печалях, я никому не скажу, — Лорис поднял в теплый воздух правую ладонь, принося молчаливый обет. К своему удивлению, Веста поведала ему совершенно все. Она умолчала только о том, что волосы Лориса были ничуть не хуже кудрей Миколы, а лицо нового знакомого зачаровывало ее своей красотой, чего никогда не случалось, если она смотрела на жениха.

— Сдается мне, что ты плачешь от облегчения, — пробормотал Лорис. Веста хотела объяснить ему, что это вовсе не так, но он не дал ей шанса.

— Неужели тебе хотелось растратить свою жизнь, рожая детишек? Не побывать нигде? Умереть, не найдя понимания?

Она быстро замотала головой, недоумевая, откуда Лорис мог узнать то, в чем она сама себе боялась признаться. Микола был добр и мил с ней, пусть даже не все понимая из того, что она ему говорила. И она убедила себя, что этого будет достаточно.

— Будь моя воля, я бы здесь и минуты не провел, — усмехнулся Лорис как-то зловеще, и по спине Весты забегали мурашки. Он смотрел куда-то вдаль, на спокойную луну, которая отражалась ярким светом на его мертвенно-бледной коже. Лорис стоял у одного из темных деревьев, окруженный тонким туманом, в котором растворялись все страшные ночные видения. Веста похолодела и схватилась за вшитый в подол корешок.

— Покойник, — прошептала она.

— Какая глупость. Я же сказал — я тут проездом.

Он беспечно пожал плечами и Веста поняла, что его изящный наряд не подходил для июльской ночи.

— От селений далече. Твоя одежда отличается от той, что тут носят, — она смело взглянула в худое лицо, и ей показалось, что серые глаза стали светлее.

— Предположим, я расскажу тебе всё. Но хочется ли тебе это узнать?

Ей подумалось, что нечисть не смогла бы ее обнять — плакун-трава была проверенным средством. Лорис смотрел на нее открыто и искренне, будто он и вовсе не способен на что-то плохое. Такой взгляд она не могла отвергнуть.

Он заговорил куда более складно и спокойно, чем Веста. Речь лилась благозвучным горным ручьем, совсем не похожим на говор местных. Вся его история казалась сказкой, полной приключений и событий, которые ей не суждено было когда-нибудь испытать.

— Дело в том, — прокашлявшись, продолжил он, — что некоторое время назад меня прокляли. И уйти я смогу, только если в летнюю ночь получу один из венков, так что...

— Добрых людей не проклинают, — тихо вклинулась Веста.

— А кто тебе сказал, что я человек? — Лорис деловито поправил потрёпанные манжеты. — Таких, как я, в каждой деревне проклясть готовы. Будто мы только и хотим, что обокрасть вас и погубить.

— Ужель ты, колдун, и воды не замутишь?

— Лорис, — мягко поправил он. — Ты веришь в то, что кто-то рождается с желанием вредить другим? — Веста даже в темноте заметила, как высоко поднялась его левая бровь.

Ей показалось, что все барьеры где-то за ребрами разбились, издав оглушительный звон, который отозвался в ее голове.

— Нет, я так не думаю.

Лорис посмотрел на нее, приподняв уголок рта, и откуда-то достал мерцающий цветок, который не мог быть ничем иным, как цветком-папоротником. Он вмещал в себе все краски леса, переливался и сиял, будто наполненный частичками огня. Веста быстро замотала головой.

— Бери, ты его нашла честно.

Она протянула руку и схватилась за зеленый стебель. Ходила молва, что это растение исполняет все желания нашедшего его, но в голове у Весты поселилась оглушительная пустота.

Небо посветлело, солнце медленно поднималось из-за горизонта, постепенно озаряя один кусочек земли за другим, и Веста увидела, как теплый луч осветил улыбку Лориса.

— Куда ты теперь? — отчего-то ей было важно узнать.

— Буду путешествовать. Ты, в некотором роде, меня освободила. Дело не только в венке, я ведь столько ловил их, а все без толку.

Он заметил вопрос в ее взгляде и спешно пояснил:

— Я чувствую, что сейчас что-то изменилось, только сказать не могу, что именно.

Такое же чувство испытывала и она сама: где-то за сердцем в ней разгоралось тепло, похожее на купальский огонь, через который она прыгала вчера вечером. Сейчас ей совсем не хотелось возвращаться домой, а мечталось отправиться куда-то далеко – в страны, о которых он говорил.

Она никак не могла набраться смелости, чтобы спросить у Лориса, может ли она поехать с ним, но он, будто прочитав ее мысли, кивнул, а потом надел себе на голову венок.

Розовые тучи слились с синими оттенками раннего утра, превращаясь в спокойный и тихий день, который вскоре наполнился еле слышным пением проснувшихся птиц.

Веста знала, что теперь все так, как должно было быть. Она ещё раз взглянула на переливающийся цветок и спрятала его в подшитый карман. Ей нечего было загадывать.

Подрезая сорняки

Пашкевич Макар Сергеевич (Республика Беларусь) родился в г. Гродно. 21 год. Гродненский государственный медицинский университет. Участник Международного литературного конкурса молодых белорусских и российских литераторов Союзного государства «Мост дружбы» (2020 г.).

В день, когда была работенка, Бартоломео всегда просыпался в шесть утра. Он старательно брился, не завтракал, но пил чашечку немислимо дорогого кофе, целовал спящую жену, а потом шел собираться на работу.

Его рабочей одеждой являлись тяжелые кожаные сапоги, которые громко стучали, когда мужчина шагал по мостовой, плотные черные штаны на золотистых веревочках, белая блуза и белый шейный платок. Потом он при помощи жира с эфирными маслами прилизывал свою седую шевелюру, улыбался своему отражению в маленькой форточке и надевал самую важную часть его униформы – большущий, мешковатый алый балахон с капюшоном. Величественная фигура в развевающемся на ветру пестром одеянии была ярче и красивее утренней звезды. Каждый прохожий, замечавший неторопливо шагающего Бартоломео понимал: ищи хлеб, ибо грядет зрелище. Некоторое время по римским улочкам ходила легенда, что если Бартоломео Бугатти идет по мостовой, то город накрывала пелена тишины. Птицы не пели, потому что они не знали панихид, ветер не выл, потому что он путался в складках алого плаща, и даже крикливые торговцы на рынках враз замолкали на пару мгновений, будто выказывая уважение маэстро мрачной науки, и только в тихих, унылых, неприветливых уголках папского города можно было услышать жалостливые стоны призраков в знак протеста. Другие же говорили, что свой плащ мужчина сшил из крови и волос преступников. Никто не хотел ни подтвердить подобные легенды, ни развеивать. Потому что каждый знал: лезвие стучит о плаху с дозволения папы, а, значит, и Всевышнего.

Вот и в это утро Бартоломео стучал сапогами по булыжникам моста, спрятавшись внутри бесчисленных слоев своей мантии, большой топор мерно качался на его плече, а обух стеснительно блестел в лучах утреннего солнца. Своими шагами палач запустил обратный отсчет жизням приговоренным. Кареты и повозки останавливались, а кучера отводили взгляды, впечатлительные люди крестились и, читая молитву вслух или про себя,

торопливо удалялись, иные же собирались в немалую колонну и шагали за алым образом на площадь, где уже ждала плаха. Горожане тянули за собой детей, дабы погрозить им пальцем в прямом и переносном смысле, чтобы те ответственнее относились к выбору по жизни.

Вокруг помоста собралась толпа. Всюду стоял гвалт, откуда-то доносился даже смех. Однако стук подошв палача легко пробился сквозь шум и гам, а людское скопище смиренно расступилось, пропуская грозную фигуру. Бартоломео вальяжно поднимался по скрипучим ступенькам, прошелся по прогибающимся доскам и остановился рядом с плахой. Изрубленный, пропитанный кровью пень застыл в терпеливом ожидании жертвы, а ящик у его подножия навевал мысли о дверях в мрачный потусторонний мир. И народные выдумщики считают, что в момент казни из загробных горизонтов вырывается куда больше нечисти, чем появляется новых путников призрачных земель.

Палач снял с плеча топор, звучно, с треском, опустил его на доски и сложил ладони на рукояти, вытянувшись во весь рост, всем своим видом показывая, что правосудие готово свершиться.

Люди нетерпеливо озирались. Многие, конечно, внесли казнь в свой распорядок дня, но кто-то случайно оказался на данном мероприятии, и пусть важных дел у них было навалом, пропускать такое зрелище они не собирались.

Девять часов утра приближались, однако никакого развития событий не наблюдалось. Хоть фигура Бартоломео выражала абсолютное спокойствие, толпа у помоста начинала переживать:

- Эй! Ну, что там?! У меня свиньи не кормлены! – возмущалась женщина в первом ряду, и сборище одобрительно зашумело, будто всех волновал голод свиней.

Палач невозмутимо повел головой в капюшоне, ничего не ответил, но все же подумал: «Передумали что ли?»

Возмущение люда набирало обороты, и на самом его пике на помост вбежала заплаканная старушка, закричав:

- Убили!

Толпа мигом замолчала и кто-то один обронил робкое:

- Кого?

- Мужа моего! – крикнула женщина в ответ и разрыдалась: - Зарубили!

- Это казнят которого? – смутился длинноволосый, высокий мужчина. Стоял он далеко, но из-за роста и высоты голоса был легко заметен.

- Да, - кивнула причитавшая.

Народ, разрываемый возмущением и досадой, вновь поднял шум. До ушей палача долетали отдельные слова, например: «безобразие», «жаль», «кто», и обрывки фраз или целые фразы: «вот те раз!», «и что теперь?», «а голову показать?», отчего Бартоломео не мог не усмехнуться. Однако мужчина и сам не знал, как толковать этот смешок.

- Эй, мастро! – палача окликнул начальник городской стражи. Толстый мужчина в тесной для него броне из-за шума смог неслышно приблизиться и слегка напугал грозный алый силуэт. – Казнь отменяется!

Бартоломео прищурился, но капюшон скрыл этот факт:

- Что произошло?

- Не знаю, - покачал головой солдат, - Кто-то отправил на тот свет раньше времени осужденного. Но кто? И как?

Появившаяся из ниоткуда стража разгоняла народ. Несколько стражников подхватили под руки причитавшую женщину и потащили ее в сторону здания суда.

Суд располагался прямо позади карательной площади. Помпезное здание в стиле барокко грозно возвышалось над оживленным городом. Белый, еще не успевший выцвести, камень ослепительно блестел в лучах проснувшейся звезды. В окнах зашевелились массивные шторы. Одни за другими, они падали под своим весом, пряча комнаты от назойливого света, тем самым избавляя стены от жары в будущем. Недалеко от входа на

массивном постаменте возвышалась статуя Фемиды. Ее спрятанный мраморной повязкой взор был обращен в сторону помоста с плахой, где с завидной регулярностью в ее честь рубили головы.

К сверкающему зданию суда торопилось пять фигур. Пузатый солдат шагал впереди. Он уже тяжело дышал и вытирал со лба льющийся ручьями пот. Двое поджарых вояк несли обмякшую и всхлипывающую женщину, и стучали по камням алебардами при ходьбе. А за ними гордой походкой в глубине красного, как пожар, развевающегося плаща шагал палач с топором на плече. Чем больше они приближались к суду, тем сильнее стук сапогов Бартоломео заглушал возмущение толпы. Внутри же каменного здания его топот срывал пелену тишины. Каменные статуи недовольно глядели на незваных гостей, что нарушали их глубокие многолетние размышления.

Начальник стражи повел палача к незаметной двери левее от входа. За ней скрывалась лестница вниз, в конце которой располагались камеры, где некоторые подсудимые ждали вердикта. Так уж вышло, что дело Люциана Кавалли долго рассматривать не пришлось. Буквально вчера он предстал перед судом, и практически в то же мгновение вынесли вердикт: на казнь. Тянуть с исполнением приговора никто не собирался, посему ночь мужчина провел в камере в здании суда, дабы с утра пораньше предоставить Бартоломео возможность избавить землю от тяжелой ноши в лице еретика Люциана.

Однако что-то пошло не так.

В тускло освещенной комнате уже находилось три человека. Они окружили бездыханное тело, и каждый был погружен в свои тяжелые мысли. Первый, ближе к двери, являлся кардиналом, что свидетельствовало о серьезности происшествия. Высокий, статный мужчина с аккуратной бородой в алой форме представлял здесь интересы самого Папы. Его силуэт, как и силуэт Бартоломео, создавали вокруг атмосферу святой ярости, и у находящихся рядом возникало ощущение, что довольно скоро все проблемы разрешатся. Второй мужчина, судья Альберто Манчини, чесал седые волосы и глухо мычал: так размышления вырывались из него. Черное одеяние подчеркивало пышность его форм, а рост добавлял грозности. Третьей персоной был никто иной, как главный римский инквизитор Алессандро Гвидиче. Человек старой закалки. Косого взгляда его дергающегося глаза часто хватало с лихвой, чтобы разговорить и убедить. Все дело в ореоле, что витал вокруг личности инквизитора. Жизнь у него выдалась долгой, насыщенной, и за прожитые годы он смог заполучить славу одного из самых верных сынов всевышнего. Он не словом, а делом доказывал, что во славу имени Его пойдет на что угодно.

На вошедших никто не обратил внимания. Солдаты довольно жестко толкнули женщину к доскам, на которых спал убитый, и та, забравшись на них, закрыла лицо руками. Бартоломео наконец-таки снял капюшон, поставил с тихим звоном топор на пол у стены, и застыл по левую руку кардинала. Начальник стражи подошел к маленькому окошку и принялся ловить редкие порывы приятного ветерка.

- М, мастро Бугатти, – заговорил судья, - какой честью обязаны?

- Пусть остается, - властно сказал кардинал, - позвольте вас уверить, Альберто, нынешнее дело расширяет компетенции каждого из нас. Этот человек, - он указал на изувеченное тело, - при жизни был еретиком. Он открыто выступил против Папы, а значит и против Господа. Однако кто-то решил, что его жизнь принадлежит кому-то еще, кроме доверенных лиц Папы и, соответственно, Отца Небесного. Мы же не хотим, что бы по городу пошла молва, что мы не можем уследить даже за столь важными преступниками.

- Но он и так мертв, - прохрипел палач, глядя на мертвого.

- Да, так и есть. Но умер он непоказательно, не успел дать урок остальным. Я понимаю, что вы не выходите дальше своего района, но я вас уверяю: ситуация во всей Папской области довольно напряжена. А данное недоразумение, - кардинал бросил презрительный взгляд на труп, - может бросить ненужную нам всем тень на неустойчивый авторитет католической церкви.

- А ее зачем притащили? – спросил инквизитор звонким старческим голосом.
- Жена убитого, - отвечал начальник стражи. – Может что-нибудь знать.
- Ничего я не знаю, - отмахнулась заплаканная женщина. – Оставьте меня в покое, душегубы!

- Твой муж – преступник, женщина, - сурово отозвался судья. – Он признался перед судом и Богом.

- Знаю я, как вы умеете вопросы задавать, - огрызнулась несчастная жена. Было понятно, терять ей больше уже нечего. Ее маленький мир разваливался, свет счастья и радости мерк в глазах, оставались считанные часы, когда она окончательно разочаруется в этой жизни, этой реальности.

Кардинал властным жестом приказал солдатам увести ее, а потом вернулся к размышлениям над неподвижным телом.

- Так... кто-нибудь что-нибудь видел? – спрашивал он.

- Мы не можем найти солдат, что отвечали за ночную стражу, - задумчиво отвечал начальник городской стражи, - Смена уверяла, что утром уже никого не было. Были ли они в сговоре или лежат уже где-нибудь в яме?

- Но зачем убирать тела стражи, если факт преступления на лицо? – смутился инквизитор Алессандро.

- Не о том беспокоитесь, господа, - прервал их размышления кардинал.

- А о чем должны? – уточнил судья.

- Нам нужно отреагировать в кратчайшие сроки, - отвечало доверенное лицо Папы. – Как ни прискорбно, почва у нас под ногами дрожит. Идут ли сейчас последние годы светлой власти Всевышнего или это лишь смутный период – не известно. Одно могу сказать точно, грядущее столетие станет переломным для Папской области. А мы должны сделать все, чтобы устоять на ногах, а не пасть на колени перед богопротивными личностями. Понимаете, о чем я?

Все в помещении закивали. Все, кроме Бартоломео.

- Ситуация, конечно, щепетильная, не спорю, - говорил палач. – Однако кого что мы сейчас можем сделать? Свидетелей нет. Как и подозреваемых.

- Подозреваемых уйма, - поспорил инквизитор, - половина Рима.

Через незастекленное окно камеры просочились голоса неугомонной толпы. Люди были чем-то недовольны, но маленькое подвальное помещение выполняло роль некоего пузыря. Находящаяся здесь пятерка безучастно впитывала звуки улицы, их волновал лишь мертвец перед глазами. И, разумеется, связь или закономерности между бездыханным телом и суматохой вне стен здания суда отыскать не составит особо труда, пузырь оказался не проницаем, и мысли пятерых мужчин уподобились стоячему водоему в глубокой пещере.

- Господин Бугатти, вероятно, не до конца понимает тонкости сложившихся обстоятельств, - задумчиво проговорил кардинал, - не будем его винить. Сфера его деятельности находится немного... в иной плоскости.

- Можете прямо сказать, что я ваш мясник, - проворчал Бартоломео, - этим вам меня не оскорбить. Единственное, чего я не понимаю: неужели методичные, но при этом сумбурные казни помогут избежать лишнего кровопролития?

- Дорогой мой, - усмехнулся судья Манчини, - кровопролития нам никак не избежать. Но в наших силах сейчас убрать с поля самые весомые фигуры.

- Точно, - кивнул кардинал, - но я вижу нам стоит поднять еще один вопрос. Вопрос о лояльности.

Суматоха на площади внезапно приутихла. И вот этот факт пятерка не упустила из виду. Теперь им точно ничто не мешало всецело уйти с головой в злободневные дела. Четверо мужчин вопрошающе буравили взглядами пятого. И пусть каждый находящийся в комнате знал, какие слова будут вскоре произнесены, они все же обязаны прозвучать. Как норма, как жест.

Бартоломео смотрел на одних из самых влиятельных людей Рима. ореол святости, что на последнем издыхании блестел над головой кардинала, потух, и стало понятно, что его алое одеяние соткано из того же материала, что и балахон палача – из крови.

- Не сомневайтесь в моей лояльности, - ответил Бартоломео. – В моем возрасте уже не до подобных игр.

- Дело не в возрасте, - говорил инквизитор, - и это не игры. Все зависит от восприятия. Коль во что-то по-настоящему веришь, так будь добр, стой до конца, отстаивай идеалы до последнего вздоха.

- Полностью согласен, - кивнул палач. – Найти бы мне такие идеалы.

- Мы вам поможем, - дружелюбно улыбнулся кардинал.

- И все же. На кого нам стоит обратить сейчас внимание? – спросил судья Манчини. – Протестанты? Аристократы? Или масоны?

- Все они стоят нашего внимания, - прохрипел старик Алессандро. – Особенно эти сатанисты масоны. Они, может, и не желают взять власть в свои руки, но делишки их окверняют священные земли.

- С сатанистами мы потом разберемся, дорогой Алессандро, - покровительственно говорил кардинал. – Они всегда были, всегда будут. И роль их туманна. Да и в любой момент можем наречь этим прекрасным титулом любого.

- Но нельзя на них просто так закрыть глаза! – возмутился инквизитор.

- Не закроем, не закроем, - успокоил его кардинал. – А теперь я бы предложил сменить место беседы.

- Да, пройдемте в мой кабинет, - предложил судья.

- Чудно!

Начальник городской стражи откланялся, сказав, что ему нужно навести порядок среди подчиненных и что всем известно, где его можно найти. Бартоломео же пошагал за тремя высокопоставленными мужами. Он как-то привык к тому, что находится в самом конце судебных разбирательств, поэтому эта экскурсия, пожалуй, заинтересовала его. История не забыта, и даже в столь новые времена народ с подозрением смотрит на еще живую инквизицию и католическую власть. Духовный гнет ослаб, да и сжигать всех подряд перестали, хотя террор полностью не пропал, но на карте внезапно появились другие игроки, которых уж точно не стоило списывать со счетов. И нельзя было не заметить волнений по всей Папской области. Даже если не высовывать носа из Рима.

Палач понимал, что ему предстоит: от его руки очень скоро прольется кровь, и одному Всевышнему известно, справедливо ли. Нет, это не совесть совершенно внезапно выиграла внутри, мужчина отдавал себе отчет. Поздно договариваться с самим собой и с призраками. Он умеет в этой жизни крайне мало, и все навыки приносят пользу лишь могильщикам. Но это нестрашно, ведь сам Папа все равно отпустит все грехи.

Чиновники шарахались от массивного лезвия палача, когда мужчина величественно проходил по коридорам. Разговоры о делах утихли на время короткой прогулки до кабинета, и за эти минуты каждый мог придумать доводы и стратегии.

Личный уголок судьи оказался маленьким, но богато обставленным. Кожаные кресла, камин, стеклянный шкаф, заставленный книгами и большущий рабочий стол, заваленный бумагами, у окна. Шторы никто не завесил, посему в кабинете разгоралась духота.

Трое мужчин погрузились в долгий и жаркий спор. Палач слушал их с искренним интересом и старался не напоминать о себе, дабы не мешать дискуссии. Его голос все равно учитывать вряд ли собирались. Все, чего он желал, это уловить причину, из-за которой скоро человек положит голову под топор, что занесет Бартоломео.

Однако никаких ниточек, что помогут ему понять суть беседы трех мужчин, палач схватить не смог. Да они и не собирались прямо сейчас выносить вердикты, хотя бы за это стоило отдать должное.

Мозговым штурмом было выбрано четыре человека, чьи дома в ближайшее время ждала облава. Бартоломео не желал приставать с вопросами, кто они и почему они, а

кардинал отвесил ему уважительный поклон, заметив в глазах искорки безразличия. В ответ на это палач спрятал лицо в капюшоне, взвалил на плечи топор и сказал присутствующим, что будет ждать дальнейших распоряжений, а потом пошел домой.

На сегодня его работа была окончена.

- ... таким образом, за посягательство на честь и достоинство его пресвятейшества Папы, а так же за богопротивные и непристойные сатанинские ритуалы и действия, направленные против законной власти Люциус Бьянки, Антонио Джентиле, Вильгельм Мозер и Фернандо Гарсия приговариваются к смертной казни через отрубание головы, - вещал на целую площадь солдат, а народ ему одобрительно гудел в ответ.

Четверо осужденных стояли в ряд перед плахой. Они опустили разбитые лица и ждали в молчаливом смирении своей участи. Молились ли? Кто знает, но так или иначе, от них в этот момент отвернулись все существа: и сверхъестественные, и материальные.

Бартоломео стоял с другой стороны изрубленного пня в своей классической позе. Его неподвижный, величественный алый силуэт навевал философские мысли о неотвратимости принятых решений. И входят ли эти решения в очерченные людьми области добра и зла? Развевающиеся на кротком ветру складки плаща и руки, сложенные перед ним на рукояти дремлющего топора. Скоро четыре человека покинут этот мир, и четыре призрака наконец-то завершат свой путь в долине смертной тени.

- Первый!

Палач не знал, кто именно сейчас делает свои последние шаги, а капюшон мешал обреченному заглянуть в его глаза. Но палач поднял топор и сделал то, что должен. То, что делал долгие-долгие годы. Ведь это его работа.

Послышался один глухой удар топора.

А потом еще три.